

902.7(Д)
Э-91

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В ДРЕВНЕМ
ДАГЕСТАНЕ

Махачкала 1987

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

902.7(Д)
Э-91

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ДРЕВНЕМ ДАГЕСТАНЕ

(Сборник статей)

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала 1987

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее сложных и трудных и вместе с тем чрезвычайно актуальных является проблема этнокультурных процессов. В дагестанской археологии она имеет особенно большое значение, поскольку проблема происхождения народов многонациональной республики и развития культуры ее населения настоятельно требует своего решения. В исследованиях дагестанских археологов эта проблема постоянно обсуждается, однако многие ее аспекты еще нуждаются в основательной дальнейшей разработке. Этой проблеме посвящен и данный сборник, в котором на основе многочисленных археологических материалов с привлечением данных смежных наук рассматриваются вопросы этнокультурного развития народов, населяющих современный Дагестан и Чечено-Ингушетию с эпохи энеолита до средневековья. Материалы, включенные в него, выводы авторов статей имеют важное значение для понимания различных этапов этнической истории Дагестана.

Статья М. Г. Гаджиева «Развитие культуры Дагестана в эпоху раннего металла» посвящена изучению этапов развития материнской культуры Дагестана эпохи энеолита и ранней бронзы, уточнению хронологии и периодизации памятников. Автор прослеживает пути развития керамических форм, кремневых и металлических предметов на протяжении V—III тысячелетий до н. э.

Р. Г. Магомедов в статье «Этнокультурная ситуация в Дагестане в эпоху средней бронзы» прослеживает общее и особенное в развитии материнской культуры Северо-Восточного Кавказа, рассматривает проблему соотношения археологической культуры и этноса, выделяет этнодифференцирующие признаки и обосновывает мысль о принадлежности памятников этого региона предкам современных народов Дагестана и Чечено-Ингушетии.

О. М. Давудов в статье «Об этнической характеристике памятников Прикаспийского Дагестана» пересматривает точку зрения о принадлежности Таркинского могильника смешанным племенам сарматских аорсов и албанских удин — утидорсам и Карабудахкентского могильника — удиам. Утидорсов и утнев-удов он причисляет к сарматским племенам и локализует в бассейне реки Кумы. Вместе с тем он признает связь сарматского населения с местными дагестанскими земледельцами.

Статья А. А. Кудрявцева «О синкретизме парфяно-сасанидских,

Составитель

канд. ист. наук М. Г. ГАДЖИЕВ

Ответственный редактор

канд. ист. наук А. И. ИСЛАММАГОМЕДОВ

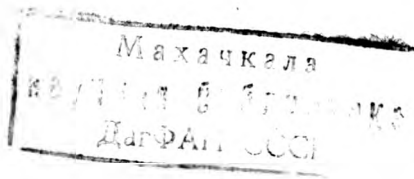
Рецензент

д-р ист. наук С. С. АГАШИРИНОВА

На основе анализа данных археологии и смежных наук в сборнике рассматриваются вопросы этнокультурного процесса в Дагестане с эпохи энеолита до раннего средневековья включительно, развития и распада северо-восточнокавказского этнокультурного единства, этнокультурной принадлежности отдельных археологических памятников. В научный оборот вводятся новые материалы археологических раскопок в Дагестане.

Сборник рассчитан на археологов, историков, этнографов, антропологов, филологов.

140855

считавшейся древнейшей на этой территории культурой раннеземледельческого типа.

Она была выделена Б. А. Куфтиным еще в начале 40-х годов как древнейший пласт раннеметаллической эпохи Закавказья и названа «куро-аракским энеолитом»¹⁰. Определяя эту культуру как энеолитическую, Б. А. Куфтин исходил из того, что в известных тогда комплексах данной культуры металл был представлен в ограниченном количестве и в довольно архаических формах¹¹. Тогда же Б. А. Куфтиным были выделены и археологические комплексы эпохи ранней бронзы. Если к энеолиту относились поселения, в которых металл встречался чрезвычайно редко, то в эпоху ранней бронзы им были включены могильники с отдельными металлическими вещами¹². По мере накопления новых материалов представления об эпохе энеолита и ранней бронзы уточнялись, а аналитические исследования металлических предметов показали, что принятое прежде деление было основано на необъективном подходе к материалу¹³. У племен куро-аракской культуры неожиданно высоким оказался уровень развития металлопроизводства. Выяснилось, что они освоили и внедрили в качестве сырья для изготовления орудий искусственный сплав — мышьяковую бронзу¹⁴. В результате этого была подвергнута сомнению принадлежность куро-аракской культуры к энеолиту. И когда в начале 60-х гг. на поселении Кюльтепе у Нахичевана под наслоениями куро-аракской культуры был обнаружен более ранний пласт подлинной энеолитической культуры, появился ряд статей, в которых куро-аракская культура была переосмыслена как культура эпохи ранней бронзы¹⁵. Последующими исследованиями было установлено существование в Закавказье обширного ареала подлинно энеолитической культуры, названной по-разному: шомутепинской¹⁶, шулаверн-шомутепинской¹⁷, раннеземледельческой культурой Закавказья¹⁸. С открытием пос. Гинчи энеолитический пласт был выделен и в культуре эпохи раннего металла Северо-Восточного Кавказа¹⁹. Однако после того, как в результате углубленного изучения уровня развития производительных сил куро-аракская культура была отнесена к эпохе ранней бронзы и выявлена предшествующая ей энеолитическая культура, наметились определенные сомнения в отношении периодизации некоторых археологических комплексов Закавказья, прежде относившихся к «энеолитической» куро-аракской культуре (ранние комплексы Амирание-гора, Тетри-Цкаро (нижний слой), Кикети (ранний комплекс) и др.²⁰

Основанием для этого послужило наличие на них некоторого количества грубой светлой керамики. Смещение или совмещение на одних и тех же уровнях указанных памятников как будто бы архаической керамики энеолитического облика с обычной куро-аракской было расценено как аргумент в пользу существования между энеолитической, шулаверн-шомутепинской и куро-аракской культурами промежуточного периода, когда была в употреблении энеолитическая посуда и архаическая керамика куро-аракской культуры²¹. Но в таком случае, по мнению других исследователей

(А. И. Джавахишвили), понятие «археологическая культура» теряет свою определяющую четкость и не может выражать внутренней связи двух культурно-исторических явлений, если даже она и существует²². Добавим к этому, что качество керамики не всегда может быть хронологическим показателем. Хорошо известны случаи, когда качественная керамика сменяется более грубой²³ или в слоях заведомо поздних памятников нередко встречается посуда весьма архаического грубого облика²⁴. Поэтому нам представляется, что в данном случае было бы целесообразным исключить керамику (технический уровень ее производства) из диагностических признаков, определяющих эпохальную принадлежность археологических памятников. Ведь смена археологических эпох не всегда сопровождается сменой традиций керамического производства.

Ряд исследователей считает, что куро-аракская культура не является культурой одной только эпохи ранней бронзы, что она зародилась и формировалась в энеолите и только ее развитая стадия приходится на эпоху ранней бронзы²⁵. Известно, что археологические культуры прямо не соотносятся с теми или иными археологическими выделяемыми эпохами. Одни и те же культуры могут существовать, развиваясь на протяжении двух эпох, как, например, трипольская, древнеямная и другие культуры, сложившиеся, как известно, в энеолите, но продолжившие свое развитие в бронзовом веке.

Как видно, с открытием на Восточном Кавказе энеолитической культуры, предшествующей куро-аракской, значительно усложнилась работа по периодизации памятников раннеземледельческих культур, классификационному членению археологических культур и определению грани между различными эпохами: неолит, энеолит, бронзовый век. Остро встал вопрос о критериях их выделения. Эти понятия не являются равнозначными в единой системе классификации. Неолит и бронзовый век выражают качественно различные уровни развития производительных сил. Поэтому определение принадлежности того или иного памятника к этим качественно различным эпохам не представляет особых затруднений. Энеолит же означает переходное состояние в развитии производительных сил, когда, несмотря на распространение металла, камень находил самое широкое применение в качестве материала для производственного инвентаря. А такие изделия, например, как кремневые серпы, наконечники стрел были окончательно заменены металлическими в железном веке. Поэтому, естественно, в процессе хронологического членения археологических комплексов трудно определить четкие грани между неолитом и энеолитом или энеолитом и бронзовым веком. У разных исследователей существует различное отношение, в частности, к термину «энеолит». Одни применяют его для выделения переходного периода от неолита к бронзовому веку, где появляется металл. Другие вообще не пользуются им, употребляя только термины «неолит» и «бронзовый

век». Это объясняется, в первую очередь, неразработанностью признаков энеолита, критериев его выделения.

Наиболее распространенным является членение раннеметаллических эпох по металлургическим признакам. Но признаки эти до конца еще не разработаны и не обоснованы. Так, например, широко распространено представление о медном веке или энеолите как о периоде появления первых орудий из самородной меди при еще полном господстве каменных орудий, а о бронзовом веке — как о эпохе, когда медь выплавляется из руды, появляется искусственный сплав — бронза (сплав меди и олова) и металл получает полное техническое преимущество перед камнем²⁶. Е. Н. Черных связывает медный век, исходя из состава металла, с использованием орудий и украшений из чистой меди, независимо от того, самородная она или металлургическая, а эпоху бронзы — с появлением устойчивой и значительной серии изделий из искусственных сплавов на медной основе²⁷.

Вопрос о классификационном членении культур медно-бронзовой эпохи обстоятельно рассмотрен Н. В. Рындиной. Она подчеркивает, что чистая медь получила твердость, достаточную для успешного соперничества с камнем во всех отраслях производства, только с момента открытия упрочающего характераковки. До этого открытия, как она отмечает, «медь находит применение только в производстве украшений и в меньшей степени орудий колющего и режущего действия — шильев, рыболовных крючков, ножей. Топоры и другие орудия рубящего и ударного действия (тесла, долота, мотыги, молоты) получают распространение только с открытием способа упрочения меди ковкой»²⁸. Исходя из этих наблюдений, Н. В. Рындина относит к энеолиту культуры, которым присущи широкое внедрение металла в производство, появление орудий и оружия ударного действия, сосуществование металла с камнем, расширение области его применения. Для выделения бронзового века решающее значение придается составу металла и к нему причисляются культуры, характеризующиеся массовым освоением изделий из искусственных сплавов²⁹.

Вопрос о термине «энеолит» и его критериях обстоятельно рассматривает Н. Я. Мерперт. Отметив имеющий место терминологический разнобой в отношении определения периода, переходного от каменного века к бронзовому, критически проанализировав существующие точки зрения по вопросу о содержании понятия «энеолит», Н. Я. Мерперт заключает, что «в основе выделения энеолитического периода должны лежать классификации по материалу орудий и технологический принцип. При таком подходе под энеолитом следует понимать период регулярного распространения металлических, а конкретно медных изделий, в том числе орудий, связанных с основными видами производства. Для всего периода характерно использование лишь «чистой» — самородной или металлургической — меди без умышленных легирующих примесей. В техникековка сочетается со все более совершенствующимся литьем (вплоть до литья в разъемных и составных формах). Мед-

ные орудия сосуществуют с каменными, соотношение их специфично в конкретных областях³⁰.

Если при периодизации памятников исходить из перечисленных металлургических признаков, принятых для европейских культур, то древнейшие металлоносные поселения Кавказа — Кюльтепе I у Нахичевани и Техут безоговорочно нельзя было бы отнести к медному веку или энеолиту. Дело в том, что среди мелких металлических предметов, обнаруженных в нижнем слое Кюльтепе I, три предмета изготовлены из медно-мышьякового сплава с содержанием мышьяка более 1%, а один предмет — из медно-мышьяково-никелевого сплава с содержанием 1,6% никеля³¹. Три металлических предмета из Техута (нож и два шила) также изготовлены из медно-мышьякового сплава с высоким процентом мышьяка (3,6—5,4%)³². Следовательно, эти предметы, особенно из Техута, изготовлены не из самородной меди, и не из окисленной «мышьяковой руды»³³, а уже из искусственно созданного нового металла — мышьяковой бронзы. Отмечая, что медные и медно-мышьяковые предметы появляются на Кавказе одновременно, И. Р. Селимханов отрицает существование здесь «медного века» как самостоятельного периода³⁴. Это говорит об определенной условности и термине «энеолит» (медно-каменный век) применительно к памятникам типа Техут. Поэтому для обозначения переходного периода от каменного века к бронзовому И. Р. Селимхановым были предложены новые термины: «медно-мышьяковый период»³⁵, «медно-мышьяковый век»³⁶, которые, правда, не получили признания³⁷.

Если же считать энеолитическими те культуры Кавказа, которые по Н. В. Рындиной характеризуются широким внедрением металла в производство, появлением орудий и оружия ударного действия, то к энеолиту следовало бы отнести куро-аракскую культуру, а памятники типа Кюльтепе — Техут, в которых металл появляется «в форме украшений и колюще-режущих орудий», нужно было бы считать неолитическими.

Таким образом, металлургический принцип, являющийся одним из важнейших для определения эпохальной принадлежности ранних металлоносных памятников, оказывается недостаточным для классификационного членения палеометаллических памятников и культур Восточного Кавказа. Поэтому особое значение приобретает изучение второго важнейшего компонента производственного инвентаря эпохи раннего металла — каменных орудий, сосуществовавших с металлическими, соотношение которых, как отмечает Н. Я. Мерперт, специфично в конкретных областях³⁸. Каменные индустрии, характеризуя состояние развития производительных сил, отражают одновременно степень производственного освоения самого металла как сырья для изготовления орудий. Изменения, происходившие в развитии каменных индустрий в связи с распространением металла, хорошо оттенены В. М. Массоном и Р. М. Мунчаевым, определившими энеолит как «эпоху внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как

правило, к деградации кремневых индустрий, обеднению наборов каменных орудий»³⁹.

В период первоначального внедрения металлов до сложения раннебронзового комплекса куро-аракской культуры в Восточном Закавказье была распространена раннеземледельческая культура, характеризующаяся каменной индустрией, в которой полностью господствовали приемы первичной и вторичной обработки кремня и обсидиана, унаследованные от каменного века. Это была пластинчатая индустрия, в которой ведущее место занимали крупные пластины, сходит на нет роль микропластинчатой индустрии⁴⁰, в технике вторичной обработки господствовала краевая ретушь, а двусторонняя ретушь не применялась совершенно⁴¹. Набор орудий состоял в основном из серпов, ножей, скребелей, скребков, резцов, ретушеров, изготовленных преимущественно из правильных пластин. Такая индустрия широко представлена, в частности, и в Кюльтепе I и Техуте, несмотря на знакомство их обитателей с металлом и металлопроизводством. Только на заключительной фазе развития раннеземледельческой культуры повсеместно отмечается определенная деградация пластинчатой индустрии, одним из проявлений которой являлось изменение соотношения отщепов и пластин в сторону преобладания первых над пластинами. Такая эволюция каменной индустрии достаточно отчетливо фиксируется как на поселениях северной зоны шомутепе-шулаверской культуры⁴², так и на памятниках южного круга (Алкемектепеси)⁴³.

С наступлением бронзового века каменная индустрия постепенно приходит в упадок. Но в начале эпохи она еще продолжает играть еще весьма существенную роль. Это ярко иллюстрируют материалы второго раннебронзового слоя Кюльтепе, непосредственно перекрывавшего наслоения эпохи энеолита. Кремневые и обсидиановые орудия в слое представлены меньшим количеством. Среди них значительное место занимают еще орудия из пластин. Но они отличаются меньшими размерами по сравнению с аналогичными изделиями нижнего слоя. Однако не это определяет облик каменной индустрии данного слоя. В нем впервые появляются совершенно неизвестные в нижнем слое изделия на пластинах и отщепках, обработанные сплошь двусторонней отжимной ретушью, определяемые типологически как вкладыши серпов, пилки⁴⁴. Для слоя характерен также более широкий ассортимент предметов из мышьяковой бронзы, включающий не только орудия и оружие колющего и режущего действия, но и ударного⁴⁵. Такая же картина эволюции каменной индустрии представлена и на поселении Бабадервиш II в Азербайджане, где в нижнем энеолитическом слое представлены только орудия из пластин с краевой ретушью, а в верхнем — раннебронзовом, наряду с другими изделиями, имеются двустороннеобработанные вкладыши серпов и пилки⁴⁶. Двустороннеобработанные орудия широко распространены и на других памятниках Восточного Закавказья, относящихся к бронзовому веку. Можно сказать, что для Восточного Кавказа двусторонняя обработка каменных (кремень и обсидиан) изделий являет-

ся важнейшим технологическим признаком, отличающим каменную индустрию эпохи ранней бронзы от предшествующей энеолитической.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что начальный период бронзового века Восточного Кавказа характеризуется широким распространением изделий из мышьяковой бронзы, в том числе орудий, связанных с основными видами производства, падением роли каменной индустрии, постепенным сокращением набора кремневых и обсидиановых изделий, появлением и широким распространением орудий и предметов вооружения, выполненных в технике двусторонней ретуши (вкладыши серпов, пилки, накопечники стрел). Для энеолита же присущи почти полное господство каменной индустрии, в которой ведущая роль принадлежит крупнопластинчатой технике расщепления кремня и обсидиана, определенный набор изделий, изготовленных на пластинах, в том числе орудий, связанных с основными видами производства, появление колющих и режущих орудий и мелких украшений, изготовленных из меди и искусственного сплава меди с мышьяком⁴⁷. Вместе с тем, как подчеркивает В. М. Массон, выделяемое на основании археологических материалов понятие энеолит следует рассматривать как археологический комплекс, в котором набор типов объектов отражает культурные стереотипы и инновации, соответствующие образу жизни, оставивших этот комплекс древних племен и, следовательно, «энеолит — не плод отвлеченных кабинетных комбинаций, не какой-то случайный переходный период, а проявление в конкретном археологическом материале реальной исторической эпохи»⁴⁸. За кажущимся на первый взгляд формальными изменениями в производственном и другом бытовом инвентаре, прослеживаемыми в археологическом материале, кроются реальные перемены, происходившие в социально-экономическом развитии общества. Так, например, В. М. Массон характеризует неолит с его производственным инвентарем, несущим черты археологического комплекса, характерного для носителей присваивающего хозяйства, как стадию архаической производящей экономики, а энеолит — как время сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства⁴⁹.

Исходя из современного состояния изучения палеометаллических эпох Кавказа, и в соответствии с теми критериями эпохального членения памятников, о которых говорилось выше, к энеолиту мы относим следующие поселения горного Дагестана: Гинчи, Ругджа (три поселения) и Чинна (архаический комплекс). Наибольшее представление о ней дают материалы Гинчи (рис. 1). Каменный инвентарь поселения представляет собой единый нерасчленимый комплекс эпохи энеолита, связанный с основными видами хозяйства: земледелием, скотоводством и охотой. Особый интерес представляет кремневый инвентарь, характеризующий ярко выраженную крупнопластинчатую индустрию без каких-либо следов вырождения⁵⁰. Правильные ножевидные пластины, составляющие подавляющее большинство заготовок для орудий (более 70%),

служили в качестве вкладышей серпов, скобелей, скребков, ножей и др.⁵¹. В коллекции совершенно отсутствуют предметы, изготовленные в микропластинчатой технике, в том числе микролиты. Примечательно также, что среди кремневого инвентаря совершенно не представлены двустороннеобработанные изделия (вкладыши серпов, пилки, наконечники стрел), характерные для бронзового века. Имеются также костяные орудия: кочедыки, лощила, шпатели, проколки и др. Металлические предметы на поселении не обнаружены.

Этот типичный для эпохи энеолита комплекс орудий сопровождается керамикой, в которой представлены типичные для энеолита с технико-морфологической точки зрения сосуды. Таковы, например, сосуды кухонного назначения, изготовленные весьма архаическим способом в циновках, плетенных корзинах и в других специальных формах (жаровни и горшки с подкосом в нижней части)⁵². Столь же обычно для энеолита сочетание такой грубой кухонной керамики с высококачественной парадной посудой, составляющей в Гинчи в зависимости от горизонтов 12—15% от общего количества керамики⁵³. Важно также наличие в Гинчи единичных экземпляров расписных черепков, позволяющих синхронизировать его с энеолитическими (халколитическими) памятниками Закавказья и Передней Азии⁵⁴. Находки сосудов с венчиками, оформленными в виде воротничков, позволяют наметить северную линию синхронизации Гинчи с памятниками эпохи энеолита степных областей, объединяемыми в большую мариупольскую культурно-историческую общность⁵⁵. Весьма архаична и резная орнаментация керамики Гинчи в виде елочных узоров⁵⁶, совершенно не характерная для посуды раннебронзовой эпохи.

Основная же масса керамики Гинчи представлена столовой посудой⁵⁷. Это красная, разных оттенков, реже серая и в единичных случаях черная или пятнистая керамика из глины с примесями дресвы и речного песка, изготовленная ленточным способом или иногда на мешочной основе. Керамика отличается качественным обжигом, который, по-видимому, производился в гончарных печах. Поверхности сосудов лощеные или тщательно заглаженные. Основные формы: миски, баночные сосуды, горшки с воронковидным горлом и с цилиндрической горловиной, резко отделенной от округлого тулова. Сосуды снабжались разнообразными ручками.

Материалы Ругуджинских сезонных поселений как будто бы производят впечатление более архаических по сравнению с Гинчи, но в рамках одной эпохи. Кремневый инвентарь характеризует такую же, как и в Гинчи, пластинчатую индустрию. Но сами пластины отличаются более крупными размерами и нередко использовались без дополнительной обработки⁵⁸. Качество ругуджинской керамики более низкое, но этот признак не всегда может быть показателем различий хронологического порядка.

Чинна является таким же, что и ругуджинские, сезонным поселением. Наиболее интенсивно оно обживалось в самом конце эпохи энеолита, а в бронзовом веке, по-видимому, посещалось редко⁵⁹.

Рис. 1. Развитие культуры эпохи раннего металла в горном Дагестане: 1—38 — Гинчи, 39—70 — Чинна, 71—102 — Мекеги, 103—118 — Галгалатли I, 119—154 — Чиркей.

Э НЕОЛИТ	РАННЯЯ БРОНЗА РАННИЙ ЭТАП		ПОЗНИЙ ЭТАП	
				КАМЕНЬ
				КОСТЬ
				МЕТАЛЛ
				К Е Р А М И Н А

Кремневый инвентарь характеризует заключительный этап развития пластинчатой индустрии, когда происходит ее деградация⁶⁰. Среди 254 кремневых предметов пластин всего 15 экз. Орудия в основном изготавливались на отщепах. Но совершенно отсутствуют двустороннеобработанные изделия и даже наконечник стрелы сформован краевой ретушью. Широко представлены долотовидные орудия на отщепах. Костяные изделия аналогичны гинчинским.

Энеолитический облик раннему керамическому комплексу Чинна придает широкое использование при изготовлении керамики шишюков, плетеных корзин, что не характерно для последующего бронзового века. Высококачественная, а также расписная посуда в коллекции Чинна не представлена, но массовая посуда с поселения по качеству превосходит гинчинскую. Основные формы керамики такие же, как и в Гинчи. Керамика Чинна ornamentирована только рельефными налестками. Резной орнамент для ранней керамики Чинна совершенно не характерен. Типичны для Чинна широкие ленточные ручки. Примечательно, что две совершенно аналогичные ручки найдены в самом верхнем горизонте Гинчи, что, наряду с кремневым инвентарем, еще раз подтверждает относительное хронологическое место арханчского комплекса поселения Чинна. Итак, кремневый инвентарь известных в настоящее время древнейших поселений палеометаллической эпохи горного Дагестана характеризует определенную эволюцию каменной индустрии, происходившую на протяжении эпохи энеолита, сопровождавшуюся некоторыми изменениями в развитии и других компонентов материальной культуры, в частности, керамики.

Следующий период — эпоха ранней бронзы — представлен в горном Дагестане значительно большим количеством памятников. Среди них и поселения с мощными культурными отложениями, и могильники, и отдельные случайные находки керамики и бронзовых предметов. К сожалению, здесь еще неизвестны многослойные поселения, стратиграфия которых позволяла бы выделить этапы развития культуры в пределах эпохи ранней бронзы. Поэтому для определения относительной хронологии памятников раннебронзовой культуры важное значение приобретают стратиграфические наблюдения, сделанные на многослойных поселениях Прикаспийского Дагестана. Одно из важных стратиграфических наблюдений было сделано Р. М. Мунчаевым еще в 1954 году при раскопках Великентского поселения, выделившим здесь два слоя. В верхнем слое характерная для куро-аракской культуры гладкостенная керамика с рельефным спирально-концентрическим орнаментом сопровождалась грубой посудой с обмазанным жидкой глиной туловом, а в нижнем горизонте встречалась только гладкостенная, в том числе и лощеная, керамика⁶¹. Такая же стратиграфическая последовательность распределения керамики в культурном слое Великентского поселения была подтверждена в ходе наших раскопок памятника в 1979 г. Наибольший интерес в этом плане представляют раскопки двух поселений у с. Каякент (Геметюбе I, Геметюбе II). Поселение Геметюбе I, или Каякентское,

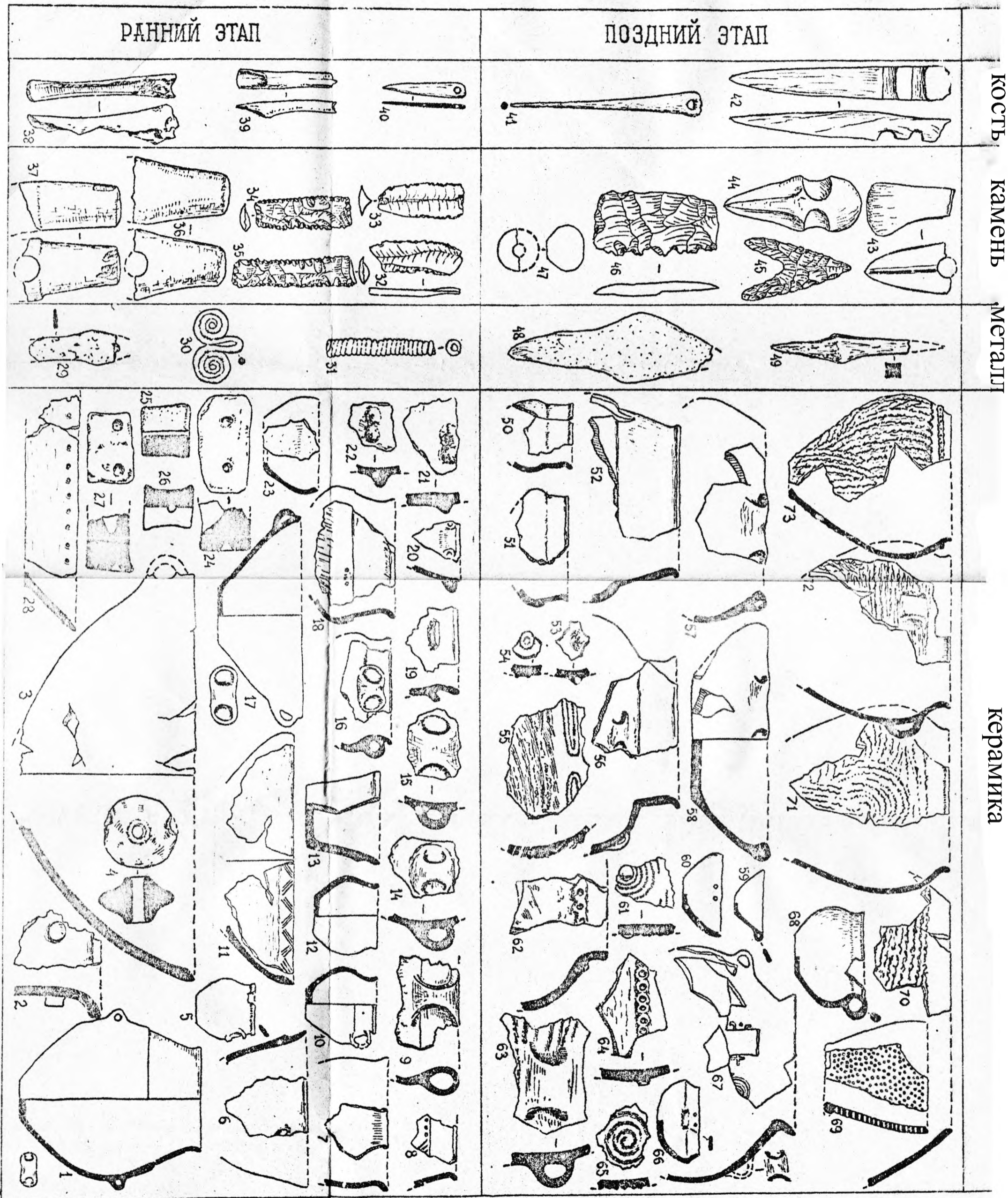
как оно известно в литературе⁶², по данным новейших раскопок, существовало непрерывно длительное время и на протяжении жизни поселения материальная культура изменялась⁶³. Разборка культурного слоя толщиной 3,6 м по горизонтам позволила выделить два больших этапа обживания поселения. Первый этап характеризуют нижние горизонты культурного слоя толщиной 1,6 м. Из построек здесь представлена круглоплановая полуземлянка. Керамика преимущественно сероглиняная и красноватая, гладкостенная, лощеная. Посуда с обмазанной поверхностью не встречается, как и орнаментированная рельефным спирально-концентрическим узором.

В верхних горизонтах до глубины 2 м выявлены остатки дугообразных каменных стен от жилых построек круглого плана, а также наиболее поздние сооружения на поселении — небольшие по площади (1,90×2,10 м; 1,60×2,30 м) прямостенные с закругленными углами глубокие землянки, вырытые в толще культурного слоя. Стенки одной из них выложены сырцовыми кирпичами. В верхних горизонтах Геме-тюбе I найдена керамика со спирально-концентрическим рельефным орнаментом, а также с грубо обмазанной внешней поверхностью. Кремневый наконечник стрелы с выемкой в основании, каменный полированный боевой топор из этих горизонтов подчеркивают также более поздний возраст этого комплекса.

Таким образом, неоднократно стратиграфические наблюдения на многослойных поселениях Прикаспийского Дагестана позволяют расчленить хронологически две группы памятников. Первая, ранняя, характеризуется гладкостенной, в том числе лощеной, керамикой, а вторая, поздняя — сочетанием гладкостенной и грубо-обмазанной керамики (рис. 2).

Культуру поселений ранней группы характеризуют лучше всего материалы раскопок поселения Геме-тюбе II, находящегося рядом с поселением Геме-тюбе I. На нем в слое толщиной 1,5 м на площади 100 м² выявлены четыре строительных горизонта из круглоплановых жилищ с глинобитными полами, центральными углубленными в пол глиняными круглыми очагами, а в самом нижнем горизонте, на уровне материка — полуземлянка. Вся керамика Геметюбе II — гладкостенная, заглаженная и лощеная. В нижних горизонтах она почти лишена орнаментации, за исключением единичных экземпляров с коническими палочками, а в верхней — изредка встречается керамика с резным орнаментом. В нижнем горизонте на уровне материка встречены единичные черепки высококачественной красной и чернолощеной керамики. Основные формы: прямостенные миски с внутренними бортиками, иногда украшенными резными узорами, яйцевидные сосуды с выделенной уступом горловиной, горшки с цилиндрическими горловинами, отделенными уступом от округлого тулова, бабочные сосуды. Обычны жаровни с отверстиями под венчиком, имеются разнообразные очажные подставки, в том числе с лицевыми изображениями

Рис. 2. Развитие культуры эпохи ранней бронзы в Приморском Дагестане: 1—40 — Геме-тубе II, 41—43 — Геме-тубе I (верхний слой), 44—60, 62—64, 66—73 — Великент, 61, 65 — Мамай-кутан.

ми. Из кремневых орудий интересны двустороннеобработанные вкладыши серпов и единичные пластины. Металл представлен клинком ножа, очковидной привеской, спиральной пронизкой. Имеются и костяные орудия (рис. 2). Кроме Геме-тюбе II, Геме-тюбе I (нижний слой), Великента (нижний слой), в эту раннюю группу поселений Прикаспийского Дагестана следует включить также Геме-тюбе III, Гильяр, где по имеющимся сведениям обмазанная керамика также не встречена⁶⁴.

Во вторую, позднюю, группу прикаспийских поселений мы включаем Геме-тюбе I (верхний слой), Великент (верхний слой), Мамай-кутан, Шаракуи, Мамраш и др. Это памятники, где широко распространена гладкостенная керамика со спирально-концентрическим орнаментом, а также керамика с обмазанной поверхностью. Культура этой группы сейчас лучше всего представлена материалами Великентского поселения, где проводились наиболее значительные раскопки. Здесь выявлены землянки круглого плана диаметром 4 м и глубиной 3,5 м. Для поздней группы памятников, судя по данным Геме-тюбе I (верхний слой), были характерны и наземные каменные постройки круглого плана. Наряду с широким распространением керамики со спирально-концентрическим орнаментом, а также появлением новой керамики с грубой поверхностью на этом этапе несколько видоизменяется и традиционная посуда: миски становятся округлобочными с загнутым вовнутрь краем, реже встречаются простенные миски с внутренним выделенным бортиком, характерные для раннего этапа.

В горном Дагестане раннебронзовая эпоха представлена значительно большим количеством памятников по сравнению с эпохой энеолита. Только поселений здесь известно 15. Исходя из стратиграфических наблюдений, сделанных на прикаспийских поселениях, и типологической характеристики вещевого инвентаря, поселения горного Дагестана также подразделяются на две группы (рис. 1). К ранней группе мы относим Мекеги⁶⁵, Галгалатли⁶⁶ и другие поселения, где представлена только гладкостенная заглаженная и лощеная, в основном, неорнаментированная керамика разных оттенков (от красного до черного).

В этой группе более ранним памятником представляется поселение Мекеги, исследованное В. Г. Котовичем. Здесь еще заметную роль играют орудия труда, изготовленные из кремня. На площади 40 м² обнаружено 184 предмета, в том числе арханческие пластины и пластинчатые сколы и орудия, изготовленные из них. Примечательно, что здесь впервые появляются орудия, изготовленные в технике двухсторонней обработки, в частности, двустороннеобработанные кремневые вкладыши серпов, совершенно не известные в предшествующую энеолитическую эпоху. Для начальных этапов бронзового века характерны также найденные на поселении мелкие предметы из медно-мышьякового сплава.

В керамике Мекегинского поселения находят отражение важные изменения в развитии гончарного производства, происшедшие в горном Дагестане с наступлением бронзового века: не практи-

куется уже формовка сосудов в специальных цинковках, плетеных корзинах, в мешочной основе, как это имело место в энеолите. Появляются цилиндрические очажные подставки, не встреченные в памятниках предшествующего периода. Стандартизируются сложившиеся еще в энеолите ведущие формы гладкостенной (лощеной и заглаженной), разноцветной, преимущественно красной и серой керамики. Это миски, банки, сосуды с цилиндрической горловиной, отделенной от тулова уступом; жаровни, крупные тарные сосуды. Посуда в целом не орнаментировалась, за исключением единичных экземпляров с коническими напелами. Нетрудно заметить, что керамика поселения Мекеги аналогична керамике ранних горизонтов прикаспийских поселений. В эпоху ранней бронзы получает дальнейшее развитие сложившаяся в предшествующие эпохи каменная архитектура. Мекегинские дома представляли собой круглопланные жилые сооружения с небольшими пристройками у входа.

В рамках этой ранней группы памятников поселение Галгалатли I представляется более поздним, чем Мекегинское. Несмотря на то что в Галгалатли вскрыта значительная площадь (220 м²), совершенно не обнаружены кремневые и костяные орудия. Вместе с тем находки тесла, клинка ножа, изготовленных из мышьяковой бронзы⁶⁷, глиняной двухстворчатой литейной формы для отливки прямообухных топоров свидетельствуют о высоком уровне развития бронзолитейного дела, внедрении и широком использовании бронзовых изделий, что, очевидно, привело уже в период функционирования поселения Галгалатли к вытеснению кремневых орудий.

В Галгалатли в целом представлена керамика весьма близкая к мекегинской как по технологии изготовления, так и в типологическом отношении. Сохраняются здесь и основные керамические формы, известные в Мекеги. Новыми являются только высокие, широкогорлые и узкодонные сосуды с заглаженной поверхностью. Среди тарной керамики наиболее распространены узкодонные сосуды с широкими цилиндрическими горловинами, четко отделенными от тулова, орнаментированные рельефными валиками с пальцевыми загибами, парезками, иногда выпукло-вогнутым узором в виде нанесенных геометрических фигур (квадратов, ромбов, треугольников) (рис. 2).

В области домостроительства Галгалатли также продолжает древнюю традицию строительства круглопланных каменных жилищ.

Вторую, более позднюю, группу памятников горного Дагестана эпохи ранней бронзы характеризует наиболее широко исследованное из них — Чиркейское поселение на среднем течении р. Сулак, на котором вскрыто ок. 1500 м² (рис. 2). В этот период кремнь уже не играл существенной роли в качестве материала для орудий: в Чиркее найдены только единичные двустороннеобработанные вкладыши серпов. Металл прочно внедряется в быт. В памятниках этого периода, в том числе и в Чиркее, встречается широкий ассортимент изделий из мышьяковой бронзы: топоры, тесла, ножи, нако-

печники копий с четырехгранным пасадом, разнообразные украшения.

Заметные изменения происходят в развитии керамики. Появляется посуда с грубо обмазанной внешней поверхностью. В ее орнаментации широко используются резные и рельефные узоры, в том числе в виде concentрических кругов. Все формы кухонной тарной и столовой посуды здесь аналогичны бытовавшим на поселениях первой группы. Однако появляется и новая форма крупных сосудов яйцевидной формы с суженным горлом, неизвестная пока в памятниках предшествующего периода.

В области домостроительства сохраняется еще традиция круглоплановой каменной архитектуры. В Чиркее выявлены остатки 20 каменных построек, представляющие собой жилые дома круглого плана с пристройками подсобного назначения. Но в конце этого периода, как свидетельствуют материалы раскопок Сигитминского поселения, начинается смена архитектурной традиции, завершившаяся сложением в горном Дагестане новой архитектуры в виде четырехугольных смежных многокомнатных домов, ставших характерными для архитектуры эпохи средней бронзы (Верхнегуньбское поселение)⁶⁸.

Этот период эпохи ранней бронзы в горном Дагестане представляют также поселение Чирката⁶⁹, поздние керамические комплексы из Чинна, могильник Гоно⁷⁰. Наиболее поздний этап этого периода характеризуют материалы Сигитминского поселения⁷¹.

Мы здесь не касаемся вопросов абсолютной хронологии. Отметим только, что эпоха энеолита, согласно существующей для Кавказа хронологии, датируется V—IV тыс. до н. э., начало бронзового века принято относить к концу IV тыс. до н. э., а во второй половине III тыс. до н. э. раннебронзовый период завершается сложением культур эпохи средней бронзы.

В заключение отметим одно обстоятельство, имеющее исключительно важное значение для понимания ранних этногенетических процессов, происходивших на территории Северо-Восточного Кавказа. Рассмотрение имеющихся материалов показывает, что на протяжении эпохи энеолита и ранней бронзы — почти трех тысяч лет (V—III тыс. до н. э.) развитие культуры в регионе протекало в целом стабильно, без резких перемен и разрывов, сохраняя на всех этапах безусловную преемственность. Но в конце эпохи ранней бронзы (2-я пол. III тыс. до н. э.) развитие этой культуры было как бы прервано, распалось прежнее культурное единство региона, происходит его культурное переформление, сложились новые археологические культуры и комплексы эпохи средней бронзы, характеризующиеся лишь отдельными чертами преемственности по отношению к предшествующей культуре, с отчетливыми признаками как южных, так и северных, степных культур и, в конечном итоге, Северо-Восточный Кавказ становится весьма пестрой в этнокультурном отношении областью Кавказа.

- 1 *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. — М., 1965. С. 64—158.
- 2 *Марковин В. Н.* Дольмены Западного Кавказа. — М., 1978.
- 3 *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. — Нальчик, 1973.
- 4 *Бетровов Р. Ж.* К древней истории племен Центрального Кавказа. — Нальчик, 1982.
- 5 *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. — Киев, 1978.
- 6 *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. — М., 1975.
- 7 *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. — С. 64.
- 8 *Небиеридзе Л. Д.* Неолит Западного Закавказья. — Тбилиси, 1972. С. 115; *Бетровов Р. Ж.* К древней истории... С. 21—25.
- 9 *Формозов А. А.* Неолит и энеолит Прикубанья. С. 146, 147; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре... С. 140—147; *Бетровов Р. Ж.* К древней истории... С. 24—25.
- 10 *Куфтин Б. А.* К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии//КСИИМК. 1940. Вып. VIII. С. 5; *Его же.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит//ВГМГ. — Тбилиси, 1943. Вып. XIII. — Б. С. 73.
- 11 *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. — Тбилиси, 1941. С. 10.
- 12 *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки... С. 101, 106.
- 13 *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. — М.; Л., 1970. С. 11.
- 14 *Селимханов И. Р.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. — Баку, 1960. С. 165.
- 15 *Нессен А. А.* Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э.//КСИА. 1963. Вып. 93. С. 4—5; *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э.//СА, 1963. № 3. С. 22—23; *Абдуллаев О. А.* Некоторые итоги изучения холма Кюльтепе в Азербайджане//СА. 1963. № 3. С. 166—167.
- 16 *Нариманов И. Г.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья //VII Международный конгресс доисториков и протоисториков: Докл. и сообщ. археологов СССР. — М., 1966. С. 121.
- 17 *Кизурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. — Тбилиси, 1976. С. 150.
- 18 *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры... С. 58; *Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа в V—III тыс. до н. э. — Тбилиси, 1973. С. X—XI; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре... С. 116; *Джапаридзе О. М.* К этнической истории грузинских племен по данным археологии. — Тбилиси, 1976. С. 320.
- 19 *Гаджиев М. Г.* Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э.//КСИА. 1966. Вып. 108. С. 55—61.
- 20 *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры... С. 32—34; *Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура... С. 99, 100.
- 21 Там же. С. 34, 148.
- 22 Там же. С. 100.

23 Сравните майкопскую керамику верхних и нижних слоев пос. Мешоко (*Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. С. 75, 76).

24 На памятниках железного века в Дагестане встречается иногда грубая кухонная керамика, которая вполне сопоставляется с грубой керамикой эпохи неолита и раннего металла.

25 *Джапаридзе О. М.* К этнической истории грузинских племен по данным археологии. — Тбилиси, 1976. С. 322; *Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш.* Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. — Тбилиси, 1976. С. 13; *Гаджиев М. Г.* О соотношении палеометаллических археологических эпох и культур на Восточном Кавказе//Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения: Тез. докл. — М., 1982. С. 12—14.

26 История СССР: В 12 т. Т. I. — М., 1966. С. 78, 106.

27 *Черных Е. Н.* Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы//Археология и естественные науки. — М., 1965. С. 108, 109.

28 *Рындина Н. В.* К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи//Вестник Моск. ун-та. Сер. История. 1978. Вып. 6. С. 80.

29 *Рындина Н. В.* К проблеме классификационного членения... С. 80.

30 *Мерперт Н. Я.* К вопросу о термине «энеолит» и его критериях//Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. — Воронеж, 1981. С. 20.

31 *Селимханов И. Р., Торосян Р. М.* Результаты исследования древнейших металлических предметов в Закавказье//Пленум Института археологии 1966 г. — М., 1966. С. 14; *Селимханов И. Р., Маршалль Ж. Р.* О ранних этапах древней металлургии меди на территории Европы и Кавказа в свете новых понятий и результатов анализа//VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. — М., 1966. С. 146, 147.

32 *Селимханов И. Р., Торосян Р. М.* Результаты исследования... С. 15; *Селимханов И. Р., Маршалль Ж. Р.* О ранних этапах древней металлургии... С. 147.

33 *Селимханов И. Р., Торосян Р. М.* Результаты исследования... С. 15.

34 *Селимханов И. Р.* Металлургия Закавказья в IV—III тыс. до н. э.//Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г. в СССР: Тез. докл. — Баку, 1965. С. 19—21.

35 *Селимханов И. Р.* Историко-химические и аналитические исследования... С. 167.

36 *Селимханов И. Р.* К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа//СА. 1960. № 2. С. 102.

37 *Нессен А. А.* Кавказ и Древний Восток... С. 5.

38 *Мерперт Н. Я.* К вопросу о термине «энеолит»... С. 20.

39 *Массон В. М., Мунчаев Р. М.* Энеолит СССР//Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов»: Тез. докл. — М., 1977. С. 10.

40 В связи с наблюдаемым на Восточном Кавказе процессом исчезновения микроластинчатой каменной индустрии необходимо отметить, что это явление фиксирует наступление новой палеометаллической эпохи, сменившей эпоху камня с традицией присваивающего хозяйства, с которым была связана вкладыш-вая микролитондная индустрия.

41 *Кизурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры. С. 165.

42 Там же. С. 165.

- 43 Аразова Р. Б. Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Баку, 1974. С. 20—21.
- 44 Абибуллаев О. А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. — Баку, 1982. С. 104—109.
- 45 Там же. С. 122—125, 138.
- 46 Нириманов И. Г., Исмаилов Г. С. Акстафачайское поселение у г. Казах //СА, 1962. № 4. С. 155.
- 47 Подчеркиваем еще раз определенную условность термина «энеолит» применительно к раннеземледельческой культуре Восточного Закавказья в целом, где господствует каменный производственный инвентарь, а спорадически встречающиеся металлические изделия представлены украшениями или мелкими орудиями, не связанными с ведущими видами хозяйства. Такой характер имеет даже наиболее поздний из памятников раннеземледельческой культуры — поселение Техут. Согласно критериям, выработанным Н. В. Рындиной и Н. Я. Мерпертом, их следовало бы отнести к неолиту.
- 48 Археология СССР. Энеолит СССР.— М., 1982, С. 7.
- 49 Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. — М.; Л., 1964. С. 84.
- 50 Гаджиев М. Г. К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев//Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. — Махачкала, 1978. С. 10—18.
- 51 Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г. О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан)//СА, 1983. № 1. С. 35—40.
- 52 Гаджиев М. Г. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла//Керамика древнего и средневекового Дагестана. — Махачкала, 1981. С. 7. (МАД. Т. 10).
- 53 Там же... С. 16—19.
- 54 Мунчаев Р. М. Кавказ на заре... С. 129—130.
- 55 Гаджиев М. Г. Керамика горного Дагестана... С. 16.
- 56 Там же.
- 57 Там же. С. 10—16.
- 58 Котович В. Г. Камениый век Дагестана, 1964. С. 203—211; Гаджиев М. Г. К выделению северо-восточнокавказского очага... С. 20—22.
- 59 Гаджиев М. Г. Древнейшие поселения горного Дагестана//Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. — Махачкала, 1980. С. 21—23.
- 60 Гаджиев М. Г. К выделению северо-восточнокавказского очага... С. 24—26.
- 61 Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа//МИА. 1961. № 100. С. 97.
- 62 Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э.//МИА. 1959. № 68. С. 20—30.
- 63 Гаджиев М. Г., Маммаев М. М. Исследования Прикаспийской экспедиции//АО 1977. — М., 1978. С. 112, 113; Гаджиев М. Г. Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане//АО 1979.— М., 1980. С. 101.
- 64 Мунчаев Р. М. Древнейшая культура... С. 97.
- 65 Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет//Ученые записки ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Т. VIII.—Махачкала, 1960. С. 377, 378; Мунчаев Р. М. Древнейшая культура... С. 25.

- 66 Гаджиев М. Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы//Древние и средневековые поселения Дагестана. — Махачкала, 1983. С. 6—42.
- 67 Кореневский С. Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана//Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане.— Махачкала, 1978. С. 42.
- 68 Котович В. М. Верхнегунбское поселение. — Махачкала, 1965. С. 27—99.
- 69 Исakov М. И. Чиркатиинские древности в Дагестане//СА, 1961. № 1. С. 250—253.
- 70 Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане//МАД. Т. II.— Махачкала, 1961. С. 25—36.
- 71 Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956//Ученые записки ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Т. III. — Махачкала, 1957. С. 158, 159.

К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

На поздней стадии эпохи ранней бронзы (вторая пол. III тыс. до н. э.) в материальной культуре племен Северо-Восточного Кавказа происходят резкие изменения качественного характера: многие оседлые поселения оказываются заброшенными (на поселениях Тад-Шоб, например, как свидетельствуют раскопки, жизнь остановилась внезапно), появляется новая строительно-архитектурная традиция (круглоплановые постройки сменяются прямоугольными), широкое распространение получает глиняная посуда с обмазкой по тулову, шнуровая орнаментация как на керамических, так и на металлических изделиях, исчезают центральные, углубленные в пол жилища очаги, очажные подставки различных типов, глиняные сковороды с прямыми бортиками и с рядом сквозных отверстий под закраиной и т. п. Инновации ощущаются и в сфере надстроечных явлений, в частности, в погребальном обряде местных племен (появление курганного обряда, распространение катакомб, смена круглоплановых склепов прямоугольными). Таким образом, прежнее культурное единство местных племен, которое отмечается в III тыс. до н. э. во всех физико-географических зонах региона, по крайней мере на рубеже III—II тыс. до н. э. оказывается нарушенным. Складываются новые археологические образования (общности) эпохи средней бронзы.

Как известно, первый плодотворный опыт обобщения археологических материалов эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа принадлежит А. П. Круглову¹. Очень важно интуитивное указание автора «на наличие в горных районах Дагестана особого варианта» культуры эпохи бронзы². Позднее с выделением каякентско-харачоевской культуры с одной стороны, а с другой — памятников эпохи ранней бронзы, обнаруживших культурное сходство с синхронными памятниками куро-аракского круга Закавказья, пласт памятников эпохи средней бронзы региона оказался отчетливо обособленным в хронологическо-стадиальном и, главное, в культурологическом плане.

Историкография изучения проблем хронологии эпохи средней бронзы хорошо дана в монографии В. Г. Котович³. В историко-

культурной интерпретации памятников эпохи средней бронзы Дагестана с самого начала определилась тенденция рассматривать их в рамках самостоятельной археологической культуры, по отношению к которой sporadически применялось название «дагестанская». Никем из исследователей не были обозначены конкретные критерии выделения такой археологической культуры, показаны ее культурно-дифференцирующие признаки. Мыслилась она, строго говоря, в пределах современной административной территории Дагестанской АССР, а хронологические рамки ее совмещали то целиком с эпохой бронзы (по существовавшей тогда периодизации — рубеж III—II тыс. до н. э. — рубеж II—I тыс. до н. э.), то с отдельными этапами последней. Внутри культуры часто намечались различные этапы, количество и хронологические позиции которых сильно варьировались. Некоторые исследователи (В. И. Канивец, В. М. Котович, В. Г. Котович) включали в т. н. дагестанскую культуру эпохи средней бронзы и каякентско-харачоевскую культуру в качестве самостоятельного этапа развития первой⁴.

Таким образом, можно сказать, что в основе выделения дагестанской культуры эпохи бронзы лежит довольно спорный методический прием: рассмотрение археологической культуры как некоей суммы черт материальной культуры населения в рамках отдельно взятых этапов археологической периодизации и на территории, совмещаемой часто с современными границами административных районов. Справедливости ради скажем, что в I-м томе «Истории Дагестана», в разделе, написанном В. Г. Котовичем, была предпринята попытка выделить на Восточном Кавказе своеобразную археологическую культуру «обмазанной керамики», в ареал распространения которой автор включает «помимо территории Дагестана также значительную часть Чечено-Ингушетии и южные склоны восточной оконечности Большого Кавказа (часть Северного Азербайджана)⁵. Широкий хронологический диапазон указанной культуры — от конца V—IV тыс. до н. э. вплоть до эпохи раннего железа. Культура «обмазанной керамики» в том виде, в каком она преподнесена в «Истории Дагестана», не нашла своих сторонников. В первую очередь выяснилось, что «обмазанная керамика» распространяется на Северо-Восточном Кавказе лишь начиная со второй половины III тысячелетия. Затем произошла известная трансформация взглядов В. Г. Котовича на природу самого понятия «археологическая культура», что нашло, например, отражение в его монографии, вышедшей посмертно. К этим новым взглядам В. Г. Котовича нам позже придется возвратиться.

В конце 50-х—нач. 60-х гг. В. И. Марковин отнес горную Чечню и территорию Терско-Сулакской низменности с прилегающей предгорной частью Дагестана вплоть до г. Махачкалы в зону распространения восточного варианта северокавказской культуры (первые два этапа — нач. II тыс. до н. э. — ок. 1500 г. до н. э.)⁶. В 1974 г. вышла статья М. Г. Гаджиева «Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы», в которой он указал на необходимость включения могильника Гатын-Кале и др. подобных

памятников эпохи средней бронзы Восточной Чечни не в северокавказскую культуру, а в т. н. гинчинскую культуру, объединяющей памятники средней бронзы горной зоны, выделил наиболее специфические признаки новой культуры, очертил примерный ареал распространения, в тезисном порядке затронул вопрос о ее генезисе и дальнейших исторических судьбах⁷. Наряду с гинчинской культурой на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы М. Г. Гаджиев различает еще две «отдельные группы памятников»: первая «присулакская» (в Северном Дагестане, в бассейне среднего Сулака — Миатлинское и Чиркейское курганные поля), а вторая «манасская» — в Приморском Дагестане⁸.

Выделение локальных групп памятников на Северо-Восточном Кавказе в зависимости от физико-географических условий местности, а также уровня подверженности «иннокультурным» инновациям, имело место и ранее. Однако оно носило зачастую чисто декларативный характер. Заслуживает внимания в этом отношении характеристика памятников среднего бассейна реки Сулак, данная В. И. Канивцом⁹. Серьезная попытка вычленения локального варианта на общем фоне дагестанской культуры эпохи бронзы содержится в монографии М. Г. Гаджиева, посвященной исследованию Гинчинского могильника и вышедшей в 1969 г.¹⁰ Автор приходит к выводу, что «материалами Гинчинского могильника представлен локальный горный вариант культуры бронзового века Дагестана II тыс. до н. э.», который «охватывает центральные районы горного Дагестана, бассейны рек Аварское и Кара-Койсу»¹¹.

Выделение горного локального варианта внутри общедагестанской культуры эпохи бронзы было поддержано В. И. Марковиным. В рецензии на книгу М. Г. Гаджиева «Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы» он высказал уверенность, что «в ближайшее время будут выделены и другие варианты с учетом зональности страны ...и широких связей с населением южных степей и Закавказья», и упрекнул М. Г. Гаджиева в отсутствии у последнего тщательного сопоставления материалов могильника Гинчи и северокавказских памятников, которое «могло бы навести ...на мысль о культурном сходстве Гинчи и Гатын-Кале, на выделение той подосновы, которая породила каякентско-харачоевскую культуру»¹² (выделено нами. — *Р. М.*). На общность культур Чечни и горного Дагестана В. И. Марковин обращал внимание неоднократно и ранее. В последнее время В. И. Марковин выступил против выделения гинчинской культуры¹³. В принципе согласившись с невозможностью отнесения Гатын-Кале, Харсеной и им подобных памятников Чечни к северокавказской культуре, он в то же время против их объединения с памятниками Горного Дагестана в отдельную гинчинскую археологическую культуру. «Представляется, — пишет В. И. Марковин, — что такие могильники, как Гатын-Кале, Харсеной и др., примыкающие в определенной степени к памятникам эпохи развитой бронзы Дагестана, могут отражать наличие особой восточнокавказской культурно-исторической области этого времени с отдельными внутрилокальными группами»¹⁴.

Остается неясным: включает ли в себя «восточно-кавказская культурно-историческая область» весь регион Северо-Восточного Кавказа или же она распространяется только на горную зону. И так, создается впечатление, что В. И. Марковин за объединение древностей эпохи средней бронзы Чечни и Горного Дагестана в некую археологическую общность, которую склонен трактовать не как «археологическую культуру», а как «культурно-историческую область или же общность». Заметим здесь, что аналогичную позицию в данном вопросе разделяют М. Б. Мужухоев и М. Х. Ошаев¹⁵. Определенная эволюция во взглядах на культурно-историческое определение памятников эпохи средней бронзы Чечни произошла и у В. Б. Виноградова. В 60-х гг., раскопав у сел. Дуба-юрт и Малый Харсеной отдельные погребальные комплексы этого времени, он сблизил их с материалами Гатын-Кале и отнес к северокавказской культуре¹⁶. Открытый в 1978 г. в Ичкерии Бельтинский могильник В. Б. Виноградов первоначально был склонен оценить как памятник, который «обосновывает преемственность и плавный переход так называемой «гинчинской» археологической культуры эпохи развитой бронзы, бытовавшей в Горном Дагестане и Чечне вплоть до реки Аргуи на западе, с древностями конца эпохи бронзы, так называемого «каякентско-харачоевского типа...»¹⁷. Как видим, В. Б. Виноградов здесь практически признает существование гинчинской культуры. В 1979 г. он признает, что тезис В. И. Марковина о «северокавказской» культурной принадлежности всех памятников (Чечни. — *Р. М.*) II тыс. до н. э. опровергнут исследованиями М. Г. Гаджиева»¹⁸. Однако в 1982 г. В. Б. Виноградов присоединяется к мнению В. И. Марковина о невозможности отнесения памятников Чечни типа Гатын-Кале к гинчинской культуре и в то же время готов их рассматривать как «отдельная этнолокальная группа внутри восточнокавказской предагестанской культурно-исторической области»¹⁹. И, наконец, совсем недавно В. Б. Виноградов совместно с С. Л. Дударевым и Х. З. Бакаевым опубликовал тезисы доклада²⁰, где признается сложившееся культурно-историческое единство племен горной части Дагестана и Чечни (Гинчи, Бельты, Гатын-Кале, М. Харсеной и др.) в эпоху средней бронзы и допускаются для его обозначения как равнозначные термины «гинчинская культура» (по М. Г. Гаджиеву) и «восточнокавказская культурно-историческая общность» (по В. И. Марковину). Авторы более склонны, пожалуй, к последнему названию.

Итак, мы привели наиболее характерные мнения исследователей о культурном определении древностей Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы. Противоречивость этих мнений во многом объясняется сложностями, стоящими перед археологами в связи с таким основополагающим понятием как «археологическая культура». Очень часто термин «археологическая культура» употребляется в такой форме, в которой суть понятия как бы само собой подразумевается и не требует особого объяснения. Именно так обстояло дело в 50—60 гг., когда археологи сплошь и рядом

говорили о «дагестанской культуре эпохи бронзы», но совершенно не раскрывали ее смысл. «Археологическая культура» — отдельная, наиболее важная таксономическая единица в классификации археологических общностей оказывалась смешанной с понятиями «материальная культура» вообще, «культура какого-то отдельного исторического периода», «культура какого-то региона» и т. д. Здесь необходимо опять вспомнить попытки В. Г. Котовича выделить культуру «обмазанной керамики». В этой связи мы уже указывали, что позднее точка зрения ученого о сущности понятия «археологическая культура» несколько видоизменилась, и ссылались на его последнюю монографию. Дело в том, что В. Г. Котович, с одной стороны, по существу отказывается от термина «археологическая культура», а то, что обычно подразумевается под этим понятием, представляет как отдельный этап в развитии этнического массива, в нашем случае — нахско-дагестанского облика на Северо-Восточном Кавказе²¹. Но, с другой стороны, В. Г. Котович часто употребляет термин «археологическая культура» и готов видеть за ним и другими подобными единицами обозначения конкретных единиц этнических общностей²². По нашему мнению, в данном случае невольно ставится знак тождества между «археологической общностью» и «этнической общностью», что вряд ли правомочно²³.

Можем ли мы утверждать, что за конкретной археологической общностью всегда стоит определенная этническая общность? Сомнительно. Ведь определенное единство материальной культуры (а оно и лежит в основе понятия «археологическая культура») — это всего лишь одна из составных понятия «этнос». Потом не стоит забывать, что схожие черты в материальной культуре могут быть вызваны самыми различными причинами, в том числе и теми, например, которыми руководствуются этнографы, говоря о таких культурно-исторических понятиях, как «хозяйственно-культурный тип» и «историко-этнографическая область».

Анализируя и сопоставляя между собой точки зрения М. Г. Гаджиева (1974 г.) и В. И. Марковина (1979 и др. гг.) по поводу культурного определения памятников средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе, можно убедиться, что они не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. В самом деле, с конца III тыс. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе мы не находим прежнего единства материальной культуры. Памятники горного Дагестана и Чечни обнаруживают с этого времени довольно устойчивую общность культуры, которую в принципе никто из этих и др. исследователей не отрицает. Эта общность выражается в распространении на этих территориях схожего погребального обряда (каменные склепы с коллективными захоронениями), близких типов глиняных сосудов, общих орнаментальных мотивов и композиций на керамике, единых форм и типов украшений и т. д. Памятники горного Дагестана и Чечни имеют одинаковую генетическую подоснову. Словом, перед нами археологическая общность, все признаки которой соответствуют вполне тому содержанию, вкладываемому обычно в исследовательской практике учеными в понятие «археоло-

логическая культура». Эта культура, как бы мы ее ни называли, достаточно четко локализуется как в географической, так и во временной, хронологической плоскости.

Понятие «Восточнокавказская культурно-историческая область», предложенное В. И. Марковиным, по нашему мнению, приложимо уже к той общности, которая свойственна археологическим памятникам всего северо-восточнокавказского региона. В такую общность можно включить как гинчинскую культуру, так и присулакскую, манасскую и недавно выделенную нами великентскую группу памятников. Общность между этими различными группами памятников выборочная, она касается некоторых схожих моментов в погребальном обряде, близких типов посуды, украшений и т. д. В то же время в целом «восточнокавказская культурно-историческая область»* в достаточной степени обособленно выделяется на фоне древностей Северного Кавказа и Закавказья. В самое ближайшее время по мере накопления новых материалов внутри этой общности можно ожидать важные изменения. Во-первых, в гинчинской культуре выделяются отдельные локальные варианты (при первом приближении — два: койсургский и ичкеринский); во-вторых, манасская группа памятников в настоящее время не видится монолитной — большая часть памятников этой группы обнаруживает тесные связи с памятниками великентского типа, которые, в свою очередь, имеют «тенденцию» превращения в самостоятельную археологическую культуру («великентская археологическая культура?»); в-третьих, присулакская группа сильно «расширила» свой ареал — ныне памятники (курганы) этого типа найдены в районе ст. Манас; и в-четвертых, в предгорной зоне, а также в Южном Дагестане также могут быть открыты новые локальные группы памятников.

Как известно, в прошлом широко бытовала теория, согласно которой Северному Кавказу, да и всему Кавказу в целом, отводилась роль некоего котла, в котором «варилась» остатками многочисленных пришельцев — племен сопредельных и более далеких территорий²⁵. Это была теория миграционизма. Однако данные археологии, языкознания и антропологии не оставляют сомнения в том, что этногенез современных коренных народов и народностей, населяющих Северо-Восточный Кавказ, носит в целом автохтонный характер и уходит историческими корнями в глубокую древность. Интенсивные археологические исследования, развернувшиеся на Северо-Восточном Кавказе в последние десятилетия, сви-

* Вернее было бы «северо-восточнокавказская», но ввиду того, что название «восточнокавказская» уже достаточно применялось в литературе (В. И. Марковин, М. Б. Мужухоев, М. Х. Ошаев, В. Б. Виноградов и т. д.), считаем необходимым придерживаться последнего. Что касается термина «культурно-историческая область (или общность)», то, на наш взгляд, он не в полной мере отражает особенности классификационной единицы, более крупной по сравнению с археологической культурой. Здесь, наверное, более соответствовал бы термин «археологическая метакультурная общность» (по аналогии с термином «мета-этническая общность», предложенным С. И. Бруком и И. Н. Чебоксаровым в 1976 г.²⁴).

детельствуют об определенной преемственности в развитии материальной культуры местных племен в течение длительного отрезка истории (с неолита до современной этнографической действительности). Таким образом, археологические источники выступают в пользу автохтонности этногенеза дагестанско-нахских народов.

Как же соотносятся с археологическими материалами данные лингвистики? По С. А. Старостину, начало распада общесеверокавказского праязыка приходится на сер. VI—нач. V тыс. до н. э., о чем свидетельствует глоттохронологическая датировка²⁶. Однако С. А. Старостин приходит при этом к выводу о необходимости «искать прародину северокавказских языков где-то в другом месте», скорее всего в Закавказье или же в Передней Азии. Исходной базой для такого тезиса послужила уверенность автора, что в V—IV тыс. до н. э. «на территории Северного Кавказа отсутствовала культура, обладающая ...набором характеристик» земледельческо-скотоводческого комплекса, нашедших отражение в реконструируемом прасеверокавказском языке. Вряд ли с таким заключением С. А. Старостина можно согласиться, имея в виду археологические материалы ряда раннеземледельческих поселений в горном Дагестане (Чох, Ругуджа, Гинчи, Чинна и др.), исследованных в 50—80 гг. В. Г. Котовичем, М. Г. Гаджиевым и Х. А. Амирхановым. По мнению Б. К. Гигиейшвили, распад общедагестанского праязыка «произошел примерно к концу двадцать третьего столетия до н. э.»²⁷ Эта датировка также получена по методу Свадеша. Известно, что близкую ей датировку распада общедагестанского праязыка давал в свое время и Е. А. Бокарев²⁸. Таким образом, лингвистические данные показывают, что уже к рубежу III—II тыс. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе распался не только нахско-дагестанский язык — основа, но и общедагестанский праязык разделился на несколько групп языков. Так как язык является одним из характерных индикаторов этнической общности, мы вправе видеть в исследуемом регионе в эпоху средней бронзы факт этнической раздробленности местного населения.

Косвенным доказательством принадлежности племен, населявших Северо-Восточный Кавказ в эпоху ранней бронзы, к нахско-дагестанским языкам служит выявленное И. М. Дьяконовым родство последних с хуррито-урартскими языками²⁹. Это находит свое объяснение в том, что определенная часть племен-носителей куро-аракской культуры может быть идентифицирована как хурритская по этносу и по языку³⁰, а Северо-Восточный Кавказ, по мнению М. Г. Гаджиева, «составлял неотъемлемую часть еще точно не установленного обширного ареала, где рано сложилась и длительно развивалась данная культура»³¹.

Очень важен для этногенетических реконструкций антропологический материал. В литературе описана серия черепов количеством около 40, происходящая с памятников эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа (могильники Гинчи, Галгалатли, Ирганай, Манас, Гатын-кале и др.), причем подавляющее большинство из них (ок. 30) происходит с могильника Гинчи. По мнению А. Г. Гад-

жиева, все эти черепа обнаруживают сходство с черепами предыдущего и последующего времен и в основном представляют длинноголовый, узколикий антропологический тип, характерный и для древнего населения Закавказья и Передней Азии³². Это т. н. южный индосредиземноморский тип. Очень близка к этому типу и целая серия черепов с Великитского катакомбного могильника (катакомба № 2) (мнение В. П. Алексеева, высказанное в 1984 г. при внешнем ознакомлении с материалом). Несколько отличаются 3 черепа из могильника Гатын-кале, которые, имея достаточное сходство с дагестанскими черепами, в то же время обладают некоторыми чертами, свойственными для более северных территорий. «Гатынкалинские черепа, — считает А. Г. Гаджиев, — являются либо резко выраженным локальным вариантом южного типа, либо результатом влияния типа носителей северокавказской, майкопской культуры»³³. В целом у антропологов нет сомнения в преемственности населения на Северо-Восточном Кавказе на различных этапах эпохи бронзы, как впрочем и в последующее время вплоть до современности³⁴.

Итак, анализ археологических, лингвистических и антропологических данных позволяет предварительно сделать 2 важных вывода: во-первых, коренная ломка традиций материальной культуры у племен Северо-Восточного Кавказа, фиксируемых по археологическим материалам второй половины III тыс. до н. э., не сопровождается этнической сменой местного населения — идет лишь процесс дифференциации внутри некогда единого этнического массива; во-вторых, можно сказать, что население, оставившее памятники эпохи средней бронзы данного региона, принадлежало к кругу племен прадагестанско-нахского этнического массива и говорило соответственно на прадагестано-нахских языках. Следовательно, этногенез современных коренных народов и народностей Северо-Восточного Кавказа уходит в глубокую даль веков, исчисляемую многими тысячелетиями, и носит в целом автохтонный характер.

Не следует, однако, отрицать и известное влияние шнэтнических элементов в этом процессе, особенно если учесть роль и значение Прикаспийского прохода при передвижениях многочисленных племен и народностей с севера на юг и обратно³⁵. В литературе известны точки зрения о нескольких миграционных явлениях, имеющих отношение к теме нашего разговора. Первая из них — о южных племенах-носителях куро-аракской культуры, которые «на заре бронзового века» якобы продвинулись на Северо-Восточный Кавказ и принесли сюда свою самобытную культуру³⁶. Эта точка зрения имеет достаточно большую историографию и широкий круг сторонников. По их мнению, в эпоху средней бронзы суперстрат «пришельцев» оказывается побежденным местным этнокультурным субстратом. В настоящее время в работах М. Г. Гаджиева получает свое развитие новый взгляд на эту проблему, исходящий из того, что Северо-Восточный Кавказ входит в зону первичного ареала возникновения и развития куро-аракской куль-

туры³⁷. Тем самым миграция «куро-араксинцев» на Северный Кавказ лишается большей части своих, бесспорных до недавнего времени, археологических признаков опознания.

Открытие в 1950—1951 гг. у ст. Манас подкурганного катакомб позволило Р. М. Мунчаеву и К. Ф. Смирнову поставить вопрос о передвижениях в эпоху средней бронзы отдельных групп «катакомбного» населения в Приморский Дагестан вплоть до Дербента³⁸. Эта точка зрения получила большое признание среди специалистов³⁹. Исследования Великентского катакомбного могильника⁴⁰, где имеются комплексы очень раннего происхождения (вторая половина III тыс. до н. э.), дают новые перспективы в изучении проблемы «катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ». Но это тема отдельного разговора. Вопрос о проникновении этнических элементов «катакомбного» круга в Приморский Дагестан ждет еще своего решения; в настоящее время можно сказать определенно, что начиная с середины III тыс. до н. э. происходит постоянная инфильтрация степного населения на Северо-Восточный Кавказ, свидетельством чего обычно считают появление здесь курганного обряда, шнурового орнамента и некоторых других культурных явлений степного облика. Подавляющее большинство стених инноваций в изучаемое время связывается с т. н. северокавказской к. н. о.

Все выше охарактеризованные мнения исследователей о некоторых этнических перемещениях на Северо-Восточном Кавказе в изучаемое время надо четко отделить от миграционистских теорий, которые грешат абсолютизацией какого-то отдельно взятого, вне связи факта и построенном на этом основании далеко идущих умозаключений. Попытки Л. Г. Нечаевой и В. В. Кривницкого интерпретировать Ирганайские, Берикейский (Дагестан) и Эгикальские (Игушетия) склепы эпохи средней и поздней бронзы как составные дольмены, возведенные якобы неким древним народом-строителем дольменов при его расселении с Северо-Западного Кавказа и Карачая («эпицентр» расселения) на восток⁴¹, были неоднократно и аргументированно подвергнуты критике В. П. Марковым⁴², что освобождает нас от их конкретного анализа. Более обстоятельного рассмотрения заслуживает, на наш взгляд, недавно опубликованная работа Б. М. Хашегульгова «Участие Волго-днепровских племен в этнических процессах на Северном Кавказе (конец III—первая половина II тысячелетия до н. э.)»⁴³. В ней автор пытается «искать родину племен, оставивших... памятники (северокавказской к. н. о.— Р. М.) не по типам погребальной инвентаря, который широко распространяется среди этнически разнородных племен в периоды миграций, а по наиболее консервативным этнографическим чертам, выраженным в сумме признаков погребальной обрядности». Для этих целей он выделяет группу памятников, для которых характерен «обряд вытянутого труположения в грунтовых ямах и деревянных срубках», и находит им «аналоги в среде древнейших «энеолитических» памятников Волго-Днепровского междуречья». Речь идет, по-видимому, о гомогенной группе

из более чем 100 подкурганного энеолитических погребений, выделенной И. Ф. Ковалевой в Днепровском Левобережье⁴⁴. Эту группу объединяет около десятка признаков, однако Б. М. Хашегульгов берет из них только два — вытянутое на спине положение костяка и характер погребальной конструкции. Это позволяет ему обнаружить на огромной территории (от Азово-каспийского междуморья и Прикубанья до Дагестана включительно) большое количество погребальных комплексов с вытянутыми костяками и высказывает мнение, что они оставлены «волго-днеповцами» при их миграции на юго-восток. Б. М. Хашегульгов не мог не видеть разнородность выделяемых им в одну группу комплексов, но объясняет это тем, «что волго-днепровские племена к моменту исхода не отличались культурным единообразием». Что можно сказать по поводу этих утверждений.

Во-первых, обратим внимание на непоследовательность автора, включившего в выделяемую группу вытянутые захоронения могильников Гатын-кале и Гинчи, ведь последние совершены не в грунтовых ямах или срубках, а в каменных склепах. Если же руководствоваться одной лишь вытянутостью костяков, то автор анализируемой работы с таким же успехом мог бы разглядеть потомков волго-днепровских мигрантов в захоронениях т. н. кротовской культуры эпохи бронзы на Барабе (Сибирь), тем более последние совершены в грунтовых ямах⁴⁵. Во-вторых, если вытянутость костяка — это этнический признак, характерный для волго-днепровцев, то чем объясняются тогда случаи совместного нахождения скорченных и вытянутых костяков в одних и тех же погребениях (Константиновское плато, Гатын-кале, Гинчи)? Наверное, правы те исследователи, которые, отмечая широкое бытование вытянутого труположения на Кавказе в эпоху бронзы наряду со скорченным, в то же время не видят принципиальных различий между ними ни в хронологическом, ни в этнокультурном плане⁴⁶. Видимо, эти различия лежат в сфере идеологических представлений древних людей, но археологическим данным чрезвычайно трудно реконструировать. Имели место, наверное, и социальные, а также поло-возрастные моменты. Словом, мы не имеем никакой возможности интерпретировать вытянутые захоронения эпохи бронзы Кавказа, по крайней мере, его восточной части, как инновации, занесенные сюда миграцией волго-днепровских племен. Этому противоречит характер погребальной инвентаря этих комплексов, незаслуженно обойденный Б. М. Хашегульговым. Не подтверждают теорию миграции «волго-днепровцев» на Северный Кавказ, в том числе и Дагестан, данные антропологии. Утверждения Г. Ф. Дебена⁴⁷ о существенном вкладе северного компонента в древности в формирование кавказского антропологического типа в настоящее время отвергаются антропологами⁴⁸.

Работа Б. М. Хашегульгова представляет собой тезисы доклада, и, может быть, в силу этого автор был лишен возможности более аргументированно подать свою точку зрения. Но, в любом

случае, она лишней раз убеждает в необходимости комплексного подхода к проблемам этнической истории в древние эпохи.

Только совместные усилия археологов, антропологов, этнографов, лингвистов и других специалистов способны приподнять завесу неизвестности с ранних этапов этногенеза кавказских, в том числе и дагестано-нахских народов и народностей.

* * *

¹ *Крулов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. // Древние племена и народности Кавказа. — М.; Л., 1958. (МИА; 68).

² Там же. — С. 94.

³ *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. — М.; 1982. — С. 114—117.

⁴ *Канивец В. Н.* Мнатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. — Махачкала, 1959. — Т. I. — С. 49—51; *Его же.* Вопросы периодизации и хронологии бронзового века Дагестана: (рукопись) // Рукоп. фонд, 1960. ИИЯЛ. — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. № 59; *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. — Махачкала, 1965. — С. 247—252; *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического... — С. 118.

⁵ История Дагестана: в 4 т. — М., 1967. — Т. I. — С. 84.

⁶ *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. — 1960. — № 93.

⁷ *Гаджиев М. Г.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. — Махачкала, 1974. — С. 18—28.

⁸ Там же. — С. 14—16. — Рис. 1.

⁹ *Канивец В. Н.* Мнатли — новый памятник бронзового века... — С. 49—51; *Его же.* Вопросы периодизации и хронологии...

¹⁰ *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана. В эпоху бронзы. — Махачкала, 1969. — С. 152—154, 169—170.

¹¹ Там же. — С. 169.

¹² *Марковин В. И.* (Рецензия) // СА. — 1972. — № 1. — С. 289. — Рец. на кн.: *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. — Махачкала, 1969.

¹³ *Марковин В. И., Мужухов М. Б.* Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии // Археолог. памятники Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1979. — С. 9—11; *Марковин В. И.* О некоторых вопросах интерпретации письменных и других археологических памятников Кавказа // КСИА. — 1980. — Вып. 161. — С. 44.

¹⁴ *Марковин В. И., Мужухов М. Б.* Некоторые итоги изучения древностей... — С. 11.

¹⁵ *Ошанин М. Х.* Могильник эпохи бронзы у селения Дай // Новые памятники эпохи бронзы Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1982. — С. 40, 41.

¹⁶ *Виноградов В. Б., Рунчи А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. — Грозный, 1969. — Т. III. — С. 97, 98.

¹⁷ *Виноградов В. Б.* Вести из минувших эпох. — Грознен. рабочий, 1978. — 5 авг.

¹⁸ *Виноградов В. Б.* Дискуссионные вопросы хронологии и этнокультурной атрибуции позднебронзовых памятников бассейна Сунжи // Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы: Тез. докл. Всесоюз. конф. — Донецк, 1979. — С. 94, 95.

¹⁹ *Виноградов В. Б.* Новое в изучении этнокультурного процесса Восточной Чечни: (эпоха бронзы) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюз. симпоз. — Ереван, 1982. — С. 30—31.

²⁰ *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Бакаев Х. З.* Ранние этапы вайнахов: (первая попытка реконструкции) // Археология и краеведение — вузу и школе: Тез. докл. и сообщ. второй регион. науч.-практ. конф. — Грозный, 1985. — С. 31.

²¹ *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития... — С. 67, 68.

²² Там же. — С. 51—53.

²³ См.: *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. — 1955. — № 4; *Андрюнов Б. М., Чебоксаров Н. Н.* Историко-этнографические области: (пробл. историко-этнограф. районирования) // СЭ. — 1975. — № 3.

²⁴ См.: *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности // Расы и народы. — М., 1976.

²⁵ См.: *Магомедов Р. М.* Проблема происхождения дагестанских народов и дореволюционной этнографии // Учен. зап. ДГУ. — 1970. — № 6; *Его же.* Дагестан: исторические этюды. — Махачкала, 1971. — С. 102—126; *Фрей Р.* Изведение Ирана. — М., 1972. — С. 27; *Март Н. Я.* Племенной состав населения Кавказа: классиф. народов Кавказа. — Тр. комис. по изуч. племенного состава населения России. II. 1920. — Вып. 3. — С. 11, 12.

²⁶ *Старостин С. А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. — М., 1985. — С. 90.

²⁷ *Гисинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. — Тбилиси, 1977. — С. 25.

²⁸ *Бокарев Е. А.* Введение и сравнительное изучение дагестанских языков. — Махачкала, 1961. — С. 17.

²⁹ *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. — Ереван, 1968. — С. 10; *Его же.* Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки // Древний Восток. — Ереван, 1978. — Вып. 3. — С. 25—38; *Ардзинба В. Г.* Послесловие о некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии // Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. — М., 1983. — С. 164—170.

³⁰ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. — М., 1975. — С. 412.

³¹ *Гаджиев М. Г.* Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. — Махачкала, 1983. — С. 41.

³² *Гаджиев А. Г.* Об антропологическом типе древнего населения Дагестана и Северного Кавказа // Древности Дагестана. — Махачкала, 1974. — С. 51—57; *Его же.* Древнее население Дагестана: По данным краниологии. — М., 1975. — С. 14—18, 48, 49.

³³ *Гаджиев А. Г.* Об антропологическом типе... — С. 54.

³⁴ *Алексеев В. П.* О структуре и древности кавказского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Юго-Восточная Европа в древности. — М., 1973. — С. 101; *Его же.* Происхождение народов Кав-

каза: Краниолог. исслед. — М., 1974. — С. 136—138, 203; *Гаджиев А. Г.* Об антропологическом типе... — С. 59, 60; *Его же.* Древнее население Дагестана... — С. 48, 49, 65—68.

³⁵ См.: *Котович В. Г.* Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути//Пробл. археологии. — Л., 1978. — Вып. 2.

³⁶ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре... — С. 191.

³⁷ См.: *Гаджиев М. Г.* Северо-Восточный Кавказ и куро-аракская культура //IX Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа: Тез. докл. — Элиста, 1979. — С. 6—7; *Его же.* Древнейшие поселения горного Дагестана//Древние и средневековые археол. памятники Дагестана.— Махачкала, 1980.— С. 5—27.

³⁸ *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане: (Курганный гробница у станции Манас)//СА. — 1956. — Вып. XXVI. — С. 186—193; *Мунчаев Р. М.* Катакомбная культура в Северо-Восточный Кавказ//Новое в сов. археологии. — М., 1965. — С. 96.

³⁹ *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы: (II тыс. до н. э.). — М., 1960. — С. 105; *Его же.* Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы//Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюз. симпоз. — Ереван, 1982. — С. 28, 29; *Погребова М. Н.* Ирганайский склеп эпохи бронзы//МАД. — Махачкала, 1961. — Т. II. — С. 123; *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. — Киев, 1978. — С. 138.

⁴⁰ *Гаджиев М. Г., Корнеевский С. П.* Металл великентской катакомбы //Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. — Махачкала, 1984. — С. 7—27; *Его же.* Генезис погребальных сооружений эпохи ранней бронзы в Дагестане//XIII Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа: Тез. докл. — Майкоп, 1984. — С. 18, 19; *Гаджиев М. Г., Масомедов Р. Г.* Новые материалы по погребальному обряду эпохи бронзы Дагестана//Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам экспедиц. исслед. НИЯЛ в 1982—1983 гг. — Махачкала, 1984. — С. 3, 4.

⁴¹ См.: *Нечасова Л. Г.* Составные дольмены Осетии, Ингушетии, Карачая (постановка вопроса)//Гр. НИИАИ в 1970 году в СССР: (археолог. секция). — Тбилиси, 1971. — С. 65—67; *Нечасова Л. Г., Крицкий В. В.* Ирганайские гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа//V Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа: Тез. докл. — Махачкала, 1975. — С. 30—32.

⁴² *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. — М., 1978. — С. 331; *Его же.* К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе//КСИА.— 1982.— № 169.— С. 26, 27, 30, 31; *Его же.* К вопросу о происхождении западнокавказских дольменов//Вопр. археологии Адыгеи. — Майкоп, 1985. — С. 10, 11.

⁴³ См.: *Хашегульгов Б. М.* Участие волго-днепровских племен в этнических процессах на Северном Кавказе: (конец III—первая половина II тыс. до н. э.) //Археология и краеведение — вузу и школе. — Тез. докл. и сообщ. второй регион. науч.-практ. конф. — Грозный, 1985. — С. 35—37.

⁴⁴ *Ковалева Н. Ф.* Вытянутые погребения днепровского ареала волго-днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита//Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. — Днепрпетровск, 1979. — Вып. 3; *Ее же.* Днепровский ареал волгоднепровской этнокультурной общности//Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тез.

докл. конф. — Оренбург, 1984. — С. 24; *Ее же.* «Вытянутые» энеолитические погребения Днепровского ареала//Пробл. хронологии археолог. памятников степной зоны Сев. Кавказа. — Ростов-на-Дону, 1983. — С. 21—24.

⁴⁵ См.: *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск, 1985. — С. 76. — Рис. 38—41.

⁴⁶ *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне: (могилище у сел. Гатын-кале)//Древности Чечено-Ингушетии. — М., 1963. — С. 106; *Его же.* Курганы на Константиновском плато у г. Пятигорска//КСИА.— 1971.— Вып. 127.— С. 44; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры...— С. 112.

⁴⁷ См.: *Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования в Дагестане//Антропологический сборник. I. Тр. ИЭ АН СССР (нов. сер.); Т. XXXIII; *Его же.* Антропологические типы//Народы Кавказа.— М., 1980.— Т. I.

⁴⁸ *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа.— С. 135, 136; *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. — С. 67, 68.

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПАМЯТНИКОВ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА

Историко-культурная и этническая интерпретация памятников Прикаспийского Дагестана и прежде всего Таркинского и Карабу-Дахкентского могильников имеет довольно значительную историографию. Так, в свое время Е. И. Крупнов отмечал, что Таркинский могильник характеризует культуру местного оседлого населения Кавказской Албании периода ее расцвета, когда ее границы доходили до Сулака. Вместе с тем сарматские признаки, характерные для могильника, он воспринял не только как свидетельство культурного общения и связей, но и проникновения в местную среду отдельных сарматских элементов¹. К. Ф. Смирнов, отметив архаические, восходящие к глубокой древности и общие с племенами Кавказской Албании черты материальной культуры, а также признаки, присущие сарматам, признал могильник той части удиинского населения, которая подверглась сильной сарматизации, т. е. смешанному населению кавказских удиин и сарматских аорсов, известных у Плиния под названием Утидорсов². Следующий к югу Карабудахкентский могильник он уже связал с самими удиинами³. Эта точка зрения получила признание среди многих специалистов, в том числе дагестанских⁴. Однако Д. М. Атаев считает, что роль сарматских элементов в местной материальной культуре преувеличена⁵. К. В. Тревер, признавая некоторое родство между культурой населения Приморского Дагестана (севернее Дербента) и культурой населения Восточного Закавказья, воздерживается от признания принадлежности Таркинского могильника утидорсам, а Карабудахкентского — удиинам⁶. В. И. Маркович считает, что дагестанские археологи недооценивают сарматский элемент в Дагестане⁷.

На Таркинском и Карабудахкентском могильниках К. Ф. Смирновым были выделены сарматские этнические признаки в виде форм грунтовых могил, вытянутых на спине (иногда с перекрещенными ногами и руками на тазовых костях или груди) поз погребенных, присутствия кусков мела, разбитых и целых сарматских зеркал, сарматских форм керамики (мисок с загнутыми во внутрь краями, ваз, кувшинов с кольцевыми и зооморфными ручками, горшков и кубков с зооморфными ручками, горшков с ото-

гнутыми венчиками, а также геометрического орнамента из резных прямых, зигзагообразных и штрихованных линий на сосудах, пряжек — сюльгамов, фибул⁸. Долгие годы эти признаки как сарматские не вызывали сомнения. Однако исследованиями последних лет установлено, что вытянутые на спине погребения, в том числе с кистями рук на тазовых костях и перекрещенными ногами на собственно сарматских могильниках встречаются меньше, чем на Прикубанских и Северокавказских⁹. В ряде статей сарматологов, особенно М. П. Абрамовой высказана мысль о примитивности собственно сарматской керамики по сравнению с северокавказской. Она прослеживает и генетическую связь сосудов с зооморфными ручками и резным геометрическим орнаментом с керамикой Закавказья, в частности Кавказской Албании, а мисок с загнутыми во внутрь краями с архаическими кобанскими формами¹⁰.

Антропологические исследования, имеющие решающее значение для этнического определения памятников, противоречивы. На основании изучения трех Карабудахкентских и одного Таркинского черепов Н. Н. Миклашевская сделала вывод об их принадлежности сарматам и смене населения на территории Северного Дагестана, оговариваясь, однако, что дагестанские черепа отличаются от сопоставляемых черепов из Нижнего Поволжья¹¹. А. Г. Гаджиев считает эти выводы спорными. Признавая влияние скифо-сарматского антропологического элемента на становление антропологического типа населения Дагестана, он считает имеющийся материал противоречивым и скудным, что не дает права говорить о значительном влиянии скифо-сарматского элемента на антропологический тип населения, не говоря уже о смене населения Прикаспийского Дагестана¹². Брахиокраний широколицый тип, встречающийся на памятниках Прикаспийского Дагестана, не все исследователи рассматривают как привнесенный. Так, В. П. Алексеев считает его древнейшим и местным по происхождению¹³. Его точка зрения находит признание и у других антропологов¹⁴. Этот тип, характеризующийся высоким ростом, большими размерами головы и лица, особенно ширины лица, высоким головным указателем и некоторым просветлением цвета волос и глаз, отмечен на территории Кавказской Албании античными источниками: «албанцы отличались красотой и высоким ростом (Страбон, XI, IV, 4)», «в Албании рождаются люди с серыми глазами, с детства седые и ночью видящие лучше, чем днем (Плиний, ЕИ, кн. 7, § 12)». Поэтому, скорее всего, правы В. П. Алексеев и его сторонники, рассматривая этот тип, названный позже кавкасионским, как местный. К этому следует добавить, что карабудахкентские черепа происходят из богатого склепа с конскими и человеческими жертвоприношениями. Он оставлен наиболее состоятельной частью населения, оставившего Карабудахкентский могильник. Именно в этом погребальном сооружении наиболее ярко выражены местные черты.

В основе гипотезы об утидорской принадлежности таркинского могильника и удиинской принадлежности Карабудахкентского лежат высказывания Н. Я. Марра и его сторонников о продвижении

на север яфетических племен под напором халдских завоеваний¹⁵. И. П. Мещанинов писал о продвижении на север к побережью Каспийского моря в район лезгинского населения переселенческих волн урартов и удин под напором тех же халдских ударов, отметив при этом отсутствие каких-либо источников для освещения этой миграции¹⁶. Языки удин, урартов, хуритов и всех современных народов Дагестана и Чечено-Ингушетии относятся к одной группировочнокавказской или вейнахо-дагестанской. На этом языке, очевидно, говорили, еще племена куро-аракской культуры III тысячелетия до н. э., занимавшие территорию Закавказья и Северо-Восточного Кавказа. Так, что для объяснения языковой общности племен Передней Азии и Закавказья, с одной стороны, и Северо-Восточного Кавказа, с другой, у нас нет необходимости прибегнуть к помощи миграции удин.

Удинов большинство исследователей отождествляют с этиунами урартских клинообразных надписей, занимавшими обширную территорию Армении от Карса до Севанских гор¹⁷. Удины упоминаются Геродотом в составе войск Ксеркса под предводительством сына Дария-Арсамения (Геродот, VII, 68) и в составе XIV сатрапии Ахеменидской державы (Геродот, III, 93). По Страбону уитии вместе с гелами, кадусиями, амардами и анарнаками занимают территорию Атропатены у Мидийских гор от Каспийского моря до горных вершин Малого Кавказа (Страбон, XI, 7, 1). В первом веке н. э. они продвинулись на север в район, где Аракс отделял их от Атропатены (Плиний, VI, 42). Во II в. они уже оказываются в Прикуринской долине (Птоломей, V, 12, 4). После этого они постоянно находятся в сфере внимания древних авторов, в том числе армянских, которые должны были отразить факт миграции, если она имела место. В настоящее время удины, численностью 6 900 чел. проживают в сел. Нидж и Варташен Азербайджанской ССР и Октомберн Грузинской ССР¹⁸. У нас нет источников, которые позволило бы связать этих удин Прикуринской долины с Карабудахкентским могильником.

Вместе с тем в одних и тех же античных источниках встречаются созвучные названия тех племен, которые локализуются на территории Северного Кавказа. Они определены как скифские племена, что дало некоторым исследователям возможность проследить связь удинов со скифскими будинами, занимавшими значительную территорию Восточной Европы. Авторы этих взглядов опираются на сведения Псевдо-Скилака, упоминающего их вместе с мленхлепами и фтирофагами. Так, Де Гинь локализовал будинов на Кубани и Черкессии¹⁹, К. Маннерт и К. Цейс — «между Кавказом и Каспийским морем»²⁰, Ф. Хадсон и С. Кассон — между Астраханью и Каспийским морем, по направлению к Каспию²¹, Л. А. Ельницкий — на западном Кавказе или Прикаспии²². Причем последний подкрепляет свой тезис ссылкой на В. А. Городцова и Е. И. Крупнова, указывавших на находки предметов материальной культуры северокавказского происхождения в степных и лесостепных скифских комплексах «попавших туда не вследствие

обмена, а в результате перемещения самих северокавказских племен»²³.

Как видно, часть исследователей помещает удинов значительно выше Дагестана, сопоставив их со скифскими племенами.

Страбон помимо утнев, локализуемых в Восточном Закавказье, упоминает и других утнев, расположенных на берегу Каспийского моря севернее каспиев и албан (Страбон, VIII, 8). Плиний уточняет место их расположения и этнический облик: «направо от входа в море на самом краю пролива живет скифское племя удины. Далее по побережью — албанцы, происшедшие, по преданию, от Ясона; лежащая перед ними часть моря называется Албанской. Выше приморских владений и племена удинов простираются земли сарматов, утидорсов и пахарей, а в тылу их живут упомянутые амазонки и савроматиды» (Плиний, VI, 38, 39). В этом тексте обращает на себя внимание то, что удины называют скифским племенем и располагают севернее албан и южнее сармат. В литературе уже высказывалась мысль о связи гидронима «удон» с этнонимом удин²⁴. По единодушному мнению исследователей, гидроним «удон» этимологизируется как «уд-дан» — река удов (осет. язык)²⁵. Это позволяет нам рассмотреть скифских удин-утнев как одно из сарматских ираноязычных племен. Соответственно утидорсы, в названии которых просматривается союз двух племен — «скифских» удин и сарматских аорсов, должны быть включены в сармато-аланский этнический круг. Такой союз двух родственных по культуре и языку племен вполне естественен, чем предполагавшийся союз разных по культуре и языку ираноязычных аорсов и дагестаноязычных удин.

Как правило, по Птоlemeю племена локализуются в устьях или в долинах рек, которые носят их названия. Так, каспии помещаются в долине реки Кайсия, гелы или геры — в долине реки Герр, албанцы — в долине реки Албан и т. д. Соответственно скифские удины должны быть локализованы в устье реки Удон, сопоставляемой с современной Кумой. При этом Птоlemeей локализует удов, олондов, псондов и геров в порядке с севера на юг вдоль Каспийского моря. (Птоломей, V, 8, 17—25). И здесь уды оказываются севернее олондов, локализуемых в долине реки Олонта (Алонта) — Терка.

Соответственно должна быть пересмотрена точка зрения о принадлежности Таркинского могильника утидорсам и Карабудахкентского — удинам. Принадлежность Таркинского могильника местным племенам не вызывает сомнения в археологических кругах. В пользу его местного происхождения свидетельствуют основные руководящие признаки памятника, прежде всего погребальный обряд и керамические формы. Для него характерны грунтовые могилы (87%) и изредка каменные ящики или гробницы (грунтовые могилы, обложенные камнями — 13%); вытянутые на спине (62,1%) иногда с перекрещенными ногами и кистями рук на тазе (27%), вытянутые на боку со сведенными перед тазом руками (8,1%), скорченные на боку (2,7%) и сидячие (10,8%) захоронения

ния, разнообразная ориентировка, среди которой преобладает юго-восточная (29,4%), угольки, иногда толченный мел (погр. 36 раск. К. Ф. Смирнова) около костяков и, наконец, погребение коней (погр. 32), а также серая лощеная керамика, тщательно формованные от руки сосуды которой свидетельствуют о расцвете гончарного производства. В одной могиле встречен красный ангобированный сосуд²⁶. О местном облике могильника свидетельствуют признаки, характерные для местных памятников предшествующего времени: грунтовые могилы, сидячие и скорченные погребения, разнообразие ориентировки погребенных, угольки около костяков, наиболее значительная часть своеобразных местных керамических сосудов, близких по своим морфологическим признакам к сосудам из Азербайджана. Немаловажным фактором, указывающим на его местный, а не сарматский облик, является отсутствие курганных насыпей²⁷.

Такими же признаками характеризуется вновь выявленный Черкескутанский могильник, расположенный недалеко от с. Талги.

К Таркинскому могильнику близок Карабудахкентский, где встречены те же грунтовые могилы, изредка каменные ящики, вытянутые (иногда с перекрещенными ногами и кистями рук на тазе) на спине погребения с разнообразной ориентировкой, те же керамические формы и украшения. Только здесь доля традиционных для дагестанских памятников сидячих, скорченных и вторичных погребений, керамических форм и украшений (височные привески в полтора оборота и др.) больше. Встречены здесь и захоронения черепов, не характерные для Таркинского могильника: преобладает восточная ориентировка погребенных и выявлены ложкообразные головные булавки, которых нет на Таркинском могильнике. Местная принадлежность Карабудахкентского могильника также не вызывает сомнения. Речь идет о характере и степени сарматизации всех этих памятников.

Каменные ящики, встреченные в качестве исключения на Таркинском могильнике и исчезнувшие в Дагестане в скифское время, сохраняются в сармато-аланское время в Чечне и в приграничных районах Дагестана (Ямансу, Балансу, Ленинкент и др.)²⁸ и являются традиционным для Северо-Восточного Кавказа. Вытянутые на спине погребения с кистями рук на тазовых костях встреченные здесь являются характерным синдо-меотским обрядом погребения²⁹.

Многие керамические сосуды Таркинского могильника, рассматривавшиеся как сарматские, а именно серые лощеные миски с загнутыми во внутрь краями, вазы, кувшины с зооморфными ручками, горшки с такими же ручками, кубки с такими же ручками и горшки с отогнутым венчиком, а также резной геометрический орнамент, не характерны для сарматской культуры прохоровского этапа и восприняты ими на сусловском этапе. Как известно собственно сарматская керамика однообразна и бедна, гончарный круг не применялся. Многие новые формы у них возникали под влиянием северокавказских керамических центров³⁰.

Для примера рассмотрим несколько сосудов.

Миски с загнутыми во внутрь краями наиболее часто встречаются в сочетании с гранеными и реберчатыми мисками Северного Дагестана. Наибольшее их количество найдено на Таркинском и Карабудахкентском могильниках, Андрейаульском комплексе и т. д., меньше — в южном Дагестане (Шаракун, Мамраш) и в Азербайджане³¹. Более характерны они для памятников Центрального Предкавказья, мало встречаются в Прикубанье³². В Грузии такие миски встречаются с эпохи поздней бронзы (Чальский могильник, например)³³. На Северном Кавказе они встречаются на памятниках кобанской культуры³⁴, с которыми, возможно, генетически связаны и наши миски³⁵.

Вазы и миски с загнутыми во внутрь краями на высоком полом поддоне, встреченные на Таркинском могильнике³⁶, характерны и для Карабудахкентского I³⁷ и особенно для Урцекского могильников Дагестана. На этих же могильниках встречаются реберчатые, а также с отогнутыми краями на полом поддоне миски. На Шаракунском могильнике, например, встречена реберчатая миска на невысокой поллой ножке-поддоне³⁸. В основном они концентрированы на территории северной части Прикаспийского Дагестана. Разнообразие их форм и размеров свидетельствует о местном производстве. На Мугерганском могильнике предскифского времени встречена округлобокая миска на поллой ножке, возможно, служившая прототипом ваз албанского времени. Вазы Прикубанья³⁹ и Азербайджана⁴⁰ античного времени типологически отличаются от дагестанских. К последним ближе типы, представленные среди культовых сосудов Чечено-Ингушетии⁴¹. Возможно, они относятся к близким очагам. Не исключено, что на формирование дагестанских сосудов повлияли формы ваз Прикубанского очага керамического производства.

Особого внимания заслуживают сосуды с зооморфными ручками. Проблема их происхождения до сих пор вызывает споры, несмотря на то, что они в центре внимания исследователей, начиная с 40-х годов⁴². В одной из своих последних исследований М. П. Абрамова показала, что наиболее ранние сосуды с зооморфными ручками появляются в восточной части Северного Кавказа и, что все они генетически связаны с зооморфной керамикой Восточного Закавказья, в том числе Кавказской Албании⁴³. Эту мысль подтверждают многочисленные и разнообразные находки кувшинов, кубков, кружек, горшков и ритуальных сосудов с зооморфными ручками на территории Дагестана (Тарки, Урцеки, Карабудахкент, и т. д.) и восточной части Северного Кавказа. Здесь же встречаются сосуды, выполненные в виде различных животных или же модифицированные на спинах животных. Сарматы на прохоровском этапе не имели сосудов с зооморфными ручками. Не встречаются они и у сарматских племен Украины ни на прохоровском ни на сусловском этапах. Их появление у северокавказских сармат на сусловском этапе скорее всего объясняется заимствованием у местных племен. Показательны в этом отношении кружки с усе-

ченно-биконическим ребристым туловом, стилизованной зооморфной ручкой и несколько отогнутым венчиком. Поверхность украшена резным геометрическим орнаментом. Две из них найдены на Таркинском могильнике (погр. 4, 10)⁴⁴, один в погр. № 12 кургана 4 III—I вв. до н. э. Мекенского могильника Чечено-Ингушетин⁴⁵, в погребениях I в. до н. э. — II в. н. э. могильников Поволжья (Бережновский I и III — 3 экз., Калиновский — 1 экз., Суслевский — 1 экз.)⁴⁶, в Прикубанье (по-одному на могильниках у ст. Ладожской, Кубанской, хут. Зубовского и городища «Чумной редант»)⁴⁷, в Подоенье и в Средней Азии⁴⁸. В. Н. Корпусова, посвятившая специальный очерк исследованию этих кружек, показала, как они были восприняты и развиты в античном Причерноморье, у черняховских племен, а также в Придунайских районах первой половины I тысячелетия н. э.⁴⁹ Таркинский сосуд, как и мекенский, является наиболее архаическим из всех находок. В. Н. Корпусова полагает, что они возникли на Северо-Восточном Кавказе и оттуда получили распространение на северо-запад и север⁵⁰. Это явление характерно для всего керамического производства Северо-Восточного Кавказа, в том числе для «канфаровидных» курильниц. Посредником в распространении этой керамики явно были сарматские племена.

Е. И. Крупнов, впервые выявивший «канфаровидных» сосудов на Таркинском могильнике, указывал на сарматские традиции в их производстве⁵¹. К. Ф. Смирнов, вслед за ним В. Б. Виноградов и М. П. Абрамова сближали их с ялойлутепинскими сосудами, от которых они произошли⁵². В. А. Кузнецов рассматривал их в качестве закавказского импорта⁵³, В. А. Петренко — изделий, возникших на пересечении закавказской и прикубанской культур на сарматской почве, т. е. в качестве сарматских сосудов⁵⁴.

На Северо-Восточном Кавказе эти курильницы представлены двумя типами:

I тип характеризуется яйцевидным туловом на полой ножке-поддоне, короткой шейкой — перехват и петлевидными ручками, соединяющими горло с плечиками. Края устья вытянуты к бокам и украшены резным геометрическим орнаментом, преимущественно заштрихованными треугольниками. Наружная поверхность сосуда также украшена резным геометрическим орнаментом. К настоящему времени этих сосудов накоплено довольно много: четыре из них происходит из Таркинского могильника (1-го из погр. 13 раск. Е. И. Крупнова, 2 — из погр. 30 и 34 раск. К. Ф. Смирнова⁵⁵, 1 — найден при земляных работах в окрестностях сел. Тарки и доставлен в Институт ИЯЛ А. И. Абакаровым), несколько экземпляров — из Черкезкутанского могильника. Высота этих сосудов колеблется от 100 до 186 мм при диаметре тулова от 113 до 126 мм (пропорции $H:d_T =$ от 1,24 до 1,47). Несколько иные пропорции имеют курильницы, обнаруженные в Северном Дагестане. Они имеют вместо ножек невысокие поддоны. Один из них найден в Бабаюртовском районе, в 10 км к северо-западу от селения Татаюрт при строительных работах. Поверхность ее тулова

украшена вертикальными резными линиями, ручки — поперечными насечками. Высота поддона — 1 см. Другой сосуд из этого же района имеет у устья дополнительный ободок, а тулово украшено косыми рельефными валиками (высота сосуда — 134—152 мм при диаметре тулова 127 мм и пропорциях $H:d_T = 1,2$). Третий сосуд из Хасавюртовского кургана частично фрагментирован (обломана придонная часть), украшен по краям устья и плечикам заштрихованными треугольниками, расширение тулова — зигзагами, заключенными в две горизонтальные параллельные линии.

II тип характеризуется вздутым призмистым туловом, короткой шейкой и петлевидными ручками, соединяющими венчики с плечиками. Они не имеют поддона. Один такой сосуд, найденный в Хасавюртовском кургане, имел лощеную наружную поверхность, украшенную резным геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников и зигзагов, заключенных в параллельные линии (высота сосуда — 122 мм при диаметре тулова 117 мм). Наибольшее количество таких сосудов второго типа встречаются на территории Чечено-Ингушетии (23 экз.), меньше — в Кабардино-Балкарии (3 экз.), в Прикубанье (1 экз.) и в Пятигорье (1 экз.)⁵⁶.

Таким образом, картографирование находок «канфаровидных» курильниц выявляет три очага производства: один на территории Тарки — Черкезкутан — Андрейаул, второй — в Бабаюртовском и отчасти Хасавюртовском районах и третий — в среднем Притеречье. Очевидно, эти курильницы генетически связаны с сосудами из Прикуринской долины, наделенными зооморфными ручками. Их производство на Северо-Восточном Кавказе было обусловлено потребностями сарматского рынка. Возможно, курильницы, выявленные в Бабаюртовском районе произведены самими сарматами: они сделаны от руки, отличаются грубостью форм и отделки. Резной геометрический орнамент, характерный и для этих курильниц из горизонтальных зигзагов, прямых линий, слочек, заштрихованных треугольников и точек, получивший расцвет на керамике Северо-Восточного Кавказа, особенно Дагестана этого времени, находит свои корни как на территории Северного Кавказа, так и Кавказской Албании⁵⁷.

Приведенные формы керамики встречаются на памятниках оседлых земледельцев и кочевых сарматов. Причем они располагаются на территории Северного Кавказа и Северного Прикаспия. Они не очерчивают границ каких-либо этно-политических объединений. Между тем, находки многих импортных предметов, в частности разнообразных фибул, зеркал, бус, вытянутые на спине (иногда с перекрещенными ногами и руками на тазе) захоронения прочерчивают на карте Северного Кавказа линию вытянутую на северо-западном направлении⁵⁸. На это же направление связей показывает тамгообразный знак, найденный В. И. Марковичем в Прикаспийском Дагестане, на скале Уйташ⁵⁹. Близкие по начертанию знаки встречаются на монетах правившего в 10/11—37/38 гг. на Боспоре царя Аспурга-Раскупорида I⁶⁰, на горгиппийских кирпич-

чах, произведенных в его мастерских⁶¹, а также на доньях мисок из помещения Владимирского поселения недалеко от Новороссийска⁶². Все эти знаки, принадлежащие царю Аспургу, отличаются от Уйташских незначительными деталями: у уйташских знаков концы больше изогнуты. Царский знак, скорее всего, генетически связан со знаком уйташского типа. Такой знак мог принадлежать аспургианам, с которыми каким-то образом был связан царь Аспург-Рискупорид I⁶³. По мнению С. Ю. Сапрыкина, аспургиане представляли собой военные поселенцы царских земель из местных племен-сармат, сатархеев и др. Имя царя Аспурга, название Аспургиан и этноним Сатархи-Сатархеи иранского происхождения, что связывает их с сарматским миром⁶⁴. Вместе с тем все они относятся к Боспору. Появление этого знака на Уйташских скалах следует связать с сармато-боспорской торговлей, осуществляемой по Прикаспийскому торговому пути через Дербентский проход. Уйташский знак могли оставить аспургиане или сатархеи, проникшие сюда для торговых целей.

Отмеченная выше «сарматизация», проявляемая через вновь встречаемые узкие грунтовые могилы с вытянутыми на спине костями (иногда с перекрещенными ногами и кистями рук на тазовых костях), обряда посыпки мела в погребальную камеру, разбивание зеркал и оружия, частичное захоронение баранов и др., очевидно, осуществлялась через посредство сармат. Видимо, они и были основными посредниками связи дагестанского населения с Боспором и другими северокавказскими и отдаленными Причерноморскими и Поволжскими странами. Эта «сарматизация», сильно проявляемая на Северном Дагестане, постепенно угасает по мере продвижения на юг и в горы. Это особенно хорошо видно по материалам Таркинского, Карабудахкентского I и Шаракунского могильников, расположенных в плоскостном Дагестане.

Таблица

Памятники	Узкие грунтовые могилы в %	Вытянутые на спине в %	С кистями рук на тазе в %	Находки фибул в %	Находки зеркал в %	Мел в могилах в %	Погребения	
							частей баранов в %	частей коней в %
Тарки	много	64	37	18		5	18	1/2
Караб. I	12	25	14	2		2	7	4/8
Шаракун	9	5	1	—		3	9	1/1

Таким образом, влияние сарматской культуры на местную материальную культуру не вызывает сомнения. Вслед за Е. И. Крупновым мы также допускаем, что отдельные сарматские элементы могли проникнуть в местную среду. Но из этого вовсе не следует

выводить, что на территории Северного Дагестана возникло албано-сарматское этно-политическое объединение — союз албанских удин и сарматских аорсов. В сарматизации населения Прикаспийского Дагестана важную роль, очевидно, сыграла прежде всего сарматская торговля по международному торговому пути через Дербентский проход.

Таркинский и близкие к нему памятники расположены на исконной территории Кавказской Албании. По Страбону земли гелов и легов, под которыми античные источники подразумевали предков современных народов Дагестана, простираются до реки Мермодаля (Страбон, XI, V, 1), сопоставляемой с современным Терском, за которым помещаются легендарные амазонки⁶⁵. Грузинская хроника прямо указывает территорию легов или легов в пределах Северо-Восточного Кавказа от «моря Дарубандского (Каспийского) до реки Ломеки (Терека)⁶⁶. Соответственно Таркинский могильник и сопредельные памятники Дагестана могут быть связаны с легами.

Таким образом, памятники северной части Прикаспийского Дагестана оставлены предками современного населения края, известными в грузинских и античных источниках под названием легов. В то же время мы не располагаем достоверными источниками для документации передвижения предков современных закавказских удин в район Северного Дагестана. Скифские уды (уйтин, удины), упоминаемые античными источниками в азиатской сарматии, могут быть локализованы в долине реки Кума, а утидорсы, с которыми ранее связывали Таркинский могильник, представляют собой союз двух родственных сарматских племен — удов и аорсов и могут быть локализованы еще севернее. Одновременно памятники Дагестана документируют влияние сарматов на местные племена, в северной части Прикаспийского Дагестана больше, южнее и западнее к горам — меньше.

* * *

¹ Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана: Опыт первого исследования Таркинского могильника 1947 года//МАД. — 1951. — № 23. — С. 224; *Его же*. Археологические работы на Северном Кавказе//КСИИМК. — 1948. — XXVII. — С. 19—20.

² Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.//МИА. — № 23. — С. 271—272; *Его же*. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа//КСИИМК. — 1950. — XXII. — С. 113—125; *Его же*. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана//КСИИМК. — 1951. — XXXVI. — С. 151—156.

³ *Его же*. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у селения Карабудахкент//МАД. — Т. II. — С. 209—210.

⁴ Очерки истории Дагестана. — Махачкала, 1957. — Т. I. — С. 23—24; История Дагестана. — М.: Наука, 1967. — Т. I. — С. 106; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. — Грозный, 1963. — С. 51, 83, 84; *Ко-*

тович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет//Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы ДагФАН СССР. — Махачкала, 1960. — Т. VIII. — С. 352—353; Федоров Г. С., Федоров Я. А. Прикаспийский Дагестан в первые века н. э.//Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы ДагФАН СССР. Сер. ист. наук. — Махачкала, 1969. — Т. 19. — Кн. 2. — С. 174; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе.— М.: Изд. МГУ, 1978. — С. 22—43; Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане//Тезисы докладов на научной сессии Ин-та истории, языка и литературы ДагФАН СССР, посвященной археологии Дагестана. — Махачкала, 1959. — С. 38—39.

⁵ Атаев Д. М. Дагестан и Кавказская Албания//Тезисы докладов на научной сессии Ин-та истории, языка и литературы ДагФАН СССР, посвященной археологии Дагестана. — Махачкала, 1959. — С. 42.

⁶ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1959. — С. 172—175.

⁷ Марковин В. И. О некоторых находках скифо-сарматского времени с территории Северо-Западного Прикаспия//Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1984. — С. 182.

⁸ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. — С. 204—206; *Его же*. Археологические исследования в районе селения Тарки. — С. 263—264.

⁹ Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. — М.: Наука, 1984. — С. 79—80; Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа //КСИИМК. — 1950. — Вып. XXXII. — С. 121.

¹⁰ Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками//Сов. археология.— 1969. — № 2. — С. 69—84; *Ее же*. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени//Сов. археология. — 1979. — № 2. — С. 31—50; *Ее же*. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками //Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1984. — С. 15—20; *Ее же*, Масомедов М. Г. О происхождении культуры Андрейаульского городища//Северный Кавказ в древности и в средние века.— М.: Наука, 1980.— С. 125—137; Мошкова М. Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики//КСИА. — 1980. — Вып. 162. — С. 45—52.

¹¹ Миклашевская Н. Н. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана//МАД. — 1959. — Т. I. — С. 182—194; *Ее же*. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана//КСИА. — 1953. — Вып. XIX. — С. 68—73; *Ее же*. Антропологический состав населения Дагестана в аваро-хазарское время//Вопросы антропологии. — 1960. — Вып. 5; Дебец Г. Ф. Антропологические типы//Народы Кавказа. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 26—32; *Его же*. Антропологические исследования в Дагестане//Антропологический сборник. — I/Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. — М., 1956. — Т. XXXIII.

¹² Гаджиев А. Г. Древнее население Дагестана. — М.: Наука, 1975.— С. 71; *Его же*. В глубь веков. — Махачкала: Дагкиногиздат, 1968. — С. 61.

¹³ Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта//Антропологический сборник/Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. — М., 1963.—Т. 82. — С. 28—64; *Его же*. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа//Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы ДагФАН СССР. Сер. историческая. — Махачкала, 1964.—Т. 13. — С. 155—

167; *Его же*. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. — М.: Наука, 1974. — С. 134—138, 203—204.

¹⁴ Козинцев А. Г. Проблема происхождения антропологических типов Северного Кавказа в свете данных археологии//Антропология и генеография. — М.: Наука, 1974. — С. 198—214.

¹⁵ Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа//Изв. Императорской АН. — 1916. — С. 1380—1400; *Его же*. Непочатый источник Кавказского мира//Изв. АН. — Пгб, 1917.—С. 307—338; *Его же*. Кавказские племенные названия и местные параллели//ТКИПС. — 1922. — Вып. V.—С. 1—39.

¹⁶ Мещанинов И. И. Географические названия верховьев Аракса по халдским надписям//Изв. РАИМК.—Л., 1925. — Т. IV. — С. 61—62.

¹⁷ Яновский А. О древней Кавказской Албании//Журн. Мин-ва просвещения. — 1846. — Ч. 52. — С. 97—203; Лалаян Е. А. Раскопки в сел. Нидж и Варташен Нухинского уезда: весной 1915 г.//Изв. Кавказского отд. Московского археологического общ-ва. — Тифлис, 1919. — Вып. 5.—С. 47; Мещанинов И. И. Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка.—Л.: Наука, 1978. — С. 377—381, 384—387; Еремян С. Т. Вопросы истории, исторической географии и этнографии Восточного Закавказья//История СССР (на правах рукописи). — М.; Л., 1939. — С. 208; Капанцян Г. Историко-лингвистическое значение топонимии древней Албании. — Ереван, 1940. — С. 19, 20, 69; Ямпольский З. И. К вопросу об одноименности древнейшего населения Атропатены и Албании//Тр. Ин-та истории и философии. — 1954. — Т. IV. — С. 100—108; Дьяконов И. М. История Мидии (От древнейших времен до конца IV века до н. э.). — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956. — С. 65, 93, 103; прим. 5; Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). — М.: Изд. восточной литературы, 1959. — С. 70; Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 275, 433; Алиев Н. История Мидии. Баку: Изд. АН АзССР, 1960. — С. 65, прим. 5; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании.— С. 46—47, 66, 174—176; Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). — Баку: изд. «Элм», 1974. — С. 129—133; Marqurt I. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Leipzig, 1901, II, s. 172.

¹⁸ Народы Кавказа. — М.: Изд. АН СССР, 1962. — Т. 2. — С. 195—198; Трофимова А. Г. Удны//Советская историческая энциклопедия. — М.: Сов. энциклопедия, 1973.—Т. 14.—С. 658.

¹⁹ De Guignes. Mémoires dans lesquels, on entreprend de fixer la situation de quelques de peuples scythes dont il est parlé dans Hérodote et de rechercher si du temps de cet historien on connaissait la chine// Mémoires de Litterature.—1770.—XXXV.—P. 549, suiv.

²⁰ Mannert K. Geographic der Griechen und Römer.—Nürnberg, 1795.—IV.—S. 138; Zeus K. Die Deutschen und ihre Nachbarstämme.—München, 1837.—S. 703.

²¹ Casson S. Herodotus and the Caspian//Annual of the British school Athens.—London, 1918—1919.—XXIII.—P. 175 f; Hudson F. The Land of Budini //Classical review.—Oxford, 1924,—p. 158 f.

²² Эльницкий Л. А. Скифские легенды как культурно-исторический материал//Сов. археология. — СА.—1970.—№ 2.—С. 70, 71; *Его же*. Скифия Евразийских степей.—Новосибирск: Наука, 1977.—С. 129 и сл., 134.

²³ *Его же*. Скифские легенды...—С. 72.

- 24 Яновский А. О древней Кавказской Албании.— С. 109; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа.— М.: Наука, 1973.— С. 132.
- 25 Дорн Б. Каспий: О походах древних русских в Табаристан. /Изд. в приложении к Зап. Академии наук. Птб., 1875.— Т. 26.— С. 334, прим. 3; Абасов В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958.— Т. 1.— С. 366—367; Цагаева А. Иранские арханзмы в топонимике Северной Осетии//Иранское языкознание. История, этимология, типология.— М.: Наука, 1976.— С. 172; Членова Н. Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье//Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья.— М.: Наука, 1984.— С. 259—270; Карамшиев Д., Гуриев Т. А. Осетинский «дон» и намирское «арДан» «арДон»//Проблемы осетинского языкознания.— Орджоникидзе, 1984.— Вып. I.— С. 3—6.
- 26 Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана.— С. 222—224; Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе селения Тарки.— С. 257—271.
- 27 Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— С. 51.
- 28 Виноградов В. Б., Марковин В. И. Могильник «Яман-су» на границе Чечни и Дагестана//Археолого-этнографический сборник.— Грозный, 1968.— Т. II.— С. 153—205; Их же. Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (Юго-Восточная Чечня)//АЭС.— Т. III.— С. 37—67.
- 29 Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа//КСИИМК.— 1950.— Вып. 32.— С. 121; Ковалевская В. Б. Кавказ и Аланы.— С. 79—80.
- 30 Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени//Сов. археология.— 1979.— № 2.— С. 31—50; Мошкова М. Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики//КСИА.— 1980.— Вып. 162.— С. 45—52.
- 31 Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре: Альбом кувшинных погребений.— Баку: Изд. АН АзССР, 1960.— С. 22, табл. XIV, 7, 8; Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана.— С. 219—221, рис. 11, 8; Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки.— С. 235—237; рис. 19, 5; 20, 4, 5, 6, 12; 21, 3; Гмыря Л. Б. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия)//Средневековые древности Евразийских степей.— М.: Наука, 1980.— С. 123, рис. 10, 1; Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.— С. 153, 156, 158; рис. XI, 27, 28.
- 32 Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени.— С. 42.
- 33 Тушишвили Н. Н., Амиранашвили Дж. Ш. Археологические раскопки в зоне строительства Алгетского водохранилища//Археологические исследования на повостройках Грузинской ССР.— Тбилиси: Мецниереба, 1982.— С. 68, табл. XXVIII, 42.
- 34 Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант//САИ.— 1982.— В2—5.— С. 77, табл. LI, 3, 4.
- 35 Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени.— С. 42.
- 36 Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки.— С. 233, 265; рис. 20, 2.

- 37 Его же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени.— Рис. 32, № 416.
- 38 Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа.— Табл. XI, 21.
- 39 Анфимов Н. В. Меотско-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской //МИА.— 1951.— № 23.— С. 166; рис. 4, 6; с. 172; рис. 5, 10; с. 174, рис. 8, 10.
- 40 Исмизаде О. Ш. Ялойлутепинская культура.— Баку: Изд. АН АзССР, 1956.— С. 50, 51; табл. II, 3—6; XXV, 4—6; XXX, 1—12; Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре.— С. 23, табл. XXIII, 2, 6.
- 41 Петренко В. А. Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на среднем Тереке//Сов. археология.— 1980.— № 1.— С. 281; рис. 4, 9, 10, 11, 13, 14.
- 42 Скалон К. М. Изображения животных на керамике сарматского времени//Тр. Отд. истории первобытной культуры ГЭ.— Л., 1941.— Т. I.— С. 173 и сл.; Кастанаян Е. Г. Сарматские сосуды из Тиритаки//Сов. археология.— 1951.— XV; Его же. Художественные элементы в лепной керамике Боспора //Античные города Северного Причерноморья.— М.; Л., 1955.— С. 392 и сл.; Виноградов В. Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике//Археологический сборник/Московский госуниверситет.— М., 1961.— С. 32—46; Его же. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— С. 87—89; Литвинский Б. А. Канжуйско-сарматский фарн.— Душанбе, 1968; Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками//Сов. археология.— 1969.— № 2.— С. 69—84; Ее же. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками//Древности Евразии в скифо-сарматское время.— М.: Наука, 1984.— С. 15—20; Петренко В. А. Ручки сосудов в виде животных на Ханкальском 2-м городище//Археология и вопросы атеизма.— Грозный, 1977.— С. 33—37; Берзин Я. Б. Зооморфная керамика как показатель этнических процессов на Северном Кавказе в сарматское время//Там же.— С. 34—38.
- 43 Абрамова М. П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками.— С. 17.
- 44 Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана.— С. 214, 215; рис. II, 1.
- 45 Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у станицы Мекенской//Древности Чечено-Ингушетии.— М.: Изд. АН СССР, 1963.— С. 22; рис. 8, 2; Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— С. 44; рис. 12.
- 46 Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана: по раскопкам 1954—1955 гг.//МИА.— 1960.— № 60.— С. 37; рис. 13, 3; Шилов В. П. Калининский курганный могильник//Там же.— С. 394, 480; рис. 53, 15, прим. 331—334; Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э.//Сов. археология.— 1959.— № 1.— С. 59, рис. 1, 11.
- 47 Анфимов Н. В. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могилах Прикубанья//КСИИМК.— 1947.— Вып. XVI.— С. 153—154, рис. 56; Его же. Меотские поселения Восточного Приазовья//КСИИМК.— Вып. XXXIV.— С. 91, рис. 25, 2.
- 48 Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э.— С. 59, прим. 37.
- 49 Корпусова В. Н. Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я//Археологія.— Київ, 1971.— № 3.— С. 75—82.
- 50 Там же.— С. 82.

⁵¹ *Крупнов Е. И.* Новый памятник древних культур Дагестана. — С. 220, 223; рис. II, 2, 3.

⁵² *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе селения Тарки. — С. 266, 269; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. — С. 90—91; *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа... — С. 36; рис. 2.

⁵³ *Кузнецов В. А.* [Рецензия]//Сов. археология. — 1964. — № 4. — С. 235.— Рец. на кн.: *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

⁵⁴ *Петренко В. А.* Сарматские двуручные «канфаровидные» сосуды Северного Кавказа//IV Крупновские чтения: тезисы докладов. — Орджоникидзе, 1974. — С. 41—42.

⁵⁵ *Крупнов Е. И.* Новый памятник древних культур Дагестана. — С. 219, рис. II, 2, 3; *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе селения Тарки. — С. 268; рис. 20, 9; 22, 4.

⁵⁶ *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа... — С. 36; рис. 2, 8, 11—13, 17; *Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантемурова Т. М., Магомедов И. Д.* Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии//АЭС. — 1969. — Т. III. — С. 80—94; *Петренко В. А.* Сарматские двуручные «канфаровидные» сосуды. — С. 41; *Его же.* Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на среднем Тереке. — Рис. 2, 1—3; 3, 1—15, 11—3.

⁵⁷ *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа... — С. 32.

⁵⁸ Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1984. — С. 241.

⁵⁹ *Маркович В. И.* Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан) //КСИА. — 1970. — Вып. 124. — С. 95—98; рис. 38, 1; *Его же.* О некоторых находках скифо-сарматского времени с территории Северо-Западного Прикаспия//Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1984. — С. 181—183; рис. 2.

⁶⁰ *Голенко К. В., Шелов Д. Б.* Монеты из раскопки Пантикапея 1945—1961 гг.//Нумизматика и сфрагистика. — Киев: Изд. АН УССР, 1963. — 1. — С. 3—65; *Зограф А. Н.* Античные монеты//МИА. — 1951. — № 16. — Табл. XVI, 2.— С. 191—193, 195—197, 199, 206.

⁶¹ *Гайдукевич В. Ф.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времен Спартокидов//КСИИМК. — 1947. — XVII. — С. 26, № 4; *Цветаева Г. А.* Кирпичи с тамгой из Горгииппии//КСИА. — 1975. — Вып. 143.— С. 99—101.

⁶² Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. — С. 91; табл. 1, 9—13.

⁶³ *Голенко К. В., Шелов Д. Б.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. — С. 13—14.

⁶⁴ *Сапрыкин С. Ю.* Аспургинане//Сов. археология. — 1985.—№ 4.—С. 65—78; *Десятчиков Ю. М.* Сатархи//Сов. археология. — 1973. — № 1. — С. 137—142, прим. 44.

⁵ *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского га. — Орджоникидзе: Ир, 1980. — С. 59—60.

⁵ *Мровели Л.* Жизнь картлийских царей: Извлечения сведений об абхазах, гах Северного Кавказа и Дагестана/Перевод, предисловие и комментарии Цулая. — М.: Наука, 1979. — С. 22, 46; прим. 27; *Джанашвили М.* Изя грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России ЭМП. — Тифлис, 1897. — Вып. 22. — С. 8—9.

**О СИНКРЕТИЗМЕ ПАРФЯНО-САСАНИДСКИХ,
ГРЕКО-РИМСКИХ И МЕСТНЫХ ТРАДИЦИЙ
В ФОРТИФИКАЦИОННОЙ АРХИТЕКТУРЕ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА**

В историческую литературу Дербент вошел как крупнейший памятник сасанидского фортификационного строительства на территории нашей страны и всем средневековом Востоке.

Его военно-политическая роль в истории народов Кавказа, Юго-Восточной Европы, Передней Азии хорошо известна и в значительной мере освещена в трудах отечественных и зарубежных специалистов¹. Особое место Дербента в защите закавказского мира от набегов кочевников и слабая изученность многих узловых аспектов развития города способствовали тому, что он рассматривался лишь как мощная сасанидская крепость, возведенная в VI в. н. э. на северной границе крупнейших государств Ближнего и Среднего Востока.

Предполагалось, что Дербент, являясь продуктом целенаправленной строительной деятельности Сасанидов, в раннесредневековый период был только военным оплотом Ирана на Кавказе, в архитектурно-планировочном решении которого с наибольшей полнотой нашли отражение принципы и каноны государственного фортификационного строительства.

Однако широкомасштабные археологические исследования, проводимые в Дербенте в последние годы, позволили открыть совершенно новые этапы истории города, который в раннесредневековый период выступал не только как мощный опорный пункт в борьбе с кочевниками, но и как значительный экономический и идеологический центр региона, где ближневосточные и средиземноморские культурные влияния тесно переплетались с местными и закавказскими, что нашло весьма яркое отражение в его архитектуре и строительных традициях.

Уникальная сохранность основной части Дербентского оборонительного комплекса, включающего в себя две городские стены (северную и южную), цитадель и Горную стену², и широкое археологическое изучение каждой из этих составных частей позволили проследить истоки подобных влияний и выявить те культурно-исторические традиции, которые легли в основу фортификационного и городского строительства Дербента.

Средневековая историческая и географическая литература единодушно связывает возведение раннесредневековых укреплений Дербента со строительной деятельностью сасанидских правителей Ирана, главным образом с Хосровом I Ануширваном (531—579), что подтверждается и пехлевийскими (среднеперсидскими) надписями на его стенах³.

Однако, как показали исследования, в Дербенте было два крупных этапа сасанидского строительства: сырцовое и каменное.

О хронологических рамках каждого из этих этапов у исследователей нет одного мнения. Сырцовую фортификацию одни относят ко времени правления Ездигерда II (439—457)⁴, другие — Кавда I (488—531)⁵ или даже Хосрова Ануширвана, а каменную — только ко времени правления Хосрова Ануширвана, причем ко второй его половине⁶.

Раскопки, проводимые в Дербенте под руководством автора, позволили установить хронологические рамки этапов сасанидского строительства и датировать сырцовую фортификацию города (северная стена и цитадель) второй четвертью V в. н. э., а каменную — началом VI — серединой VII вв.⁷

Исследование сырцовой фортификации Дербента⁸ показало, что она включала в себя мощную городскую стену, перекрывавшую проход от моря до вершины холма, а также стены цитадели, возведенные из сырцового кирпича целиком или частично (восточная и южная стены)⁹.

Сырцовая городская стена полностью совпадала по своей планировке с северной каменной стеной города, которая в VI в. была пристроена к наружной грани первой. Она целиком возведена из квадратного сырцового кирпича размером $40-44 \times 40-44 \times 12-13$ см¹⁰, реже более крупного $50 \times 50 \times 13$ см¹¹. Основанием стены служила очень плотная глинобитная платформа высотой около 0,4 м. Стена имела наружный каменный цоколь высотой до 2,4 м и шириной 0,75 м, уложенный на известковом растворе¹². Ширина стены достигает 8 м, при сохранившейся высоте (сохранилось 41—44 вертикальных ряда кирпичей кладки) около 6 м¹³ (согласно законам фортификации она, видимо, равнялась 8—16 м). Обе грани стены почти вертикальны и имеют весьма незначительные уклоны. Интерес представляет горизонтальная прослойка из бутового камня, шириной до 1 м, уложенного в один ряд (h—25 см) в наружной части стены на отметке 3,2—3,3 м¹⁴.

Высказанную точку зрения о наличии сырцовых укреплений в цитадели подтверждает обнаруженная здесь в восточной и южной частях ее (рядом с каменной стеной) мощная сырцовая фортификация из квадратного кирпича размером $39-44 \times 39-44 \times 9-13$ см¹⁵. Наряду с подобными встречаются кирпичи и меньших размеров — $37 \times 37 \times 9-10$ см¹⁶. Стена имела толщину 4,5—6 м и сохранилась на высоту около 1—1,5 м¹⁷. Сырцовая стена цитадели также располагалась у внутренней грани каменной стены, что позволяет считать ее более ранней, чем последняя, заглуб-

ленная в древний культурный слой с помощью траншей на 1,5—2,5 м¹⁸.

В свете проведенных исследований становится очевидным, что первая сасанидская фортификация Дербента была глиняной и мало чем отличалась в конструктивном отношении от парфяно-сасанидских укреплений Передней и Средней Азии. Несколько необычным для подобной архитектуры явлением предстают здесь наружные каменные цоколи и горизонтальные прослойки из бута в теле стены.

Каменные цоколи и каменные прослойки в теле сырцовой стены не были характерны для парфяно-сасанидских строительных традиций. Обычно в фортификационных сооружениях коренных областей Парфии и самого Ирана мощные платформа и цоколь возводились из сырцового кирпича или пахсы¹⁹. Однако сочетание каменных цоколей, скрепленных гипсовым или известковым раствором, со стенами из сырцового кирпича было довольно широко распространено в фортификации эллинистических городов, построенных Селевкидами в Месопотамии.

Так, подобный принцип, когда каменный цоколь стен (высотой 1,25—1,40 м) и башен (высотой 2,05—2,23 м) сочетался с сырцовой кладкой из верхних частей, был выявлен в фортификационных сооружениях Дура-Европоса²⁰, построенного в новых для этих областей греческих традициях, принесенных завоеваниями Александра Македонского.

Любопытно отметить, что позднее, в парфянский период, сырцовые части фортификации Дура-Европоса были, подобно стенам Дербента, заменены на каменные²¹.

Плохая сохранность основной части сырцовой стены Дербента не дает возможности установить, сколь сильно она была укреплена башнями. Но то обстоятельство, что на сохранившемся участке сырцовой стены башни каменной и сырцовой фортификации совпадают, позволяет предполагать их совпадение на всем протяжении.

Исходя из планировки башен каменной стены Дербента, можно предположить, что сырцовая стена, подобно первой, имела в системе обороны прямоугольные и округлые башни. Последние обладали некоторым преимуществом при использовании нападающими стенобитных орудий и фланговых обстрелах башенного пространства со стен.

Частота расположения башен и их вынос соответствует принципам парфяно-сасанидского фортификационного искусства и они в линии дербентских укреплений играли аналогичную роль — служили дополнительными очагами обороны и защищали куртины, позволяя простреливать их во фланг на все расстояние между башнями.

Историческая обстановка на Кавказе в конце V — начале VI в. потребовала от правителей сасанидского Ирана новых военно-политических мер, способствовавших укреплению северной границы

государства. Активизация степняков в Северном Прикаспии и возникновение здесь мощных объединений кочевников, угрожавших безопасности закавказских и западноиранских провинций Сасанидской державы, вынудили персидских царей развернуть широкомащтабные строительные работы в Дербенте. В течение нескольких десятилетий здесь велось грандиозное фортификационное строительство оборонительного комплекса из камня, призванного не только на новом уровне перекрыть Дербентский проход, но и защитить все обходные пути в горах по местным внутриагестанским коммуникациям.

Второй этап сасанидского строительства в Дербенте ознаменовался полной заменой сырцовой фортификации на каменную, две составные части которой — цитадель и городские стены (северная и южная) — наряду с первоначальным своим назначением по охране прохода стали играть роль главных поясов обороны ранне-средневекового города.

Дербентский оборонительный комплекс протяженностью более 40 км является одним из замечательных образцов мирового фортификационного искусства.

Уступая по протяженности ряду крупнейших памятников мировой фортификации, Дербент, защищавший главные ворота в Закавказье и на Ближний Восток, превосходил их продуманностью планировки, четкостью конструктивных решений, высоким уровнем строительной техники, максимальной приспособленностью к рельефу. Ни тяжеловесная монолитность Великой Китайской стены, ни строгая рациональность римского лимеса, ни простота русских засечных валов не могут сравниться с эффективностью и стратегической продуманностью оборонительных сооружений Дербента, монументальной красотой их конструкций.

Городские каменные стены ранне-средневекового Дербента, протянувшиеся через всю узкую приморскую равнину от цитадели до моря, отличаются четкими геометрическими контурами, отступление от которых допущено лишь на верхнем участке северной стены²². Расстояние между северной и южной стенами города в районе цитадели не превышает 300 м, а в прибрежной полосе около 400 м, протяженность их 3650 м и 3500 м соответственно²³. Согласно многочисленным сообщениям арабоязычных авторов IX—XIII вв. стены продолжались в море на значительное расстояние, которое источники оценивали весьма противоречиво: от 400—450 м до 2—6 км²⁴.

Подводные археологические исследования, проводимые Дербентской экспедицией в 1983—86 гг., позволяют говорить о протяженности «морских стен» города в пределах 250—450 м²⁵.

Верхняя часть северной городской стены на участке от цитадели до ворот Кырхляр-капы (протяженностью около 700 м) построена с учетом рельефа местности и следует в основном по краю ущелья, огибающего дербентский холм с севера, а в равнинной приморской полосе ее контуры приобретают строгую геометрическую прямолинейность.

Южная стена Дербента, возведенная несколько позднее цитадели и северной городской стены²⁶, имеет прямолинейное очертание на всем протяжении от цитадели до моря.

Планировка раннесредневековых стен города была определена их военно-стратегическим назначением, призванным надежно укреплять проход, перекрыв его сплошь в самом узком месте. Северная стена играла основную роль в обороне города, поэтому она более толстая (от 2,8 м до 4 м), построена на прочном, заглубленном фундаменте и укреплена мощными полукруглыми, прямоугольными и трапецевидными полыми башнями, общее количество которых достигает 43.

В отличие от оборонительной архитектуры Римской империи и производной от нее средневековой фортификации Западной Европы, башни дербентских укреплений не играли самостоятельной роли в обороне стены.

Наиболее укрепленными башнями являлся прямолинейный участок северной стены от ворот Кырхляр-капы до моря, на который ложилась основная тяжесть обороны прохода, что объяснялось его особой ролью в системе дербентской фортификации и отсутствием здесь естественных преград. В этой части стены, перекрывающей равнинную полосу Дербентского прохода, имеется 20 полукруглых башен, диаметр которых равен 6,5 м, 12,5 м, 15,5 м, при выносе их 6,5—7,5 м, 4 прямоугольных башни размерами 12×5,5 м, 20×12 м, 13×7,5 м, 8,4×4,7 м, (эта башня глухая), три трапецевидных башни, расширяющихся к стене, размерами 30×14×10 м, 18×15×11 м, 24×17×10 м (последняя цифра для обоих типов башен является показателем их выноса). Этот очень важный участок обороны северной стены завершала огромная круглая башня, фактически бастион, диаметром 24 м, которая с одной стороны фланкировала главные ворота раннесредневекового города (Кырхляр-капы), а с другой — уязвимый участок стены, поворачивающей здесь под прямым углом к югу и следующей дальше уже согласуясь с рельефом местности (здесь начинается ущелье, огибающее холм с севера).

Эта круглая башня-бастион, на 3/4 диаметра выступающая за грань стены и возвышающаяся над ней на 6—7 м, служила мощным оплотом обороны у единственных северных ворот раннесредневекового Дербента, позволяя обстреливать штурмующих во фланг с правой, не защищенной щитом стороны.

Участок стены от круглого бастиона до цитадели, оборона которого строилась с учетом особенностей рельефа, имеет значительные изгибы контура, что создавало хорошие условия для флангового обстрела. Это позволило строителям сократить здесь число крупных башен с большим выносом.

Из 16 башен, расположенных на этом участке стены, только три имеют внутрстенное пространство, а остальные глухие. Все они прямоугольные в плане и расположены в наиболее важных местах данного участка, где рельеф не благоприятствовал фланговым обстрелам и появлялись мертвые зоны. Башни с внутренним про-

странством имеют размеры 13,2×3—5 м, 11,3×4,7—5,3 м, 11×4,7 м, глухие башни значительно меньших размеров: 4,5×0,75—1,7 м, 4,9×0,75—1,4 м, 4,5×0,8—1 м, 5,5×0,9 м, 7,2×1,6 м, 10,2×3,1 м, 6,6×1 м, 5,5×0,7 м, 4,8×0,6 м, 7,1×3,4 м, 6×0,5—1,2 м (двойная цифра размера башен показывает их вынос с восточной и западной стороны, разный по отношению к грани стены).

Расстояние между башнями на основном участке стены с правильным геометрическим контуром около 70 м, что позволяло простреливать из лука все пространство между башен, обеспечивая эффективную защиту куртин. В четырех случаях длина куртин была сокращена вдвое, т. е. до 35 м. Причины подобного изменения в расположении башен пока не совсем ясны, но, вероятно, они диктовались тактическими замыслами обороны, в системе которой возникла необходимость усилить возможность обстрела пространства именно этих куртин.

Расстояние между башнями верхнего участка северной стены не имеет столь четких параметров и расположение башен в основном диктовалось не геометрической правильностью планировки, а степенью приспособленности к обороне рельефа. Башни защищают здесь наиболее доступные прямолинейные участки стены или места ее перегибов. В одном случае на участке, перпендикулярно отходящем к югу от круглого бастиона, его защита обеспечивалась за счет небольшого башнеобразного изгиба самой стены. Верхняя часть стен и башен завершалась ступенчатыми зубцами высотой около 1 м²⁷.

Башни имеют одинаковую высоту с куртинами стены и толщина их не превышает последние, что, с учетом открытого характера башен, не позволяет считать их особыми, самостоятельными очагами сопротивления. Исключение составляет лишь большая круглая башня-бастион диаметром 24 м, фланкирующая излом стены у ворот Кырхляр-капы.

Башни в южной стене, игравшей второстепенную роль в обороне города, все прямоугольной формы и расположены на более отдаленном расстоянии, около 180 м друг от друга. Они не играли столь активной роли в обороне стены, как северные, так как вся куртина целиком могла простреливаться прицельно практически только с двух башен. Однако наиболее уязвимые участки обороны южной стены — ее главные ворота — Баят-капы и Орта-капы — были фланкированы полукруглыми (Баят-капы) и квадратными (Орта-капы) башнями, усиливавшими всю линию защиты стены²⁸.

Согласно данным письменных источников, на северной стене имелась какая-то подвижная башня с железной дверью, дополнительно укреплявшая оборону последней²⁹.

Сасанидское фортификационное искусство в значительной степени складывалось под влиянием парфянского и римского и стены Дербента напоминают с одной стороны оборонные линии парфянских государственных крепостей, а с другой стены Рима, по-

строенные при Аврелиане (270—275 гг.), хотя и имеют ряд существенных отличий от последних³⁰.

Монументальные стены Дербента толщиной до 4 м и высотой 12—15 м превосходили по своей мощи аналогичные стены эллинистических и парфянских городов древнего Востока и были призваны, подобно плотине, сдерживать мощный натиск кочевых племен Евразии.

Значительное увеличение толщины стен в сасанидское время, отмеченное не только в оборонительных сооружениях Кавказа, но и в Передней и Средней Азии³¹, было связано с применением усовершенствованных стенобитных орудий, получивших широкое распространение в раннесредневековый период³². Для усиления противотаранной способности стен и уменьшения мертвого околостенного пространства парфянские и сасанидские оборонительные сооружения возводились с некоторым наружным уклоном³³ или с основанием ступенчатой конструкции, что получило распространение и в фортификации Дербента (citadella, северная городская стена).

Изменение конструкции оборонительных стен в раннесредневековый период значительно повысило роль башен в системе обороны³⁴, но все круглые и квадратные башни Дербента V—VIII вв., за исключением угловой башни-citadella, открытого типа, т. е. приспособлены только для внешней обороны.

Круглоплановые башни менее уязвимы для стенобитных машин и их появление в системе раннесредневековых укреплений связывается с процессами конструктивно-планировочного развития парфянской фортификации³⁵, оказавшей большое влияние на формирование строительных традиций сасанидского Ирана и Византии³⁶. В раннесредневековый период круглоплановые башни широко распространились в фортификационной архитектуре Переднего Востока и Кавказа³⁷, найдя значительное применение в сасанидских укреплениях Дербента.

Пока нельзя твердо сказать, имелись ли в оборонительной системе раннесредневекового города выносные башни, получившие широкое распространение в архитектуре Средней Азии³⁸. Факт их существования в послемонгольское время³⁹ позволяет считать вполне вероятным наличие подобных башен в системе дербентских укреплений и для периода VI—VII вв.

Строительная техника Дербента претерпела ряд изменений в процессе развития раннесредневекового города. Первоначально иранцы, подчинившие себе район прохода в конце IV — начале V в., пытались применять традиционную для них сырцовую архитектуру. Сырцовые постройки города, как и повсеместно на древнем и средневековом Востоке, возводились на прочных глинобитных платформах, а сплошная кирпичная кладка порой чередовалась с глинобитом или имела наружную цокольную обкладку. Однако наличие огромных запасов местного камня-ракушечника и высокий уровень местного строительства из камня, обеспечиваю-

щий дешевую рабочую силу, способствовали замене в сасанидский же период традиционного сырца на каменные конструкции.

Конструктивные особенности раннесредневековых сооружений Дербента свидетельствуют о высоком уровне строительной техники в этот период. В строительстве широко стали применяться тесаный камень и известковый раствор, последний до этого на памятниках Дербента и всего Дагестана не был известен. Применение известкового раствора стало крупным шагом вперед в строительном деле города, где раньше была известна лишь «сухая» кладка и кладка на глиняном растворе. Средневековые авторы приписывали секрет прочности дербентских сооружений и железным скобам, и раствору из расплавленного свинца, и скальной монументальности всей конструкции. Однако прочность дербентской кладки объясняется двумя факторами: эффективной конструкцией стен и высоким качеством известкового раствора. Стены выкладывались из двух рядов облицовочных блоков, поставленных на ребро, у которых были тщательно отесаны все стороны, кроме внутренней, обеспечивающей сцепление с забутовкой.

В позднесасанидский период в кладках стен появились блоки, уложенные не только на ребро, но и плашмя. Они расположены в виде отдельных горизонтальных прослоек, перекрывавших несколько рядов облицовочной кладки на ребро. С помощью подобных горизонтальных блоков выравнивали, вероятно, поверхности рядов облицовки и создавали дополнительные пояса горизонтального армирования, укреплявшие всю конструкцию.

Техника раннесредневековой кладки со строгим чередованием ложковых и тычковых облицовочных блоков, характерная для Дербента VI — начала VIII в., отмечена не только в фортификационном строительстве, но в культовых и гражданских сооружениях города. Подобным образом были выложены стены базиличного храма, перестроенного арабами в Джума-мечеть и сохранившего раннесредневековую кладку из стандартных крупных блоков в нижней, древнейшей части до настоящего времени⁴⁰. В этой же технике были выложены северная стена крестообразного сооружения citadella, отождествляемого мной с крестово-купольным раннесредневековым храмом⁴¹, и остатки стен дворца сасанидского правителя города. Представляется вероятным, что данная кладка применялась лишь в монументальных сооружениях раннесредневекового Дербента, с массивными стенами и не была характерна для рядовых гражданских зданий города.

В архитектуре города сасанидской поры применялся и жженный кирпич размером 40—42×40—42×9—11 см, не получивший однако большого распространения.

Раннесредневековые стены Дербента с облицовкой из крупных блоков, уложенных без раствора, по своему внешнему виду весьма напоминают древние кладки сооружений Переднего Востока и Средиземноморья, а по технике находят весьма близкие параллели в архитектуре памятников позднеантичной Греции и Римской империи, особенно восточных ее провинций, где тесаный камень в

облицовке стен применялся значительно шире, чем в западных⁴².

В правление Хосрова Ануширвана каменное строительство получает довольно широкий размах в Сасанидском государстве. В архитектуре самого Ирана и многих его провинций при строительстве сооружений применялась техника облицовочной кладки из блоков. Однако надо отметить, что весьма близкая ей по своему конструктивному решению кладка, именуемая панцирной, была широко известна в фортификации Кавказа как в древний, так и в раннесредневековый периоды.

Таким образом, в конструктивном отношении стены не были исключительным явлением в фортификационном строительстве Кавказа и соседних регионов, а наоборот, отражали общий прогресс, достигнутый в приемах возведения оборонительных сооружений. Техника облицовочной, или панцирной кладки получила особенно широкое распространение в позднеантичном и раннесредневековом фортификационном строительстве Кавказа⁴³, Переднего и Среднего Востока⁴⁴, Северного Причерноморья⁴⁵ и в этом плане оборонительные сооружения Дербента представляют собой одну из наиболее высоких ступеней развития подобного фортификационного искусства, один из наиболее ярких образцов каменного строительства с применением конструкций облицовочных блоков.

Анализ конструктивных особенностей кладки дербентских оборонительных сооружений показал, что подобная техника возведения стен раннесредневекового города опирается на римско-византийские строительные традиции, нашедшие определенное распространение в фортификационной архитектуре сасанидского Ирана. Но наиболее близки параллели каменная кладка Дербента сасанидской поры находят себе в памятниках Северного Причерноморья IV—VI вв. н. э.⁴⁶

В этом плане особенно показательны укрепления раннесредневекового Херсонеса, перестроенные при императоре Зеноне в 488 году еще в античных традициях⁴⁷, которые полностью аналогичны по характеру и конструктивным особенностям кладки стенам оборонительного комплекса Дербента.

Столь близкое их сходство вряд ли можно объяснить только культурными влияниями и заимствованиями. Представляется вероятным прямое участие византийских мастеров в возведении оборонительных стен раннесредневекового Дербента, что нашло определенное отражение в ряде нарративных источников⁴⁸ и в палеографии отдельных пехлевийских надписей города⁴⁹.

Однако изучение принципов планировки фортификационных сооружений раннесредневекового Дербента, его городской структуры и построения стратегических линий обороны позволяют проследить в них и совершенно иные традиции.

Структура и планировка византийского города во многом опиралась на градостроительные традиции Римской империи, где в пограничных областях (подобно Дербентскому проходу) сложился широкоизвестный тип города-лагеря. Его генезис был связан с палаточным римским лагерем, обнесенным валом и рвом, где

валы были заменены крепостными стенами, а палатки—домами⁵⁰.

Подобные города, возникшие на основе военного лагеря, отличались строгой геометричностью прямоугольного контура и внутренней планировки, с четко выраженными двумя главными осями—cardo и decumanus — развитым общественным центром и появившимся позднее пригородом — канаба⁵¹.

Не соответствовал Дербент по своей структуре и схеме построения обороны и античному греческому полису, в котором акрополь, служивший ранее убежищем, выступал общественным центром города⁵².

Сопоставление Дербента сасанидской поры с античными и раннесредневековыми городами Северного Причерноморья показало, что выявленное здесь сходство строительных традиций касается лишь конструктивных особенностей и характера кладки стен фортификационных сооружений и монументальных зданий, а структура и схема обороны их опиралась на совершенно разные принципы градостроительства.

Дербентский оборонительный комплекс состоял из трех основных частей: цитадели, собственно города с мощными параллельными стенами и Горной стены (Даг-Бары).

Все три составные части Дербентской оборонительной системы являлись продуктом целенаправленного фортификационного строительства сасанидского Ирана на северной границе государства, но в процессе развития их функции постепенно менялись, приобретая не только военно-политический, но и социально-экономический характер, что отразилось на системе обороны города.

Раннесредневековый Дербент возник как мощная государственная крепость, что нашло отражение в его планировке и структуре. Первоначально его фортификационная система включала в себя лишь цитадель и северную стену, перекрывавшую проход⁵³. Однако в дальнейшем, в процессе социально-экономического развития, он превратился в крупный торгово-ремесленный центр и раннесредневековый город, состоявший, подобно большинству домусульманских городов Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, из двух частей: цитадели (кухендиза) и собственно города (шахристана)⁵⁴.

В это время в оборонительной системе Дербента появились усиленные башнями южная и первая поперечная стены, которые были призваны защищать шахристан и оформили его территориальное выделение в городской структуре⁵⁵. Факт более позднего появления южной стены Дербента (хотя в тот же сасанидский период) был четко зафиксирован при раскопках у мест стыка стены цитадели и южной городской стены, которые, как оказалось, в отличие от северной стены города, не имеют между собой перевязки⁵⁶.

Шахристан Дербента, площадью около 26—27 га, с севера и юга был ограничен хорошо укрепленными (особенно с севера) городскими стенами, с запада — мощной цитаделью, а с востока — поперечной стеной, которая отделяла его от огромной, простираю-

щейся до моря, незастроенной межстенной территории, площадью более 120 га⁵⁷.

В двухчастной городской структуре Дербента, в военно-стратегической и социально-экономической характеристике этих частей нашли отражение те основные принципы и строительные традиции, которые были присущи парфяно-сасанидскому градостроению и наиболее широкое распространение в античный и раннесредневековый периоды получили на территории Ближнего и Среднего Востока, Закавказья, Восточного Кавказа.

Касаясь вопросов построения самой схемы городских укреплений, также следует отметить влияние парфянской фортификации, в которой оборона состояла из нескольких линий, связанных с конкретными частями городской структуры.

Города занимали важнейшее место в системе обороны коренных районов Парфии и в них строго выдерживался единый принцип трехчастного деления (кухендиз, шахристан, полусельская округа), где каждому элементу городской структуры отвечал свой пояс обороны⁵⁸. В ряде случаев полусельская округа не имела укреплений⁵⁹, т. е. в системе обороны города отсутствовал один из поясов.

В фортификационной системе раннесредневекового Дербента налицо все три пояса обороны, хотя у него отсутствовала укрепленная полусельская округа, довольно типичная для парфянского города. Здесь подобную роль играло огромное межстенное пространство Дербента, составляющее 5/6 всей укрепленной территории города. Причем поперечная стена, отделяющая шахристан Дербента от незастроенного межстенного пространства, была устроена таким образом, что исключала единственные ворота северной (наиболее опасной) стены из территории первого, т. е. они вели в огражденную, но незастроенную часть города, тогда как двое ворот в южной стене были связаны с шахристаном⁶⁰. Подобный прием позволял защитникам Дербента иметь три пояса обороны, первым из которых были стены обширной незастроенной части городской территории, игравшей ту же роль, что и стены полусельской округи, вторым — прекрасно укрепленный шахристан, третьим — неприступная цитадель — кухендиз, расположенная на высоком, крутом холме.

Последняя не только служила заключительным поясом обороны, резиденцией правителя и местом пребывания гарнизона, но являлась военно-политическим и этно-социальным оплотом власти Сасанидов в Дербенте и на всем Северо-Восточном Кавказе.

Таким образом, исследования системы укреплений раннесредневекового Дербента позволяют сделать вывод, что выявленный здесь принцип построения обороны, самым тесным образом связанный с конкретными частями городской структуры, опираясь в своей основе на известные парфянские и много воспринявшие от них сасанидские традиции фортификационного строительства. Однако если в основе общей стратегической схемы дербентских оборонительных сооружений и в характере его городской структу-

ры лежали известные принципы парфяно-сасанидского градостроительства, то в планировке и характере построения отдельных поясов, обороны, связанных с конкретными частями структуры раннесредневекового города, прослеживаются совершенно другие строительные традиции и влияния.

Прежде всего это касается цитадели Дербента, планировка и ядро застройки которой сложились задолго до начала сасанидского строительства в Дербенте⁶¹.

В характере и принципах построения ее обороны очень четко отразились главные особенности местного фортификационного строительства, в основе которого лежало максимальное использование рельефа местности.

Конфигурация стен и территория застройки этой древней крепости, возникшей на рубеже VIII—VII вв. до н. э., послужили основой планировки цитадели города сасанидской и средневековой поры⁶².

В досасанидский период обживалась лишь вершина холма, хорошо защищенная естественными преградами, которые уже в эпоху бронзы были дополнены простейшими укреплениями. Благодаря своеобразию рельефа, дербентский холм был защищен с севера и юга глубокими ущельями, с востока — крутизной холма, а с запада — скалистыми кручами Джалганского хребта.

Стены древней крепости были сложены из грубообработанного местного камня — ракушечника крупного и среднего размеров, уложенного насухо или с земляной засыпкой, толщина кладки достигала местами до 6—7 м при сохранившейся высоте 1—2 м⁶³. В восточной, северной и западной части холма стены следуют строго вдоль края вершины холма, т. е. максимально приспособлены к рельефу местности, а в южной — замыкают многоугольник по наиболее удобной, почти прямой линии⁶⁴. Местные строители широко использовали для обороны сочетание искусственных и естественных преград, максимально приспособивая древнюю дербентскую фортификацию к рельефу сильно пересеченной местности.

Материалы и конструктивные особенности древней кладки цитадели Дербента находят полные аналогии в фортификации памятников Дагестана эпохи бронзы и раннего железа⁶⁵.

В I в. до н. э. — I в. н. э. в системе оборонительных сооружений древнего Дербента отмечен целый ряд важных изменений, связанных с дальнейшим развитием фортификационного искусства города албанской поры⁶⁶.

Достигнутый прогресс ознаменовался появлением здесь прямоугольных башен, каменных панцирных отмолок, применением глиняного связующего раствора и обработанного или частично обработанного камня (подтесывались только наружные грани)⁶⁷. Появление башен и глиняного раствора значительно повысило оборонительную способность стен и позволило сократить их толщину до 2,5—4 м. Одновременно, вероятно, возрасла их высота. Расстоя-

ние между выявленными башнями не превышает 30—40 м, т. е. было меньше прицельного выстрела из лука⁶⁸.

Подобное частое расположение башен, обычно меньше расстояния полета стрелы, было характерно для парфянской фортификации, где эффективная защита куртин обеспечивалась активным фланговым обстрелом с башен во фланг нападающим. Исследование остатков оборонительных сооружений городов и крепостей Средней Азии античного времени, расположенных в коренных областях Парфии, свидетельствуют о широком распространении подобного приема расположения в системе их обороны.

Так, башни Гяур-Калы в парфяскую эпоху располагались на расстоянии около 40 м⁶⁹, еще более частое расположение башен характерно для Дэв-Калы⁷⁰, Новой Нисы⁷¹, Кырк-Тепе⁷², где расстояние между ними достигало порой всего 18—20 м, среднее расстояние между башнями Старой Нисы равно 25—30 м⁷³.

Анализ древних фортификационных сооружений Дербента позволил выделить два основных строительных периода в их возведении, связанных с развитием укрепленного пункта на дербентском холме.

В первый период на рубеже VIII—VII вв. до н. э. на вершине холма возникла мощная крепость — убежище, возведенная в типично местных фортификационных традициях, а во второй, в I в. до н. э. — I в. н. э., она была перестроена и систему обороны города албанской поры дополнили часто расположенные квадратные башни, укрепившие, однако, лишь слабо защищенные рельефом южную и юго-западную стены крепости⁷⁴.

Появление в фортификации Дербента албанской поры прямоугольных башен и принцип их расположения надо, вероятно, связывать с культурными влияниями эллинистического Востока и Парфии, но вся система обороны древнего города, характер его архитектуры и конструктивные приемы возведения стен сложились на основе местных строительных традиций.

Позднее сасанидские зодчие почти поновью повторили планировку этих древних укреплений, послуживших основой для цитадели Дербента раннесредневекового времени, но возведенной с использованием уже совершенно новых конструктивных приемов.

По характеру кладки цитадель Дербента сасанидской эпохи не отличается от городских стен и возведена, подобно им, из крупных облицовочных блоков, уложенных «тычком» и «ложком», с заполнением из бутового камня и известкового раствора. Цитадель имеет в плане форму неправильного многоугольника (периметр более 800 м).

Северная, северо-западная и восточная стены цитадели идут по краю холма, склоны которого здесь очень круты, что делает ее неприступной отсюда. Здесь в системе обороны башни отсутствуют, высота стен 7—12 м.

Южный и юго-западные склоны холма более пологи и значительно уязвимые, потому здесь стены внушительнее, высота их достигает 15—18 м. Они укреплены прямоугольными башнями,

количество которых достигает 12. За исключением угловой башни (ширина 6,5 м, западный вынос 5,5 м), через которую осуществлялся выход на Горную стену, все они сплошные, ширина их 3—4 м, при выносе 3—5,6 м. Башни позволяли вести эффективный фланговый обстрел куртин, не так хорошо защищенных здесь рельефом.

Изучение древних и раннесредневековых городов Дагестана, возникших, как правило, на базе укрепленных архаических поселений, расположенных в стратегически важных местах международных и внутридагестанских коммуникаций, показало, что все они в своей основе имели систему обороны, построенную на максимальном использовании рельефа местности.

Сочетание естественных и искусственных преград, среди которых первым нередко отводилась основная роль, являлось одним из характерных признаков дагестанского фортификационного строительства.

Обычно оборона строилась таким образом, чтобы две или три стороны укрепленного пункта были прикрыты глубокими ущельями, скалистыми кручами или обрывистым берегом реки, а незащищенную естественными преградами часть надежно прикрывали валами или стенами. В тех случаях, когда характер местности не гарантировал полной неприступности, естественные рубежи обороны дополняли фортификационными сооружениями, в систему которых максимально старались включить все изгибы и всхолмления рельефа. Это позволяло усилить оборону стен и увеличить возможность фланговых обстрелов куртин с меньшим количеством башен, а в отдельных случаях и вообще без них.

Подобный принцип максимального использования рельефа нашел яркое воплощение в конфигурации стен раннесредневековой цитадели Дербента, унаследовавшей свою планировку от фортификационных сооружений эпохи раннего железа и албанской поры. Последняя выступает одним из главных элементов всей системы городской обороны, представляя в ней тот важнейший пояс, в основу которого легли местные градостроительные традиции. Причем они оказались настолько стойкими, что были почти полностью сохранены в системе обороны цитадели сасанидского времени. Так, несмотря на известные парфяно-сасанидские принципы укрепления стен системой часто расположенных башен, вся северная и восточная стены раннесредневековой цитадели построены без башен, отсутствие которых, согласно местным фортификационным традициям, компенсировалось характером рельефа местности в этой части холма.

В то же время, там где возникла необходимость, древняя планировка частично изменялась и дополнялась новыми оборонительными сооружениями, построенными в традиционной для сасанидской фортификации манере. Так, иранцы изменили конфигурацию юго-западного угла цитадели, в связи с возведением Горной стены, примыкавшей здесь к первой.

Место их стыка было усилено мощной квадратной башней

с внутренним пространством, имевшей выход на Горную стену, через который поддерживалась связь с соседними ее фортами.

В значительной мере местные традиции были использованы и при возведении верхнего участка северной городской стены, которая на всем протяжении от круглого бастиона до цитадели построена с учетом естественных пересечений местности.

Здесь раннесредневековые строители отступили от правильной геометрической планировки, характерной для основной части северной и всей южной стены, и постарались максимально приспособить ее к характеру рельефа.

Контур стены и расстояние между башнями на этом участке согласуется с изгибами склонов ущелья и господствующими вхождением, которые включены в систему обороны. Так как ущелье здесь еще неглубоко, а склоны его довольно пологи, северный край был искусственно подработан для придания ему у основания стены большей вертикальности.

Северная стена раннесредневекового города, которой принадлежала ведущая роль в его защите, выступает той частью дербентской оборонительной системы, где с наибольшей полнотой оказался отражен синкретизм местных и парфяно-сасанидских градостроительных традиций, присущий всей фортификации Дербента.

В связи с этим следует отметить, что максимальное использование для обороны рельефа местности и умелое сочетание естественных и искусственных укреплений не являлось сугубо местной особенностью, присущей лишь дагестанскому фортификационному строительству, но имело довольно широкое распространение и в других культурно-исторических регионах, особенно имеющих сходные с кавказскими географические условия.

Наиболее ярко подобные фортификационные традиции представлены в градостроительстве древней Греции, где неправильные контуры городских стен отражали стремление включить в систему обороны господствующие высоты и выгодные складки местности⁷⁵.

Этот принцип умелого сочетания оборонительных сооружений с характером рельефа, который максимально использовался в линии защиты, нашел дальнейшее распространение и был типичным для фортификационной системы эллинистических городов⁷⁶.

Однако это не означает, что сложившиеся в Дагестане принципы градостроения и возведения фортификации опирались на градостроительные традиции древней Греции и эллинистического Востока. Здесь нашли отражение лишь некоторые сходные моменты в их развитии, не отражающие однако коренных отличий в социально-экономической сущности и архитектурно-планировочных решениях первых и последних.

И если, например, принцип построения системы обороны Дура-Европоса, расположенного на правом берегу Евфрата⁷⁷, во многом сходен с схемой укреплений Дербента албанской поры, то эти два города античного времени не могут быть сопоставлены ни по характеру внутригородской топографии и планировки, ни по структуре, ни по уровню социально-экономического развития.

Подводя итоги изучения фортификации раннесредневекового Дербента, надо отметить, что она сформировалась на базе развитых градостроительных традиций Ближнего и Среднего Востока в тесном взаимодействии с местными дагестанскими и греко-римскими античными традициями, нашедшими воплощение в структуре города, построений поясов его обороны, в планировочных и конструктивных решениях его фортификационных сооружений.

* * *

¹ Eichwald E. Reise auf dem Kaspischen Meere.— Stuttgart, 1834—1837; Erkert R. Der Kaukasus und seine Völker. — Leipzig, 1887. — S. 216—225; Бартольд В. В. К истории Дербента. — Соч. — М., 1963. — Т. II. Ч. I. — С. 786—787; Его же. Дербент. — Соч. — М., 1965. — Т. III. — С. 419—430; Пахомов Е. А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. — ПИМК. — 1933. — № 9—10. — С. 39—47; Артамонов М. И. Древний Дербент//СА. — 1946. — VIII. С. 124—138; Его же. История хазар. — Л., 1962. — С. 60, 116—126; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. — М.; Л., 1959. — С. 127, 274—287; Хан-Магомедов С. О. Дербент. — М., 1958. — С. 8—10; 38—50; Его же. Раннесредневековая Горная стена в Дагестане//СА. — 1966. — № 1. — С. 233—239; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. — М., 1963. — С. 30—40, 121—124, 213; Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. — Махачкала, 1976. — С. 3—6, 92—121; Его же. Древний Дербент. — М., 1982. — С. 3—7, 21—33, 65—104.

² Стены цитадели Дербента и северная городская стена сохранились почти полностью, высота их достигает 10—15 м при ширине 2,8—3,8 м, южная стена города и Горная стена сохранились частично.

³ Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи Дербента//Изв. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку, 1929. — № 8. — Вып. V. — С. 9—25; Его же. К истолкованию пехлевийских надписей Дербента//Изв. Аз. ГНИИ. — 1930. — Т. I. — Вып. 2. — С. 13—16; Ниберг Г. С. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента//Изв. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку, 1929. — № 8. — Вып. V. — С. 26—32.

⁴ Артамонов М. И. Древний Дербент. — С. 135—137; Его же. История хазар. — С. 60, 122.

⁵ Тревер К. В. Очерки по истории... — С. 277—278.

⁶ Артамонов М. И. Древний Дербент. — С. 137 и сл.; Очерки истории СССР: III—IX вв. — М., 1958. — С. 316—324.

⁷ Кудрявцев А. А. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте//СА. — 1978. — № 3. — С. 243—257; Его же. «Длинные стены» на Восточном Кавказе//Вопр. истории. — 1979. — № 11. — С. 31—43; Его же. Древний Дербент. — С. 65—105.

⁸ Первое обследование сырцового вала у северной (каменной) городской стены было проведено Б. Н. Засыпкиным в 1932 г., а позднее М. И. Артамоновым и С. О. Хан-Магомедовым, но систематическое изучение сырцовой фортификации и ее раскопки были начаты лишь Дербентской археологической экспедицией с 1971 г.

⁹ Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. — С. 83—104; Его же.

О датировке... — С. 243—257; *Его же*. Древний Дербент. — С. 77—92; *Его же*. «Длинные стены» на Восточном Кавказе.—С. 31—43.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели древнего Дербента//АО—1973.— М., 1974.— С. 115; *Его же*. Город, не подвластный...— С. 92—103; *Его же*. Древний Дербент.— С. 119—120.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация//СА.—1963.— № 2.— С. 59—65; *Воронина В. Л.* Из истории среднеазиатской фортификации//СА.—1964.— № 2.— С. 42, 52.

²⁰ *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— С. 66—67.

²¹ Там же.— С. 67—68.

²² Здесь ее контур полностью подчинен рельефу местности, использование которого значительно усиливало оборону этого участка.

²³ *Спасский П. И.* Дербентские укрепления//Изв. Азкомстариса.— Баку, 1928.— Вып. IV— С. 267—276.

²⁴ Ибн Русте и Кудама сообщают, что стены тянулись в море на 3 мили (арабских), Мас'уди говорит об 1 миле, Хамдаллах Казвини — об 1/2 миле, Хилал ас-Саби приводит расстояние в 600 локтей, а ал-Истархи — в 6 башен. См.: *Бартольд В. В.* Дербент.— С. 424; *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент.— С. 98—100.

²⁵ *Кудрявцев А. А.* Подводные археологические исследования в древнем Дербенте//АО—1983.— М., 1985.— С. 121—122.

²⁶ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент.— С. 97—104; *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. и др.* Новые данные об исторической топографии Дербента//Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг.— Махачкала, 1978.— С. 12—13.

²⁷ Подобные зубцы, широко распространенные в древности и раннем средневековье в фортификационной архитектуре Ближнего и Среднего Востока, были известны лишь по репродукциям, но в Дербенте они благодаря раскопкам предстают в реалиях.

²⁸ *Хан-Магомедов С. О.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана.— М., 1979.— С. 95.

²⁹ *Баладзори*. Книга завоевания стран//Пер. П. К. Жузе. — Баку, 1927.— 7; *Тревер К. В.* Очерки по истории...— С. 283.

³⁰ Всеобщая история архитектуры: Архитектура античного мира. — М., 1973.— Т. II.— С. 502, 509.

³¹ *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация. — С. 66—68, 71; *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта.— М., 1962.— С. 249; *Воронина В. Л.* Из истории...— С. 44—47, 52; *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Махачкала, 1970.— С. 7—9; *Акопян А. М.* Связи Армении и Кавказской Алба-

нии с Парфией: (градостроительство и архитектура)//СА. — 1979. — № 4. — С. 32—34.

³² *Артамонов М. И.* История хазар.— С. 278; *Воронина В. Л.* Из истории... — С. 51—53; *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— С. 70—71; *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые...— С. 6—9.

³³ *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— С. 68—71; *Воронина В. Л.* Из истории...— С. 45—46.

³⁴ *Март Н. Я.* Ани.— М.; Л., 1934.— С. 49; *Исми-заде О. Ш.* Кабала — столица древней Кавказской Албании//Вопр. истории Кавказ. Албании.— Баку, 1962. — С. 61; *Воронина В. Л.* Из истории...— С. 47; *Абдуллаев Х. П.* Гильгенчайская оборонительная стена и крепость Чирахкала//СА.—1968.— № 2.— С. 201.

³⁵ *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— С. 69—71; *Воронина В. Л.* Из истории...— С. 47.

³⁶ *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— С. 71.

³⁷ *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— С. 67, 71; *Воронина В. Л.* Из истории...— С. 46—49; *Орбели И. А.* Избранные труды.— Ереван.— 1963.— С. 114; *Хан-Магомедов С. О.* Дербент.— С. 40—46; *Абдуллаев Х. П.* Гильгенчайская оборонительная стена...— С. 200; *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые...— С. 7—12.

³⁸ *Толстов С. П.* Древний Хорезм.— М., 1948.— С. 169; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//Труды ЮТАКЭ.—1958.— Т. VI.— Т. 48; *Воронина В. Л.* Из истории...— С. 46—49; *Пачос М. К.* К изучению стен городища Афрасиаб//СА.—1967.— № 1.— С. 60.

³⁹ *Хан-Магомедов С. О.* Дербент.— С. 46—48.

⁴⁰ *Артамонов М. И.* Древний Дербент.— С. 141—143; *Хан-Магомедов С. О.* Джума-мечеть в Дербенте//СА.—1970.— № 1.— С. 203—204; *Его же*. Дербент. Горная стена...— С. 133.

⁴¹ *Кудрявцев А. А.* О христианстве в Дербенте//Х Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа.— М., 1980.— С. 49—51; *Его же*. Древний Дербент.— С. 127—128.

⁴² Всеобщая история архитектуры: Архитектура античного мира. — С. 490—492.

⁴³ *Щеблыкин И. П.* Остатки крепостных стен Кабалы//ДАН Аз. ССР.— 1945.— Т. I, № 2. — С. 90; *Аракелян Б. Н.* Гарни I. Археологические раскопки в Армении.— Ереван, 1951.— С. 39; *Исми-заде О. Ш.* Кабала — столица...— С. 59—62; *Леквинадзе В. А.* О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса — Неокалакеви//СА.—1959.— № 3.— С. 114; *Челашвили Л. А.* Городище Урбниси.— Тбилиси, 1964.— С. 162; История искусства народов СССР.— М., 1973.— Т. II.— С. 256.

⁴⁴ *Гиршман Р.* Раскопки французской экспедицией города Шапура в Фарсе//КСИИМК.—1947.— XV.— С. 44; *Ильин Г. Ф.* Древний индийский город Таксила.— М., 1958.— С. 68; *Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б.* Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах//КСИИМК.—1956.— 64.— С. 77.

⁴⁵ *Репников Н. И.* Остатки укреплений Эски-Кермана: Готский сборник//Изв. ГАИМК.—1932.— Т. XII.— Вып. 1—8; — С. 206; *Блаватский В. Д.* Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье//Учен. зап.

МГУ. — 1950. — Вып. 143. — С. 135; *Гайдукевич В. Ф.* Илурат//МИА. — 1958. — № 85. — С. 162; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес//МИА.— 1959.— № 63. — С. 70; *Веймарн Е. В.* История и археология средневекового Крыма.— М., 1958. — С. 7; Очерки истории СССР: III—IX вв.— М., 1958. — С. 539—542.

⁴⁶ *Блаватский В. Д.* Материалы по античной фортификации... — С. 135; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— С. 70; Очерки истории СССР.— С. 539, 542.

⁴⁷ *Якобсон А. Л.* Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья//Античный город. — М., 1963.— С. 183, 185.

⁴⁸ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века/Пер. К. Патканьяна.— СПб., 1862.— С. 28.

⁴⁹ По мнению М. Н. Боголюбова, в пехлевийских надписях Дербента встречаются буквы, не свойственные для среднеперсидской графики, но характерные для сирийско-византийских христианских письменных памятников V в.

⁵⁰ *Блаватский В. Д.* Античный город//Античный город.— С. 25.

⁵¹ Там же.

⁵² *Блаватский В. Д.* Античный город.— С. 14.

⁵³ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. — С. 102—103.

⁵⁴ *Белсницкий А. М., Бенатович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии.— Л., 1973.— С. 7.

⁵⁵ *Кудрявцев А. А.* Город, неподвластный... — С. 119; *Его же.* Древний Дербент. — С. 115—124.

⁵⁶ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. — С. 102—103.

⁵⁷ Там же. — С. 115—116.

⁵⁸ *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация. — С. 58—59.

⁵⁹ Там же. — С. 60—61.

⁶⁰ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. — С. 104—105, 152—155.

⁶¹ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент.— С. 28—43, 56—65; *Его же.* Древние поселения на дербентском холме//Древние и средневековые поселения Дагестана.— Махачкала, 1983.— С. 83—107.

⁶² Там же.

⁶³ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. — С. 28—43; *Его же.* О новой хронологии Дербента//СА. — 1982. — № 4.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. — С. 56—65; *Его же.* Древние поселения... — С. 56—65; *Его же.* Древние поселения... — С. 90—94.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация. — С. 60—63; *Вороница В. Л.* Из истории... — С. 47—48.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. — С. 56—65; *Его же.* Древние поселения... — С. 92—93.

⁷⁵ *Блаватский В. Д.* Античный город. — С. 10—12; *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация. — С. 68, 71.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Gomont F. Fouilles de Doura-Europos. — Paris, 1926. — P. 22—23; Rostovtzeff M. I. Dura-Europos and its Art. — Oxford, 1938. — p. 17; Gerkan A. The Fortifications. The Excavations at Doura-Europos. — New-Haven, 1939. — P. 7—60.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПАЛАСА-СЫРТСКОГО МОГИЛЬНИКА

(этносоциальная интерпретация)

В археологической науке вопрос об этнической интерпретации археологических памятников и, в частности, могильников, остается одним из сложных. И наиболее остро дискуссионной является проблема соотношения этноса и отдельных элементов археологической культуры¹.

На материалах Паласа-сыртского курганного могильника² IV—V вв. н. э. мы попытались проследить хронологические изменения в погребальной обрядности, наличие которых, по нашему мнению, отражало сложные процессы этно-политической и социально-экономической интеграции населения, обитавшего в приморских степях Южного Дагестана.

Паласа-сыртский могильник вошел в литературу как памятник, оставленный ираноязычными макутами³. Этническая принадлежность могильника была определена В. Г. Котовичем исходя из одного элемента археологической культуры — способа погребения в катакомбных сооружениях. Новые данные о конструктивном устройстве погребальных сооружений могильника и похоронной обрядности, полученные нами, позволили поставить вопрос об этнической и социальной неоднородности населения, оставившего могильник⁴.

Паласа-сыртский курганный могильник⁵ представляет собой компактное могильное поле протяженностью 10×1 км, расчлененное руслом р. Рубас. На могильнике нет крупных курганных насыпей, представлены в основном средние курганы (высота 0,5—0,9 м; диаметр 7—14 м). На некоторых участках могильника выявлены малые курганы (диаметр 6—14 м, высота 0,23—0,4 м)⁶, а также относительно высокие (высота 1,68—1,28 м, диаметр 7,8—19,8 м). Крупные курганные насыпи расположены большей частью на правобережном участке могильника, на левобережном участке их мало. На нижней террасе левобережного участка Паласа-сыртского могильника курганные насыпи расположены скученно (расстояние между насыпями 1—2 м), малые и средние курганы сосредоточены вблизи одного-двух крупных. На верхней террасе курганы расположены разряжено (расстояние между курганами 5—6 м), малые курганы здесь не зафиксированы. Курганные насыпи возводились, как правило, над одним погребением (в трех курганах

были выявлены впускные захоронения детей младенческого возраста, совершенные на уровне подошвы кургана в непосредственной близости от основного захоронения⁷).

На Паласа-сыртском могильнике выявлены три группы погребальных сооружений, различающиеся основными признаками конструктивного устройства: катакомбы, подбойные могилы, ямы.

Погребенные в катакомбах⁸ помещались в специальных камерах, размеры которых зависели от поло-возрастных признаков — большие катакомбы сооружались мужчинам, средние — женщинам, малые — детям и подросткам. Узкий вход в камеру, находившийся в северной торцовой или западной продольной стенке,

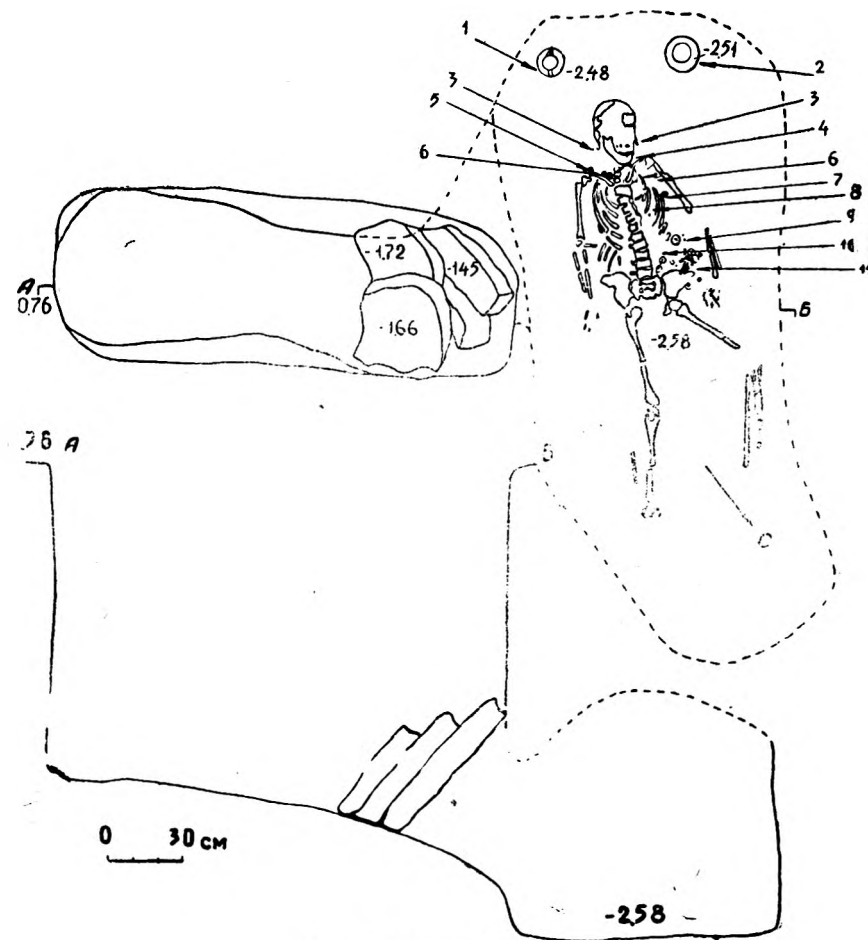

Рис. 1. Курган № 20.

1 — красноглиняный кувшин; 2 — сероглиняный горшок; 3 — серьги бронзовые; 4 — бусины; 5 — пряжка бронзовая; 6 — бронзовые обоймы; 7 — железная пряжка; 8 — золотая бляшка; 9 — бронзовое зеркало; 10 — фибула; 11 — бусы, бронзовые обоймы и туалетные принадлежности.

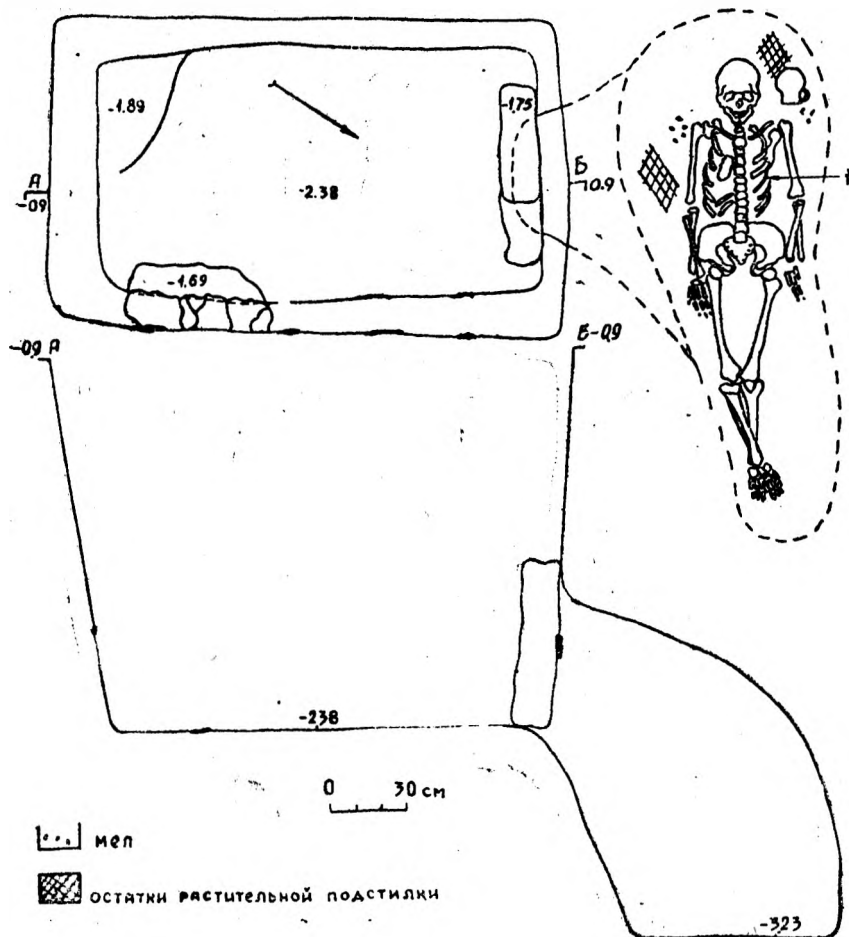

Рис. 2. Курган № 40.
1 — остатки кожи.

прикрывался большой каменной плитой или несколькими плитами небольшого размера (рис. 1—3). В некоторых погребениях каменная плита примазывалась к стенке дромоса глиняным раствором. Среди катакомбных сооружений преобладает ориентация дромосов в направлении СЗ—ЮВ (71%), перпендикулярное по отношению к дромосу расположение камер (53% катакомбных погребений), уровень пола которых располагался ниже дна дромоса. Камеры предназначались для индивидуальных захоронений (90%) и в исключительных случаях они использовались для захоронений двух или трех погребенных⁹. Дети всех возрастов, как правило, хоронились в отдельных погребальных сооружениях, а могилы де-

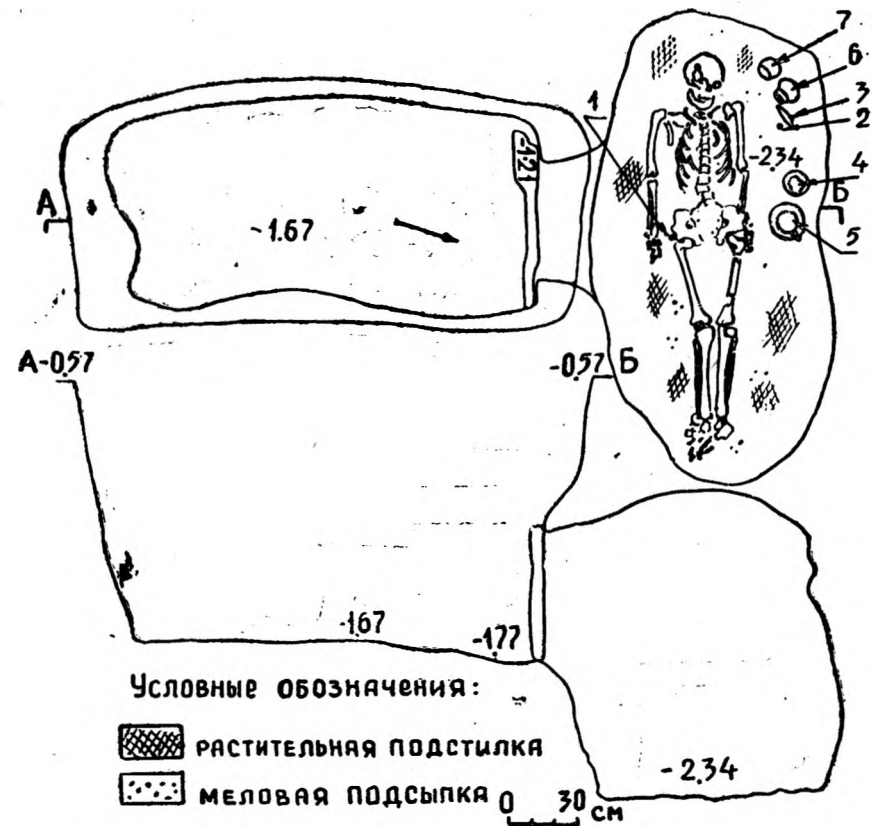

Рис. 3. Курган № 52.

1 — пряжка железная (большая); 2 — пряжка железная (маленькая); 3 — нож железный; 4 — горшок сероглиняный; 5 — кувшин серолощенный; 6 — кувшин краснолощенный; 7 — горшок красноглиняный.

тей младенческого возраста сооружали в курганной насыпи основного захоронения.

Преимущественное положение погребенных в катакомбах — вытянутое на спине с южной ориентацией (большинство костяков лежали головой к ЮЗ, зафиксировано также ЮВ и Ю ориентация покойников). Среди индивидуальных захоронений типичной позой костяка было вытянутое на спине положение (91%), лишь у двух погребенных позы были иными: лежа на спине с согнутыми, повернутыми влево ногами и в положении на правом боку (впускное детское погребение). В парных и коллективном захоронениях все погребенные имели одинаковые позы — вытянуто на спине; исключение составляет парное погребение из кургана № 1 (раскопки

В. Г. Котовича), где мужской костяк лежал вытянуто на спине, а у женского костяка, лежавшего также на спине, ноги были согнуты и повернуты вправо¹⁰. Положение рук и ног индивидуально погребенных по катакомбному обряду вытянуто на спине — в основном вытянутое, однако зафиксированы некоторые особенности: при вытянутых ногах одна или обе руки слегка согнуты в локтях (шесть костяков); при вытянутых руках одна или обе ноги слегка согнуты (два костяка) или перекрещены (3 костяка); зафиксировано одно погребение с костяком, руки и ноги которого были слегка согнуты. У погребенного на правом боку при вытянутых руках одна нога была слегка согнута в колене; у погребенного с согнутыми и повернутыми в сторону ногами руки были также вытянуты.

В парных и коллективном захоронениях положение рук погребенных в одной катакомбе было одинаковым (вытянутое — 2 катакомбы) или различным — один с вытянутыми руками, другой с согнутыми в локтях (1 погребение); один с вытянутыми руками, другой с согнутой одной рукой (1 погребение). Парное погребение в катакомбе, содержавшее вытянутый и скорченный костяк, также отличалось рядом особенностей в положении костяков: один погребенный лежал со слегка согнутыми в локтях руками, кисти которых покоились на тазовых костях, ноги также были слегка согнуты; у лежавшего рядом в скорченном положении одна рука была вытянута, другая — согнута в локте, кисть лежала на тазовых костях. Следует отметить, что при юго-восточной ориентации костяков их положение было вытянутым, при юго-западной — 92% костяков имели вытянутое положение, погребенный в южном направлении лежал на правом боку, в западном — на спине с согнутыми и повернутыми влево ногами. При различной ориентации погребальной камеры погребенный всегда лежал головой слева от входа в камеру.

Череп большинства погребенных индивидуально находились на затылочных костях, лицевыми костями вверх (66%), из них у пяти погребенных голова была слегка склонена к левому плечу, у трех — к правому, т. е. в сторону входа в погребальную камеру. В погребальных камерах с парными захоронениями положение черепов различное: повернуты в одну сторону — ко входу (1 погребение); повернуты в разные стороны — ко входу и к противоположной от входа стене (2 погребения), причем в одном случае погребенные лежали лицом друг к другу, в другом — затылками. В кургане № 2 (раскопки В. Г. Котовича), содержавшим захоронение трех погребенных, два детских костяка лежали лицом друг к другу, положение головы третьего костяка было потревожено во время подзахоронения.

Большая часть погребенных помещалась в камеру без каких-либо дополнительных погребальных сооружений, лишь треть погребенных по катакомбному обряду лежала на специальных растительных подстилках с подсыпкой толченым мелом.

Захороненным по катакомбному обряду мужчинам обязатель-

но ставилась заупокойная пища — питье в кувшинах, редко каша в горшках. Оружие в виде ножа, кинжала, наконечника стрелы для мужских погребений было также обязательным. Видимо, только погибшим воинам одевался пояс, т. к. наличие поясной пряжки зафиксировано только у трех погребенных мужчин. Умерших женщин хоронили с ожерельем из полудрагоценных камней, к поясу подвешивали зеркало с центральной петлей. Костюм женщины дополнялся, видимо, кожаной портупеей, т. к. у большинства женских костяков зафиксированы в области груди небольшие ременные пряжки. Иногда женщин хоронили с поясным набором, состоявшим из пояса, поясной пряжки и двух обоев, свешивающихся по обе стороны от пряжки. Возможно, с таким поясом хоронили женщин, занимавших высокое социальное положение в обществе. Только в богатых погребениях умерших женщин снабжали заупокойной пищей и питьем, а иногда им клали нож. Костюм некоторых погребенных женщин дополнялся фибулами.

Среди погребенных по катакомбному обряду не было социального и имущественного единства. Так, катакомбы мужчин были по объему большими, чем женские, над ними возводились более высокие курганы. Видимо, мужчина в семье и обществе занимал привилегированное положение. Как среди мужских, так и женских захоронений, совершенных по катакомбному обряду, выделяются относительно богатые, содержавшие многообразный и ценный инвентарь, и относительно бедные, снабжавшиеся только заупокойным питьем. Вероятно, последние не имели своего имущества. Дети, достигшие определенного возраста (5—6 лет), обеспечивались инвентарем в том же объеме, что и взрослые, учитывались только половые признаки погребенного. Дети младенческого возраста снабжались бусами, подвесками, выполнявшими при жизни роль оберегов, а также вещами, являвшимися, видимо, любимыми игрушками умерших детей (каменный шарик, крупная сердоликовая бусина-разделитель с поломанным навершием). Наличие заупокойной пищи в детских погребениях было обязательным (питье, каша, куски мяса птицы).

В память об умерших совершались тризны, следы которых прослежены в курганных насыпях.

Погребенных по **подбойному**¹¹ обряду на Паласа-сыртском могильнике незначительный процент. Размер камер зависел от половых признаков погребенных. По подбойному обряду хоронились только взрослые (отдельных детских захоронений не встречено). Широкий, почти на всю длину вход в камеру закрывался рядом камней и плит или прикрывался деревянными плахами. Пол камеры сооружался ниже дна входной ямы, однако разница в уровнях в сравнении с катакомбами была незначительной. Внешними признаками (размер насыпи) подбойные могилы не отличались от катакомбных. Входные ямы подбоев ориентировались в направлении СЗ—ЮВ, подбой сооружался в юго-западной длинной стенке входной ямы (рис. 4).

Преимущественное положение погребенных по подбойному об-

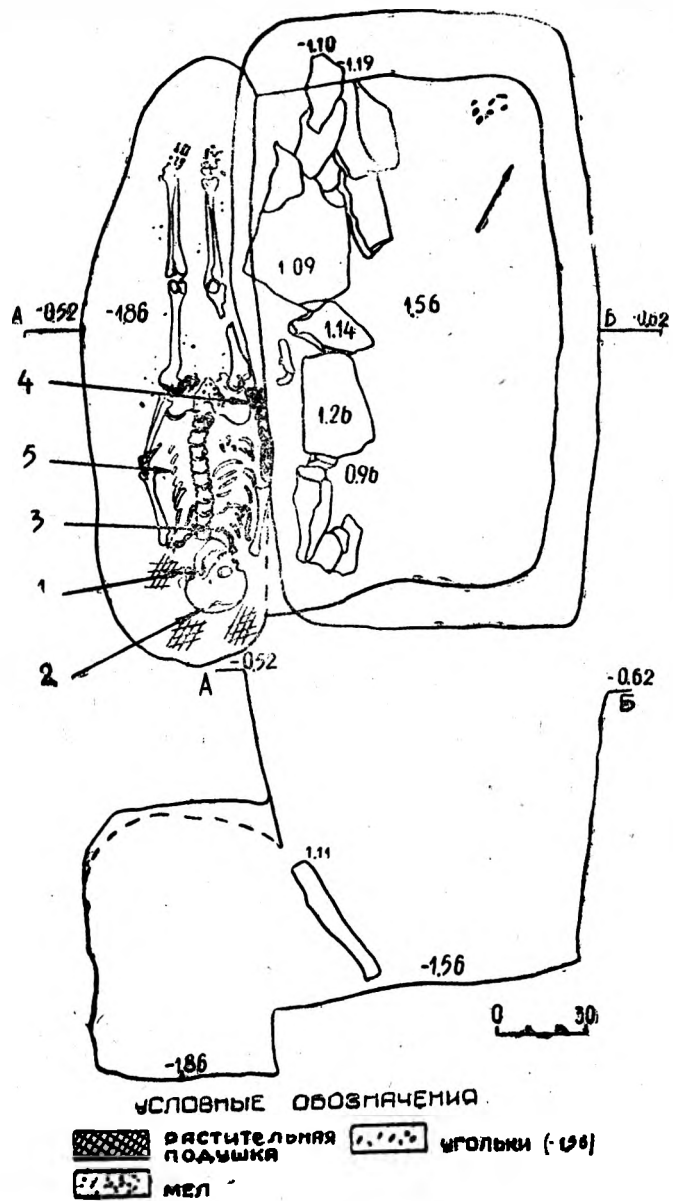

Рис. 4. Курган № 54.

1 — бронзовые привески; 2 — заколка; 3 — фибула; 4 — железная пряжка; 5 — бусина.

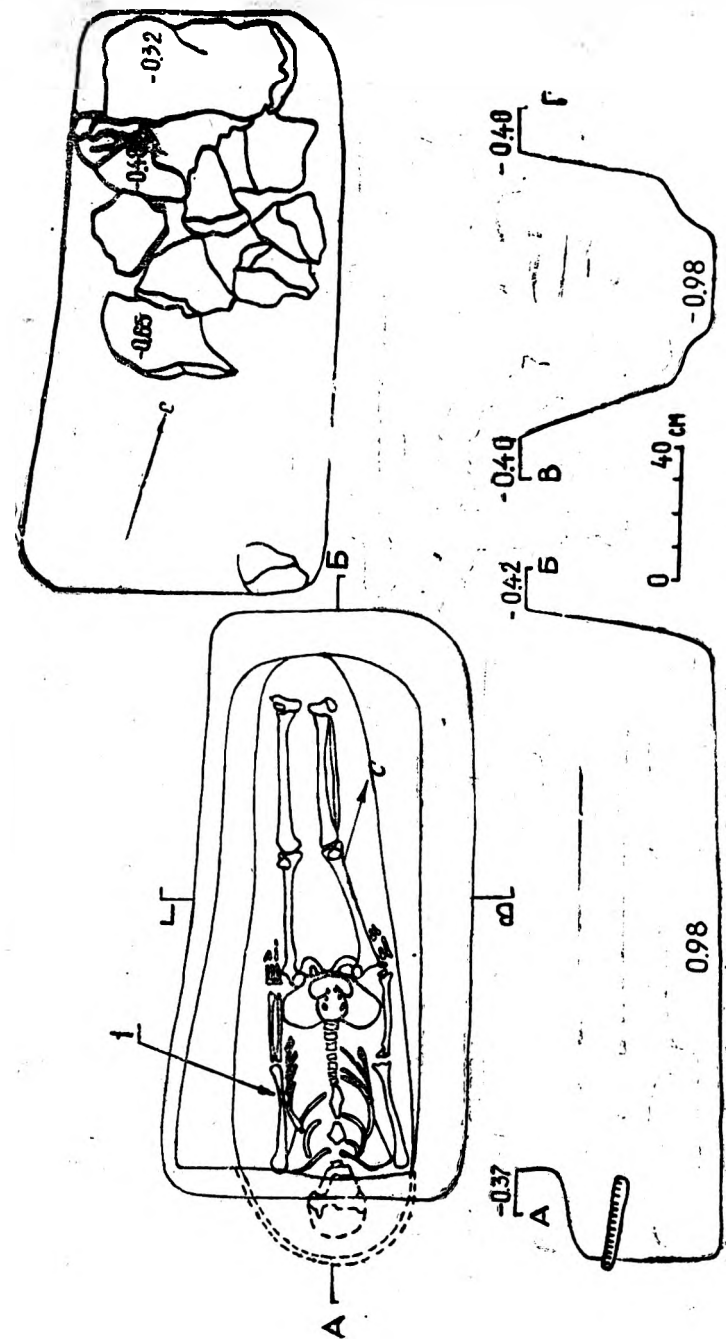

Рис. 5. Курган № 28.

1 — железный нож; 2 — железная пряжка.

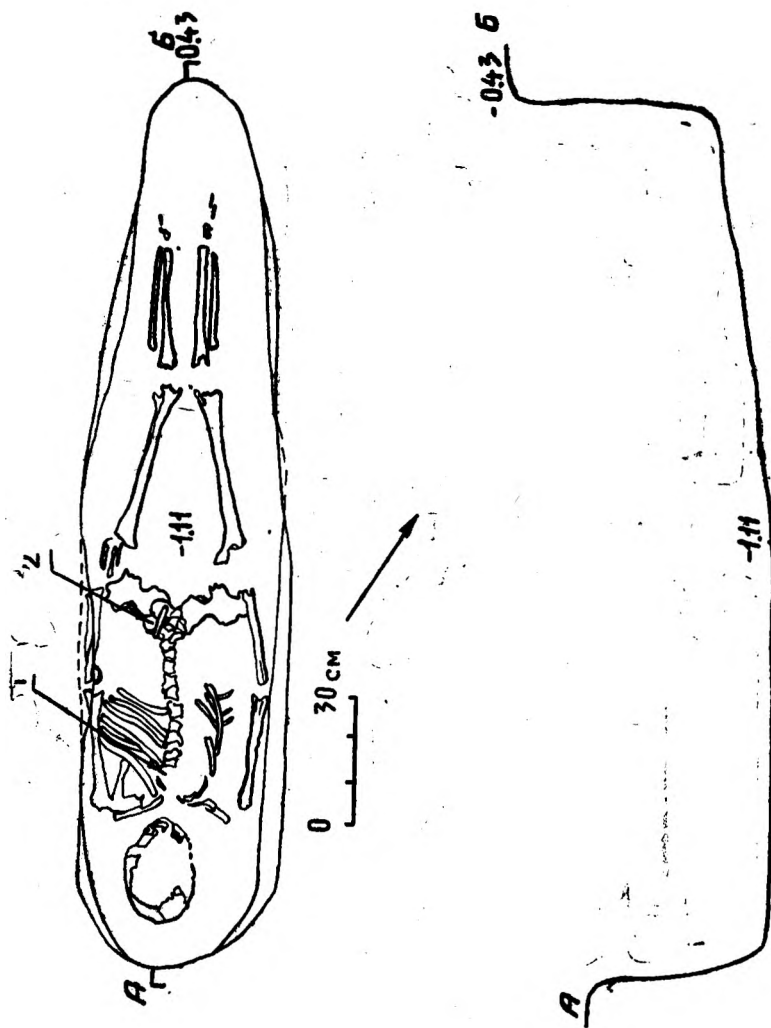

Рис. 6. Курган № 22.
1 — бронзовая фибула; 2 — железная игольница.

ряду — вытянутое на спине, головой только к ЮВ. Подбойные камеры, также как и катакомбные предназначались для индивидуальных захоронений (встречено одно парное захоронение женщины с ребенком младенческого возраста).

Среди погребенных по подбойному обряду в вытянутом на спине положении находилось три костяка, один лежал вытянуто на левом боку. У двух костяков, лежавших вытянуто на спине, руки и ноги находились в вытянутом положении, у одного костяка левая рука была слегка согнута в локте, кисть ее покоилась на тазовых костях.

Череп у одиночно погребенных могилах имели различное положение: лицевыми костями ко входу (1 костяк); лицевыми костями к стене, противоположной входу (1 костяк); лицевыми костями вверх с легким склонением к левому плечу (2 костяка).

Положение погребенных в парном подбойном захоронении было вытянутым на спине, головой к ЮВ (женщина лежала у стены напротив входа лицом ко входу, а ребенок — ближе ко входу лицом вверх).

В отличие от катакомбных погребений, в подбойных могилах меловая подсыпка зафиксирована как исключение, большая часть могил снабжена камышевыми подстилками. Судя по тому, что значительная часть подбойных могил разграблена, погребенные по подбойному обряду, вероятно, снабжались богатым инвентарем. Непотребоженное грабителями подбойное захоронение в кургане № 54, видимо, женщины, дает представление о составе инвентаря: украшения (височные подвески, единичная бусина); предметы одежды (поясная пряжка, фибула, подвеска, украшавшая головной убор). В ряде разграбленных подбойных захоронений имелись керамические сосуды. У погребенных в подбоях, также как и погребенных по катакомбному обряду, единства в имущественном и социальном положении не было: насыпи курганов были различными по величине — от 1 м до 25 см, ценность погребального инвентаря была неодинаковой.

Обряд захоронения в ямах¹² резко отличался от катакомбного и подбойного по своей сущности. Если для последних главным было предохранение умершего от контактов с землей, т. е. сооружение специальной камеры, отгороженной от входной ямы, то погребенного в яме засыпали землей (рис. 6).

В редких случаях применялись конструктивные приемы, предохранявшие погребенного от контактов с землей (деревянные перекрытия на кургане 60; сооружение специальной ниши для головы, перекрытой каменной плитой в кургане № 28¹³ (рис. 5, 7). Все ямные сооружения имеют единую ориентацию (СЗ—ЮВ), костяки ориентированы к ЮВ, все погребения индивидуальные. Погребенные в ямах находились вытянуто на спине с вытянутыми ногами (7 погребений), исключение составляет ямное погребение из кургана № 60, где костяк лежал на спине, ноги же были согнуты в коленях и повернуты вправо (рис. 7). У лежавших вытянуто на спине руки также были вытянуты вдоль туловища (5 погребений),

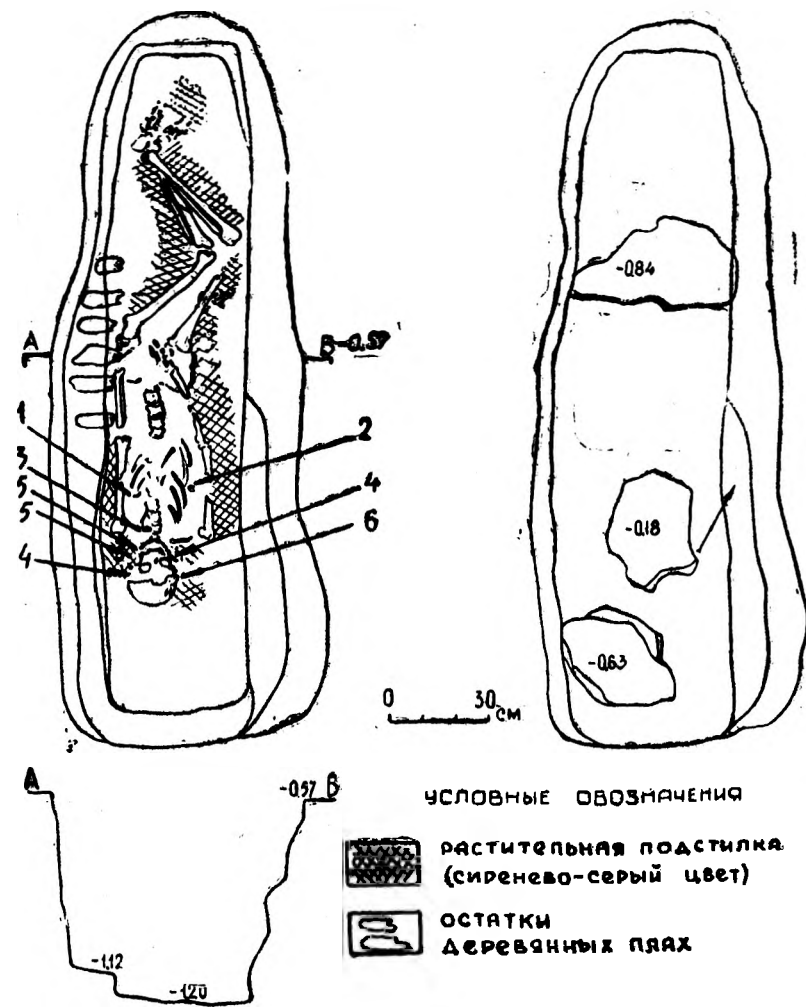

Рис. 7. Курган № 60.

1 — фибула (железо, бронза); 2 — фибула (железо, бронза); 3 — фибула (бронза); 4 — серьги (бронза); 5 — стеклянные бусы; 6 — заколка для волос (бронза).

иногда одна рука была слегка согнута в локте (1 погребение). Положение рук у костяка с согнутыми ногами также было вытянутым, однако кисти обеих рук покоились на тазовых костях. Черепа пяти погребенных лежали на затылочных костях, два из них были слегка отклонены влево. В боковом положении с поворотом вправо находились черепа двух погребенных.

Среди ямных погребений только два имели специфическое оборудование — камышовую подстилку; ни в одном ямном погребении

ни не отмечена подсыпка мелом. Инвентарь ямных погребений очень скуден (одна, две категории вещей). Выявлено единичное ямное погребение женщины, с которой были положены низка бус, серьги, головные инкрустированные булавки, одежда украшена тремя фибулами (курган № 60).

На могильнике вскрыто 17 погребальных комплексов, состоящих из курганной насыпи или курганной насыпи и простой ямы¹⁴. Захоронений или их остатков данные погребальные сооружения не содержали, в некоторых ямах имелись отдельные камни. Возможно, что группа курганов без захоронений являлась кенотафами.

Как отмечалось выше, погребальной обрядностью регламентировался состав погребального инвентаря, количество положенных вещей, его ценность, а также определенное его расположение в камере. Количество и ценность вещей зависели от социального и имущественного положения умершего, состав и расположение вещей в камере определялись поло-возрастными признаками погребенных.

Погребальный инвентарь Паласа-сыртского могильника представлен посудой (керамические сосуды, деревянные блюда), оружием (железные ножи, железные, бронзовые, костяные наконечники стрел), орудиями труда (иглы, пряслице), разнообразными предметами одежды (пряжки, фибулы, ременные обоймы, наконечники), украшениями (бусы, серьги, височные привески, головные булавки, броши), предметами туалета (ногтечистки, ухвертки), культовыми предметами (зеркала, подвески, кремневый нуклеус). Распределен инвентарь по погребальным сооружениям неравномерно: ямные захоронения сопровождал скудный, невыразительный погребальный инвентарь; инвентарь большинства катакомбных захоронений отличался разнообразием. Выделяются отдельные захоронения, содержавшие изделия из драгоценных материалов (золото, серебро), привозных редких украшений; в некоторых катакомбных захоронениях имелся скудный инвентарь. Из-за незначительного количества подбойных могил, большой их ограбленности, выяснить определенные закономерности в составе и количестве погребального инвентаря пока не представляется возможным.

Половозрастные принципы распределения инвентаря для погребений всех типов были одинаковыми — мужчинам клали в могилу керамический сосуд или несколько сосудов, а также нож. Инвентарь женских погребений был более разнообразен (предметы одежды, украшения, культовые предметы). Детей сопровождали керамические сосуды, украшения, культовые предметы.

Наличие в погребениях Паласа-сыртского могильника заупокойной пищи, а также помещение в могилы жертвенных животных не было характерной чертой погребального обряда. Раскопками автора выявлено три погребения с сохранившимися остатками заупокойной пищи; в кургане № 3 (раскопки В. Г. Котовича) на дне дромоса была найдена часть черепа лошади¹⁵; в кургане «а»

(раскопки Н. О. Циллосани) также в дромосе был обнаружен зуб лошади¹⁶.

Несмотря на многообразие черт погребальных обрядов, выявленных на Паласа-сыртском могильнике, для могильника в целом было свойственно возведение надмогильных сооружений в виде курганных насыпей; расположение входных ям в направлении СЗ—ЮВ; индивидуальность захоронений; вытянутое на спине положение умерших; южная ориентировка погребенных; стремление уберечь умершего от контактов с землей (подстилки, подсыпки, перекрытия ям, сооружение погребальных камер и подбоев).

Если погребальный обряд в целом свидетельствует о наличии среди населения единства идеологических представлений, то сравнительный анализ выявленных на могильнике четырех компактных групп захоронений демонстрирует достаточно ощутимые различия в погребальной обрядности, которые возможно объяснить несколькими факторами.

Выявленные группы захоронений расположены на различных участках могильника¹⁷: группа № 1 (курганы № 48—60) — ЮЗ участок могильника; группы № 2 (курганы № 25—34 и № 3 (курганы № 20—24) — восточная оконечность могильника; группа № 4 (курганы № 35—47) — северная оконечность могильника. В каждой из групп выделялся относительно высокий курган, рядом группировались курганы средних размеров, а в трех группах (№№ 1—3) зафиксированы и малые курганы (высота 0,25—0,3 м). Приведем краткую характеристику обрядов погребения, зафиксированных в каждой группе захоронений.

Первая группа курганов состояла из катакомбных, подбойных и ямных погребений, содержавших индивидуальные захоронения мужчин, женщин, ребенка; имелось одно парное захоронение женщины с ребенком. Костяки лежали вытянуто головой к ЮВ, Ю и ЮЗ; у одного погребенного в яме ноги были согнуты. На дне большинства камер зафиксированы растительная подстилка или растительная подстилка, дополненная меловой подсыпкой.

Вторая группа курганов также содержала три типа погребальных сооружений (катакомбы, подбой и ямы). Все погребения этой группы индивидуальны; в одном из курганов имелось впускное погребение ребенка. Костяки лежали в основном к ЮВ; по одному костяку — к Ю и СЗ. Растительная подстилка зафиксирована только в двух камерах, меловой подсыпки в этих погребениях не встречено.

Третья группа курганов состояла из индивидуальных захоронений, совершенных в катакомбах и ямах. Погребенные ориентированы головой к ЮВ и ЮЗ. В двух камерах имелась растительная подстилка и меловая подсыпка.

Четвертая группа курганов содержала индивидуальные катакомбные и одно парное захоронения. Все костяки лежали головой к ЮЗ. Растительная подстилка и меловая подсыпка выявлены только в двух камерах, в них же были побелены потолки.

Таким образом, для каждой группы захоронений были харак-

терны погребения в катакомбах, хотя количественное содержание этого типа погребальных сооружений, в каждой группе различно (1 гр. — 38%, 2 гр. — 36%, 3 гр. — 60%, 4 гр. — 90%) и наибольшее количество катакомбных захоронений зафиксировано в третьей и четвертой группах. Однако типологический состав катакомбных сооружений в группах различается: группа № 1 — катакомбы с поперечным, продольным расположением камер, а также под углом; группа № 2 — катакомбы с продольными и поперечными камерами; группа № 4 — катакомбы с поперечными камерами. Наибольшим разнообразием типов катакомбных сооружений отличается группа № 1 (три типа), группы №№ 2 и 4 характеризуются однообразием представленных катакомбных сооружений, хотя они отличаются между собой расположением камер (группа № 2 — продольные камеры, группа № 4 — поперечные камеры).

Подбойные могилы выявлены только в первой и второй группах (соответственно 46 и 9%), ямные захоронения не представлены в четвертой группе (1 гр. — 15%, 2 гр. — 54%, 3 гр. — 40%).

Как отмечалось выше, для могильника в целом характерна южная с отклонениями ориентация погребенных. Анализ этой черты погребального обряда в исследованных группах захоронений выявил некоторые особенности: в группах № 1—3 погребенные ориентированы в основном к ЮВ (соответственно 83, 80 и 75%), а в группе № 3 все костяки лежали головами к ЮЗ.

В каждой из групп выявлены погребения со специфическими чертами погребальной обрядности (растительная подстилка, подсыпка мелом, серой), однако количество подобных погребений в каждой из групп различно: 1 гр. — 77% погребений; 2 гр. — 18%; 3 гр. — 40%; 4 гр. — 15%, причем подсыпка мелом не зафиксирована для ямных погребений, а в группах № 3 и 4 наличие подстилок и подсыпок отмечено только для катакомбных захоронений.

Различия в погребальной обрядности между группами захоронений могут быть объяснены хронологическими изменениями.

В целом погребальные комплексы исследованных групп захоронений датируются в пределах IV—V вв. н. э. Однако большинство типов инвентаря первой группы (керамика, ременные пряжки, височные привески, янтарные бусы каплевидной формы) относятся к рубежу IV—V вв. н. э., что дает возможность захоронения в курганах 48—60 считать наиболее ранними на могильнике. Погребения в курганах 34—47 (IV группа) относятся к заключительному периоду функционирования левобережного участка могильника. Захоронения второй и третьей групп занимают промежуточное положение. Однако хронологические изменения сказываются, как правило, в основном на типологии сопровождающего инвентаря, не затрагивая глубоко сложившихся мировоззренческих представлений.

Многие черты погребального обряда фиксируют процесс имущественного и социального расслоения общества. На раннем и среднем этапах (группы 1—3) социальным показателем выступают такие категории погребального обряда как размер курган-

ной насыпи, тип погребального сооружения, богатство представленного инвентаря. На данном этапе развития общества более высокое социальное положение занимали погребенные по катакомбному и подбойному обряду. На заключительном этапе (группа четыре) внешние признаки социальных различий смягчены — катакомбный обряд стал основным; малые курганы отсутствуют, хотя высота насыпи продолжает отражать социальный статус погребенного. Социальная неоднородность общества на заключительном этапе нашла отражение в таких чертах погребальной обрядности, как количество и ценность сопровождающего инвентаря, отличная от общепринятой поза погребенного, демонстрирующая зависимость (скрещенное положение ног); возможно, положение камеры относительно уровня дневной поверхности также зависели от общественного и имущественного положения умершего.

Однако, отмеченные выше существенные различия в погребальной обрядности, зафиксированные в таких определяющих чертах, как конструкция погребального сооружения, ориентация погребенного, специфические черты обряда, по нашему мнению, могут быть объяснены этнокультурными факторами, которые действовали одновременно с хронологическими и социальными.

Как показывают сравнительные данные при анализе обряда погребения 42 захоронений из компактных групп курганов, развитие и нивелировка погребальной обрядности происходили в направлении от конструктивно различных погребальных сооружений, неустойчивой ориентации погребенных, наличия специфических черт погребального обряда к однотипным захоронениям в катакомбных сооружениях с поперечным расположением камер, широтному положению погребенного в камере, юго-западной стабильной ориентировке погребенных, утрате в основном специфических черт обрядности (подсыпки, подстилки); на заключительном этапе происходит также развитие новых конструктивных деталей устройства погребального сооружения (ступени в торцевой части дромоса в гр. № 4).

Возможно, на раннем этапе развития общества, оставившего Паласа-сыртский могильник, этнические различия погребенных в какой-то степени отражались в погребальной обрядности (определенное конструктивное устройство могилы — катакомба, яма, подбой; определенная ориентация умершего — Ю, ЮЗ, ЮВ; обязательность подстилок, подсыпок). В позднем периоде население стало более или менее однородным, выработались единые мировоззренческие представления, что сказалось на погребальной обрядности, которая приобрела относительную стабильность (погребальное сооружение — катакомба с поперечной камерой, ЮЗ ориентировка умершего; преимущественное положение погребенного без подстилок и подсыпок). Возможно, что какие-то этнические черты на заключительном этапе развития общества приобрели социальный характер, утратив при этом первоначальное содержание (катакомбный обряд, который на раннем этапе мог быть характерен для определенной этнической группы населения был

впоследствии воспринят всем обществом, однако на некоторые конструктивные детали катакомб накладывал отпечаток социальный статус погребенного).

Выделение конкретных этносов и вычленение определенных черт их погребальной обрядности по материалам Паласа-сыртского могильника представляется достаточно сложным. Вывод В. Г. Котовича о маскутской принадлежности погребений Паласа-сыртского могильника был поддержан В. А. Кузнецовым¹⁸, который высказал отрицательное отношение к определению времени появления маскутов в Южном Дагестане (первые века н. э.)¹⁹. А. В. Гадло, признавая в целом тяготение материалов могильника к кругу памятников, оставленных сармато-аланским населением²⁰, подверг сомнению утверждение исследователей об этнической однородности могильника. Он высказал мысль о том, что материалы Паласа-сыртского могильника свидетельствуют о существовании в Южном Дагестане этнического конгломерата племен²¹. Эти выводы были основаны на материалах раскопок Н. О. Цилюсани и В. Г. Котовича. Анализируя данные письменных источников, А. В. Гадло отметил неслучайность отождествления маскутов и гуннов некоторыми древними авторами²². Это свидетельствовало, по мнению исследователя, об определенной интеграции ираноязычных потомков массагетов и тюркоязычных гуннов²³.

Наблюдения, полученные на материалах раскопок могильника последних лет дают возможным поставить вопрос об этнической неоднородности населения, оставившего могильник. Многостороннее взаимодействие этнически неоднородных племен, как показывает анализ материалов погребений четвертой группы, привело к нивелировке идеологических представлений, в которых нашли отражение этнополитические и этносоциальные процессы, протекавшие в кочевнической среде и в которые, по всей видимости, была вовлечена и часть местного населения.

Если на раннем этапе развития населения, обитавшего в Южном Дагестане, этнические различия сказались на погребальной обрядности (многообразие погребальных конструкций, неустойчивость положения и ориентации погребенных, разнохарактерность инвентаря), то даже среди погребенных по одному обряду, например, катакомбному, единства в обрядности не наблюдается (широтное и меридиальное расположение погребальных камер, различная ориентация костяков, наличие или отсутствие специфических черт обряда), что может быть объяснено неустойчивостью идеологических представлений в среде даже одной группы населения — носителей катакомбного обряда.

Анализ археологических материалов и сообщений древних авторов дает возможность утверждать, что Паласа-сыртский могильник — это некрополь, оставленный населением, являвшимся составной частью крупных массивов племен (маскуты, гунны), вовлеченных в процессы этнополитической и социально-экономической интеграции. Вполне вероятно, что в эти процессы была вовлечена и часть местного населения.

¹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. || МИА.— № 106.— 1962; Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. || КСИИМК.— вып. XXXVIII.— 1951; Шейхов Н. Б. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник (по материалам Агачкалинского могильника). || КСИИМК.— Вып. XLVI.— 1952; Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени на Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. || Исследования по археологии СССР.— Л., 1961; Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа. || СА.— 1978.— № 1; Её же. О подкурганых катакомбах первых веков н. э. на Северном Кавказе. || Конференция по археологии Северного Кавказа: XII Крупновские чтения.— М., 1982; Её же. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы (середина I тысячелетия до н. э. — первые века н. э.). || Археологические исследования на юге Восточной Европы.— М., 1982; Её же. Предварительные итоги исследований Подкумского могильника близ г. Кисловодска.— || История и культура сарматов: Сб. ст.— Саратов, 1983; Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики.— || VIII Крупновские чтения.— Нальчик, 1978; Мошкова М. Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе.— || История и культура сарматов; Ковалевская В. Б. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе. || Преслав—Плиска.— Т. II.— София, 1981; Магомедов М. Г. К вопросу о происхождении Верхнечирюртовского курганного могильника. || Археологические памятники раннесредневекового Дагестана.— Махачкала, 1977; Его же. Образование Хазарского каганата.— М., 1983; Кудрявцев А. А. Дербентский могильник.— || Древние культуры Северо-Восточного Кавказа.— Махачкала, 1985; Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана.— || Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Махачкала, 1975; Его же. К характеристике этноисторической ситуации в Прикаспийском Дагестане в V—VII вв.— || VIII Крупновские чтения; Петренко В. А. Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н. э.—IV в. н. э. как этнический показатель.— || Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа.— Грозный, 1979.

² В статье использованы материалы автора (раскопки 1981—1986 гг.), а также Н. О. Цилюссани и В. Г. Котовича. См.: Цилюссани Н. О. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане. || V Археологический съезд: Труды предварительных комитетов.— М., 1982; Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана. || МАД.— Махачкала, 1959.— Т. I.

³ Котович В. Г. Новые археологические памятники...— С. 154—156; Его же. Об этнической принадлежности...— С. 97.

⁴ Гмыря Л. Б. Некоторые итоги раскопок Паласа-сыртского могильника. || Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982—1983 гг.— Махачкала, 1984.— С. 8; Её же. Паласа-сыртский могильник (Новые данные о погребальном обряде). || XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.— Майкоп, 1984.— С. 62; Её же. Паласа-сыртский могильник (по материалам раскопок 1981—1983 гг.) || Древние культуры Северо-Восточного Кавказа.— Махачкала, 1985.— С. 156; Её же. К этнической интерпретации погребений Паласа-сыртского могильника.

|| XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.— Орджоникидзе, 1986.— С. 21—22.

⁵ На разных участках могильника раскопано 87 курганов, содержащих 90 погребальных сооружений (Н. О. Цилюссани исследовал 21 погребальный комплекс, В. Г. Котович — 5, Л. Б. Гмыря — 63).

⁶ Гмыря Л. Б. Раскопки раннесредневековых памятников в Дагестане. || Археологические открытия 1982 г.— М., 1984; Её же. Раскопки Паласа-сыртского могильника. || Археологические открытия 1983 г.— М., 1985; Её же. Исследования на Паласа-сыртском могильнике. || Археологические открытия 1984 г.— М., 1986; Её же. Исследования в долине р. Рубас. || Археологические открытия 1985 г. (в печати).

⁷ Гмыря Л. Б. Раскопки Паласа-сыртского могильника. || Археологические открытия 1981 г.— М., 1983; Её же. Раскопки Паласа-сыртского могильника. || Археологические открытия 1983 г. М., 1985.

⁸ На могильнике раскопано 67 катакомб (Н. О. Цилюссани исследовал 18 катакомбных погребений, В. Г. Котович — 4, автор — 45).

⁹ Среди исследованных катакомбных захоронений было выявлено шесть парных и одно коллективное (3 человека) захоронений.

¹⁰ Котович В. Г. Новые археологические памятники...— С. 148, табл. X.

¹¹ Автором выявлено шесть подбойных могил (курганы №№ 32, 48, 53, 54, 58, 59).

¹² На могильнике выявлено восемь подкурганых погребений в простых ямах (раскопки автора 1982—85 гг.).

¹³ Гмыря Л. Б. Паласа-сыртский могильник (Новые данные о погребальном обряде), с. 6.

¹⁴ Раскопками автора исследовано пять комплексов, три погребальных сооружения изучены Н. О. Цилюссани и одно — В. Г. Котовичем.

¹⁵ Котович В. Г. Новые археологические памятники...— С. 153.

¹⁶ Цилюссани Н. О. Дневник раскопок...— С. 470.

¹⁷ Гмыря Л. Б. К этнической интерпретации погребений Паласа-сыртского могильника, с. 20—22.

¹⁸ Кузнецов В. А. Аланы и раннесредневековый Дагестан (к постановке вопроса). || МАД.— Махачкала, 1961.— Т. 2.— С. 266, 269.

¹⁹ Кузнецов В. А. Аланы и раннесредневековый Дагестан...— С. 269.

²⁰ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV—X вв.— Л., 1979.— С. 35—36.

²¹ Гадло А. В. Этническая история...— С. 35.

²² Гадло А. В. Этническая история...— С. 36—37.

²³ Гадло А. В. Этническая история...— С. 36.

ТАРКИНСКИЙ СКЛЕПОВЫЙ МОГИЛЬНИК

(к вопросу об этносоциальном составе)

Месторасположение сел. Тарки на южной окраине г. Махачкалы привлекает в последнее время внимание исследователей как возможный пункт бытования древней столицы Хазарии — города Семендера¹. Археологические исследования Тарков, предпринятые в начале 80-х гг., дали возможность выявить здесь остатки обширного раннесредневекового городища, топография которого позволяет сопоставить его с древним Семендером².

О важной роли города в социально-экономической жизни Приморского Дагестана раннесредневековой эпохи и в последующие периоды могут свидетельствовать и обширные могильники, примыкающие к нему с разных сторон³. Среди них выделяется своеобразием погребальных конструкций и богатством погребального инвентаря Таркинский склеповый могильник, расположенный на западной окраине селения. Могильник был случайно обнаружен на месте частного домостроения в 100 м к северу от построенной после землетрясения 1970 года новой Таркинской школы (рис. 1).

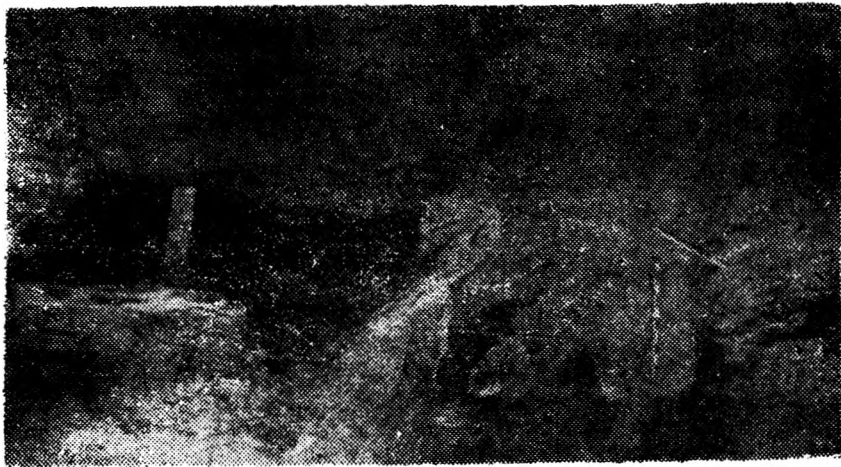

Рис. 1. Вид на остатки склеповых сооружений.

Зачистка выявленных погребений, начиная с восточной стороны, даёт порядковые номера погребальных сооружений⁴.

Склеп № 1 был сооружен на глубине 1,4 м от современной поверхности у самого восточного края останца. Стены его были возведены из регулярных рядов рваного известняка на глиняном растворе. Ориентирован склеп был по длине с З на В и достигал до 2,5 м длины, 1,1 м ширины и 0,9 м высоты. Перекрытие склепа состояло из трех массивных плит, от которых сохранились лишь обломанные и уходящие в толщу материка концы (рис. 1). Восточная — поперечная стена склепа, в отличие от остальных, состояла из одной, вертикально установленной плиты, которая достигала лишь до половины высоты склепа. Оставшееся пространство между ним и блоками перекрытия склепа было закрыто второй, наклонно установленной плитой. Подобное устройство восточной — поперечной стены склепа было, очевидно, специально предусмотрено для повторных захоронений. Северная стена склепа оказалась разрушенной местными ребятами, а содержимое было выброшено наружу. При зачистке сохранившихся в склепе остатков здесь было выявлено небольшое количество полуистлевших костей, разбросанных по всей площади камеры. Здесь же найдены и различные предметы погребального инвентаря. Некоторые украшения из склепа были обнаружены и перед его остатками. Основное количество украшений представлено бисером и бусами различных форм и размеров, изготовленных в основной своей массе из стеклянной пасты. Некоторые из них несут следы позолоты. Встречаются среди них и экземпляры, изготовленные из хрусталя, сердолика, агата и других минералов. Они обычно имеют четырехугольные, шаровидные или многогранные формы. Отдельные экземпляры ребристых или шаровидных форм изготовлены из бронзы и серебра. Встречаются среди них глазчатые бусы цилиндрической формы, а также агатовые и перламутровые разделители самых разнообразных форм и размеров (рис. 2). В целом по характеру выявленного в нем погребального инвентаря можно предположить, что здесь были погребены представительницы женского пола.

Склеп № 2 был расположен на одном уровне с предыдущим и в 2 м к западу от него. Он также был частично разрушен и, судя по сохранившимся остаткам, тоже был ориентирован по длине с запада на восток. Его размеры составляли: длина — 1,8 м, ширина — 0,9 м и высота — 0,7 м. Северная и частично южная стены склепа были возведены из вертикально установленных плит, а западная стена оказалась почти полностью разрушенной. Перекрыт он был двумя массивными плитами. В заполнении склепа вперемешку с костями погребенных были выявлены и различные украшения, часть из которых была извлечена из склепа местными жителями и затем передана нам. Украшения из склепа, а также некоторые особенности погребального ритуала были прослежены и при зачистке оставшегося заполнения. Выявленные в склепе остатки раздавленных черепов, лежавших слоями друг на друге, свидетельствовали, что он предназначался для коллективных за-

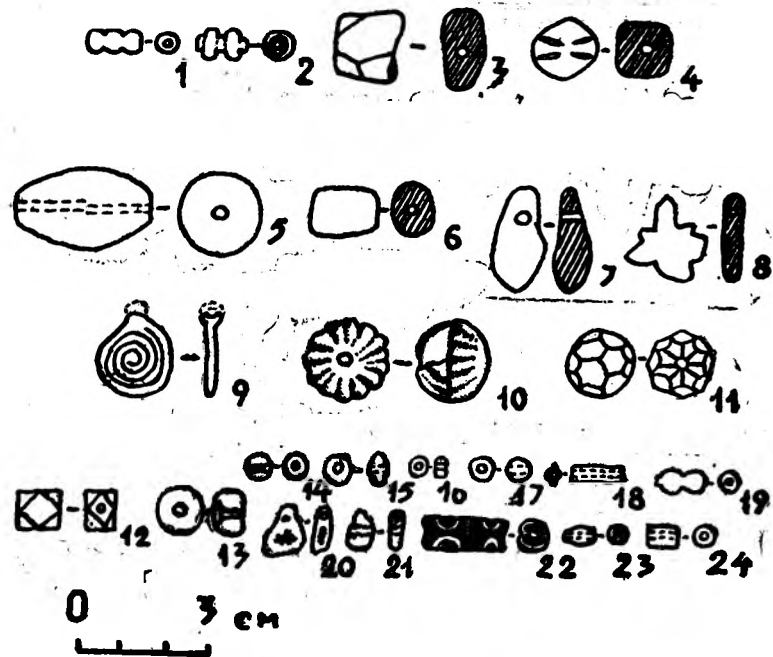

Рис. 2. Остатки погребального инвентаря из склепа № 1.

хоронений и служил семейной усыпальницей. Об этом говорит и обилие представленного в нем погребального инвентаря. Судя по остаткам раздавленных черепов и чередованию слоев, в нем были погребены не менее 4-х человек. Следует также отметить, что фрагменты черепов были сосредоточены у западной стены склепа, указывая этим на западную ориентацию погребенных.

Погребальный инвентарь из склепа представлен различными типами женских украшений. Наибольшее количество среди них также составляют бусы самых разнообразных форм и размеров. Их всего здесь выявлено около 180 шт., изготовленных главным образом из стеклянной пасты и сердолика. Значительный процент этой группы составляют глазчатые бусы различных расцветок и самых разнообразных форм. Реже встречаются здесь бусы, изготовленные из агата, хрусталя, халцедона, сурьмы, бронзы и серебра (рис. 3). Среди них представлены и разделители в виде лунниц, крестов и др. Нередко в качестве украшений использованы раковины каури и перламутровые бляшки. Мелкие бусы и особенно бисер из склепа имеют следы позолоты. Изяществом выполнения выделяются крупные бронзовые (серебряные?) бусы шаровидной формы, часть которых имеют рифленую поверхность.

Помимо бус в склепе выявлены бронзовые подвески различных форм, серьги, приколки, концы которых иногда украшены встав-

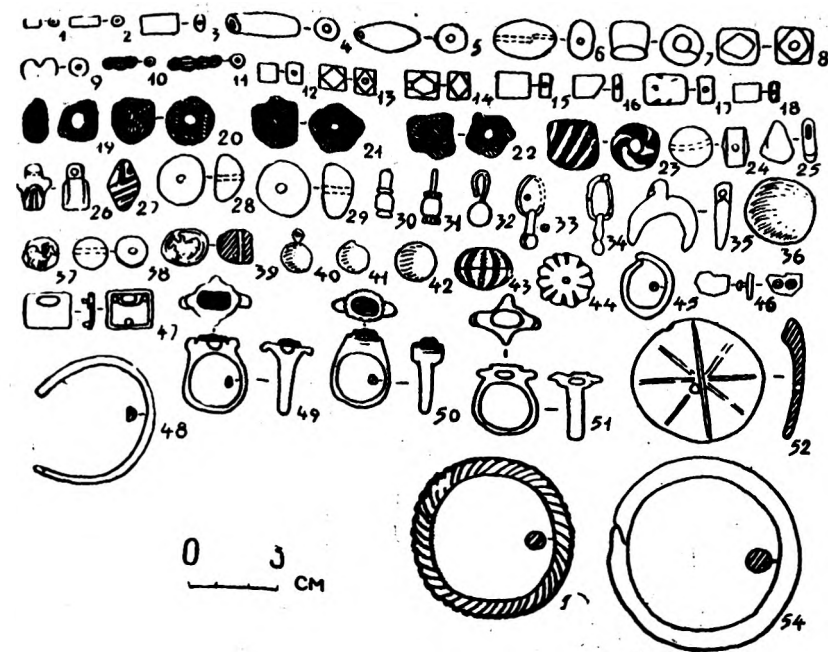

Рис. 3. Остатки погребального инвентаря из склепа № 2.

ленными бусами в ажурном обрамлении. Интересны перстни, некоторые со вставными камнями. Браслеты из склепа представлены 3 экземплярами. Один, небольших размеров, изготовлен из тонкой бронзовой проволоки. Два — стеклянные, один из них витой.

Из находок в склепе следует особо отметить сердоликовую гемму округлой формы, которая имеет сквозное отверстие. На срезе ее вырезано изображение грифона (рис. 3).

Большой интерес представляет также найденная у западной стены склепа монета, которая по определению специалистов является омейядским анонимным динаром, относящимся к 732—733 гг. Монета имеет медное ядро и золоченую поверхность⁵.

Помимо украшения, в склепе выявлены и четыре сосуда небольших размеров. Все они имеют одинаковые грушевидные формы и размеры и изготовлены из хорошо отмученной глины. Высота сосудов 12—13 см, диаметры горловин 5—6 см, тулова — 8—9 см, дна — 6—7 см. Заглаженная поверхность сосудов имеет розовый цвет. Поверх тулова они орнаментированы параллельными, волнистыми линиями. На двух сосудах по верхней части тулова нанесен дополнительно и гребенчатый штамп из пунктирных линий.

Судя по богатому погребальному инвентарю, склеп был предназначен для захоронений привилегированных представительниц

женского пола. Одна из погребенных, судя по размерам бронзового браслета, являлась подростком.

Склеп № 3 был расположен в 0,5 м севернее и на 0,4 м ниже предыдущего и также был вытянут с запада на восток параллельно последнему. По своему устройству он аналогичен склепу № 1. Размеры его составляли: длина — 2,9 м, ширина — 1,1 м и высота — 1,3 м. Стены склепа были выложены из рваного известняка на глиняном растворе, а углы его были несколько закруглены. Перекрыт он был двумя массивными плитами толщиной около 20 см. Северная стена склепа и частично боковые оказались разрушенными.

Как и предыдущие, склеп оказался потревоженным. Извлеченные из него кости погребенного лежали рядом со склепом. Небольшие обломки костей черепа, лежавшие *in situ* у западной стены склепа, свидетельствуют об общей западной ориентации погребенных. Склеп несколько отличался от предыдущих характером представленного в нем погребального инвентаря. Из погребального инвентаря представляются интересом остатки сабли, которые лежали у северной стены склепа рукоятью к востоку. Длина сабли составляет 85 см. Лезвие ее длиной в 75 см и шириной в 3 см, сохранилась в фрагментарном состоянии. Следует отметить, что заостренная с двух сторон, кожная часть сабли слегка изогнута. От рукояти сабли сохранилось перекрестие и часть стержня, на который, судя по сохранившейся трухе, надевалась деревянная рукоять. Перекрестие сабли с округлыми концами расположено по отношению лезвия под незначительным углом. Подобное изогнутое расположение перекрестия по отношению лезвия свидетельствует, что здесь представлено оружие нового типа. Фрагменты изогнутых однолезвийных сабель более раннего времени известны на территории Дагестана пока лишь с Верхнечирюртовского курганного могильника⁶.

У южной стенки склепа, также в фрагментарном состоянии, был найден наконечник копья. Длина наконечника — 28 см, втулка наконечника копья составляла 1/3 общей длины. Основание втулки имело некоторое утолщение, где, возможно, находилось зажимное кольцо. В заполнении склепа также найдены: железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы, обломок небольшого бронзового кольца и две сердоликовые бусины (рис. 4).

В целом, судя по характеру находок, в склепе был погребен воин-всадник.

Склеп № 4 был расположен рядом с западной стороны от предыдущего. Судить о его конструкции и размерах трудно, поскольку он оказался полностью разрушенным. Незначительный погребальный инвентарь, выявленный при его расчистке, представлен обычными бусами разнообразных форм и небольшими фрагментами бронзовых изделий. Найдены здесь и несколько обломков сероглиняных сосудов с залощеной внешней поверхностью, а также обломок красноангобированных сосудов.

Склеп № 5 был расположен в 5 м к Ю-З от склепа № 3 на

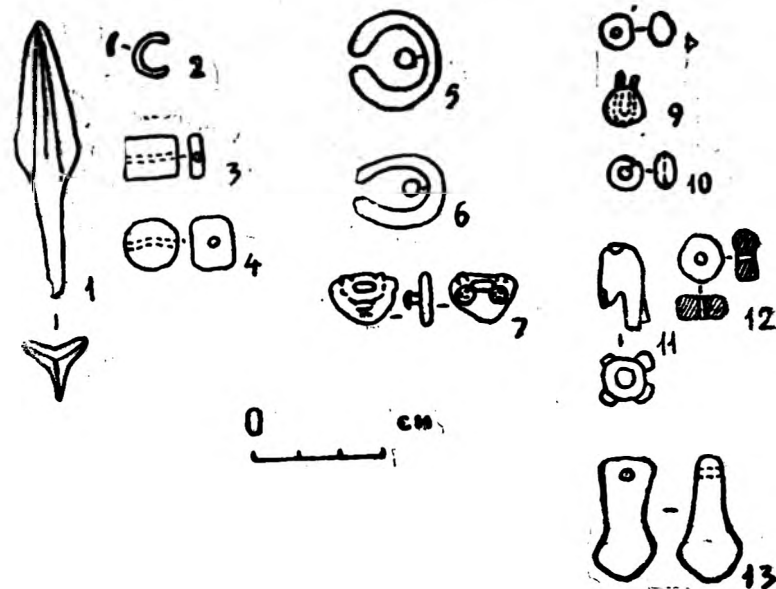

Рис. 4. Остатки погребального инвентаря из склепа № 3.

глубине 0,3 м от современной поверхности и оказался частично разрушенным. Судя по остаткам стен, склеп был возведен из вертикально установленных массивных плит, от которых сохранились лишь западная и частично продольные, которые также были ориентированы по длине с запада на восток. Судя по сохранившимся контурам, длина склепа составляла 1,4 м, ширина 0,7 м и высота 0,3 м. Погребенный в нем лежал вытянуто на спине, головой на запад. Украшения из склепа представлены небольшими фрагментами бронзовых бляшек от поясного набора и железных поделок, а также небольшими железными и бронзовыми колечками (серьгами?). Найдены здесь и характерные бусы из сердолика и стеклянной пасты, среди которых представлены и отдельные экземпляры глазчатых бус (рис. 4). Представляют интерес две подвески оригинальной формы, найденные под черепом погребенного. Оригинальную форму имеет и миниатюрный кувшинчик, обнаруженный с правой стороны от погребенного. Кувшин красноглиняный имеет тщательно заглаженную поверхность розового цвета. Высота его 12 см, диаметры: горловины — 2,5 см, тулова — 9 см, дна — 5,5 см. Горловина кувшина утоньшается у тулова. Верхняя часть горловины, тулова и трубчатого сливного носика кувшина орнаментированы врезными параллельными линиями.

В целом погребение отличается от предыдущих своими размерами и, судя по конструкции, — каменный ящик, предназначенный для одиночного захоронения (рис. 5).

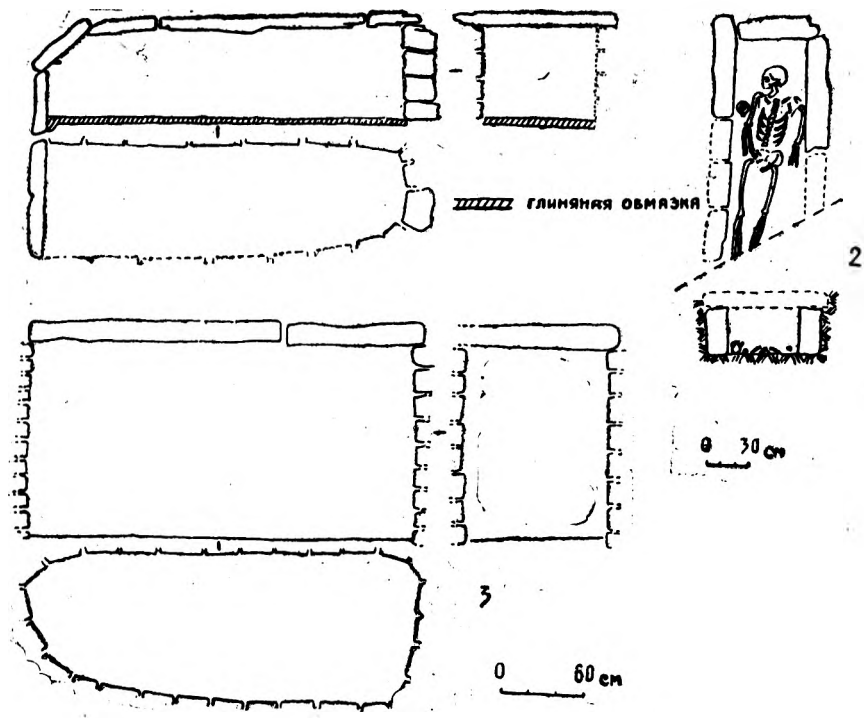

Рис. 5. Планы и профили остатков Таркинских склепов.

Склеп № 6 был расположен в 1,5 м к западу от предыдущего. От него также сохранилась лишь небольшая западная часть. Судя по этим остаткам, он также представлял собой каменный ящик, предназначенный, видимо, для одиночного захоронения. Аналогично предыдущему он был сооружен из вертикально установленных плит. На месте его развала выявлены остатки погребального инвентаря, представленного в основном мелкими бусами из сердолика и стеклянной пасты, а некоторые и со следами позолоты. Найдены здесь и обломки различных сосудов. Некоторые из них орнаментированы красным ангобом и бессистемной штриховкой. Отдельные обломки покрыты также горизонтальной волнистой линией.

В целом, завершая характеристику исследованных погребений, отметим, что на могильнике представлены два различных типа погребальных сооружений (склепы и ящики). Склепы предназначались для повторных захоронений, и, судя по погребальному инвентарю, привилегированной части местного населения. И наоборот, каменные ящики предназначались для одиночных захоронений и, очевидно, были связаны с бедными слоями местного насе-

ления. Однако не исключена возможность, что эти различия могли быть обусловлены не только социальными факторами, но и этнической неоднородностью древнего населения бытовавшего здесь города.

Поэтому, очевидно, склепы Таркинского могильника являются памятником, отражающим не только уровень развития представленной здесь культуры, но и, возможно, этнических различий погребенных. В этой связи отметим, что склеповые погребальные сооружения, аналогичные таркинским, получают в VIII—X вв. довольно широкое распространение в предгорных районах Дагестана. Они известны у сел. Каранай⁷, Чиркей⁸, Агачкала⁹, Дегва Буйнакского района и в целом ряде других пунктов предгорного Дагестана¹⁰. Примечательно, что для всех этих памятников характерны общие конструкции погребальных сооружений. Обширные по размерам и перекрытые массивными блоками, а также тщательно устроенные склепы Таркинского могильника не только повторяют конструкции выше перечисленных памятников, но и аналогично им контрастно выделяются на фоне бедных погребений в каменных ящиках. Социальные различия между ними особенно выразительно прослеживаются в характере представленного в них погребального инвентаря. Разнообразные и высокохудожественные украшения из таркинских склепов не только выделяют их как семейные усыпальницы знати, но и свидетельствуют о довольно высоком уровне и, что особенно важно, общей нивелировке представленной здесь культуры. Не только керамика, но и оружие (сабли, наконечники копья и стрелы), а также украшения (бусы, браслеты, серьги, головные булавки, перстни и многое другое), выявленные в Таркинских склепах, полностью повторяют аналогичное оружие и украшения из Агачкалы, Узунталы, Караная и др. памятников. Очевидно, распространение единой культуры на памятниках предгорного Дагестана в VIII—X вв. могло быть обеспечено только при наличии на местах общих центров гончарных, ремесленных и ювелирных производств, продукция которых реализовывалась через рынок. Более того, существование здесь общерегиональных ремесленных центров, предопределивших нивелировку всей культуры, могло быть следствием наличия на месте и централизованного государственного образования. Подобная возможность подтверждается не только археологическими материалами, но и данными некоторых письменных источников. Эти источники хотя и незначительны по количеству, тем не менее дали возможность исследователям ставить вопрос о возможном бытовании в Прикаспии царства под названием Джидан. Однако это предположение¹¹ не имело до недавнего времени конкретного археологического подтверждения и соответственно не получило признания со стороны исследователей. Отсутствие четких археологических ориентиров для локализации Джидана в Прикаспии позволило некоторым исследователям высказать идею об идентичности Джидана и Кайтака. Подобное отождествление первым было предложено Доссоном¹², которого затем поддержали

В. Ф. Минорский¹³ и Б. Н. Заходер¹⁴. Горячим сторонником подобного отождествления Джидана выступает и А. Р. Шихсаидов¹⁵.

Все эти исследователи едины во мнении о том, что Джидан — это ошибочное написание Хайдака, которое можно объяснить якобы особенностью арабской графики¹⁶.

Подобные суждения исследователей о происхождении названия Джидан не случайны. Они обусловлены главным образом малочисленностью сведений письменных источников об этом царстве. Наиболее конкретные сведения о бытовании государственного образования под названием Джидан на Восточном Кавказе можно найти у Масуди. Он в частности отмечает, что «...жители Баб ал-абваба терпят неприятности от соседства царства, называемого Джидан, подвластного хазарам»¹⁷. И далее Масуди, подчеркивает, что... «из всех царств, находящихся в этих странах, самое могущественное царство Джидан»¹⁸. Подобные довольно подробные сведения Масуди об этом царстве позволяют не согласиться с суждениями исследователей о том, что Джидан — это ошибочное написание Хайдака, которое объясняется якобы особенностью арабской графики.

Далеко не случайно, что царство под названием Джидан упоминается в сочинении Масуди не менее 4-х раз. Поэтому было бы неверно полагать, что переписчики ошибались столько раз при написании именно этого названия. Отождествлению Джидана и Хайдака противоречат не только эти соображения, но и целый ряд других данных из сочинений Масуди. Новейшими исследованиями установлено, что Хайдак — это небольшое политическое образование¹⁹, сложившееся в средневековье к западу от Баб ал-абваба, которое в X в. было подчинено Хазарскому каганату²⁰. Территория Хайдака была ограничена со всех сторон землями Уркараха, Серира, Табасарана и Баб ал-абваба²¹. Поэтому трудно допустить, что столь незначительное по размерам и замкнутое со всех сторон политическое образование могло претендовать на роль самого могущественного царства в этих странах, каким Масуди изображает Джидан²².

При отождествлении Хайдака и Джидана возникают и целый ряд других существенных противоречий. И главным из них является нарушение порядка взаиморасположения некоторых политических образований Дагестана, отмеченных в сочинениях Масуди рядом с Хайдаком. Так, территориальными соседями Хайдака, в отличие от данных Масуди, оказываются сначала Гумык (Кумух), а затем Зерекеран²³ (Кубачи). А в действительности все обстояло наоборот. Или другой пример. В 938 г. в походе, предпринятом Баб ал-абвабом против царства Шандан, локализуемого в горной части Дагестана, принимала участие и хайдакская конница. Союзниками Шандана были сариры и хазары²⁴. В этом случае представляет значительный интерес сам факт участия Хайдака в походе против Шандана — союзницы Хазарии. Очевидно, что Джидан не мог выступить в этой роли, поскольку оно само, в отличие от Хайдака, являлось частью Каганата. Уже одно это обстоятельство,

разумеется, исключает возможность отождествления Джидана и Хайдака. Подобной возможности противоречат и отмеченные выше данные из сведений Масуди. Джидан, а не Хайдак, в сообщениях Масуди выступает частью или наследницей Хазарии, и поэтому оно не случайно является самым могущественным царством в Приморском Дагестане. В источниках отмечено, что «...народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Джидан, народ которого входит в состав земель хазарских царей»²⁵. Трудно допустить, чтобы Баб ал-абваб, превратившийся в крупнейший город Кавказа и выступавший резиденцией иранских, арабских, а впоследствии и местных правителей, мог терпеть много ущерба от небольшого Хайдака, резиденцией правителей которого выступал Кала-корейш²⁶. Более того, мы не располагаем археологическими материалами, свидетельствующими о вхождении Хайдака (Калакорейш) в состав земель хазарских царей. И наоборот, территория царства Джидан полностью совпадает с территорией земель хазарских царей в Прикаспии. И не случайно, что между культурами этих двух политических образований и регионов в целом прослеживается и генетическая преемственность²⁷. И наконец, следует отметить, что Хайдак никак не мог причинять много ущерба Баб ал-абвабу, поскольку был союзником и неоднократно выступал на стороне Дербента²⁸.

Таким образом, между Хайдаком и царством Джидан существуют столь значительные противоречия и несоответствия в данных письменных источников, что об их отождествлении не может быть и речи. Они не сопоставимы и по археологическим данным. Джидан — это обширное и могущественное царство, существовавшее к северу от Дербента. В этой связи следует отметить сохранившуюся до наших дней традицию среди даргинцев называть кумыков Прикаспия джандарами²⁹. В этом названии нетрудно уловить созвучие с названием Джидан, сохранившимся, слегка видоизменившись, до наших дней. В хронологическом и территориальном плане с царством Джидан вполне сопоставимы памятники типа Таркинского, Агачкалинского, Узунталинского и др. могильников и связанных с ними поселений, на которых представлена общая культура³⁰. Более того, специфика культуры этих памятников, представленных, главным образом, на территории Прикаспия, для которой характерны общие традиции производства, является выразительным свидетельством несомненного бытования здесь централизованного государственного образования. Этим государственным образованием и выступает царство Джидан, являвшейся той феодальной надстройкой, которая, базируясь на наследии хазар, обеспечила дальнейшее развитие экономики и нивелировку культуры обширного Прикаспийского региона. Можно думать, что политическим центром Джидана, возможно, выступало Таркинское городище, которое занимает наиболее стратегически важный пункт Приморского Дагестана. Ведь не случайно здесь существовала и столица Хазарского каганата — город Семендер³¹. Городище примечательно не только обширными размерами, но и наличием зна-

чительных толщ культурных отложений VIII—X вв.³² Являясь частью Хазарии, Джидан, очевидно, продолжил былые традиции каганата и при выборе месторасположения политического центра страны.

Таким образом, царство Джидан, сложившееся здесь после перемещения центра Хазарского каганата из Прикаспия на Волгу и Дон³³, являлось наследницей хазар в Дагестане. Возникнув на землях хазарских царей после арабских походов в конце VIII в., это царство было здесь самым могущественным главным образом потому, что представляло собой часть Хазарии. Этим обстоятельством, очевидно, можно объяснить и непродолжительное время существования Джидана после гибели Хазарии, а также причину малочисленности сведений письменных источников об этом царстве. Гибель Джидана связана, очевидно, с проникновением в прикаспийские районы новых волн кочевников, которые разгромили и хазарское государство³⁴. Именно в это время наблюдаются следы пожаров и разрушений на памятниках Прикаспия, а также полное прекращение жизни на многих из них после X в.

* * *

¹ Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане Учен. Зап. ИИЯЛ. — 1965. — Т. XIV. Сер. ист. — С. 177; Минорский В. Ф. История Ширвана Дербенда X—XI вв.— М., 1963.— С. 144; Лавров Л. И. Тарки до XVIII века. Учен. зап. ИИЯЛ.— 1965.— Т. XIV. Сер. ист. С. 14—15.

² Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата.— М., 1982.— С. 52—55.

³ Там же. — С. 55.

⁴ Магомедов М. Г. Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1973 г. Рукоп. фонд.— Ф. 3.— Д. № 346.

⁵ Монета была определена Г. А. Федоровым-Давыдовым, за что приношу ему свою глубокую благодарность.

⁶ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата.— С. 75.

⁷ Артамонов М. И. Отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг. Архив ЛОИИМК. — Оп. 1. — Д. 41. — С. 18—20.

⁸ Путинцева Н. Д. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Рукоп. фонд, ИИМК. — Ф 3. — Д. 113а. — С. 178.

⁹ Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. — 1951. — Вып. 38. — С. 113.

¹⁰ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. — С. 92—93.

¹¹ Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет: (Итоги и пробл. Учен. зап. ИИЯЛ. 1960. — Т. VIII. — 358.

¹² D'Ohsson, les peuples du Caucase.— Paris, 1829.

¹³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда...— С. 126.

¹⁴ Заходер Б. Н. Каспийский Свод сведений о Восточной Европе.— М., 1962.

¹⁵ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане: (VII—XV вв.). — Махачкала, 1969. — С. 36.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК.— Тифлис, 1908. — Вып. XXXVIII. — С. 43.

¹⁸ Там же.— С. 51.

¹⁹ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане...— С. 37.

²⁰ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда...— С. 192.

²¹ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане...— С. 37.

²² Масуди. Луга золота... — С. 51.

²³ Там же. — С. 52.

²⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда...— С. 139.

²⁵ Там же. — С. 192.

²⁶ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане... — С. 37.

²⁷ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата.— С. 93.

²⁸ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане... — С. 37.

²⁹ Гаджиева С. Ш. Кумыки.— М., 1961.

³⁰ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата.— С. 93.

³¹ Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии//СА.—1975.—№ 2.

³² Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. — С. 202.

³³ Там же. — С. 194.

³⁴ Артамонов М. И. История хазар.— Л., 1962.— С. 445

НОВЫЕ СРЕДНЕПЕРСИДСКИЕ НАДПИСИ ИЗ ДЕРБЕНТА

Известные ранее 20 среднеперсидских (пехлевийских) надписей из Дербента¹, датируемые VI в. н. э.², дополнились ныне новыми находками.

Во время работы в Дербентской археологической экспедиции в августе—сентябре 1985 года было обнаружено еще 5 надписей — четыре полных и одна фрагментарная³. В данной статье они нумеруются №№ 21—25.

На южной стене цитадели между 2-й (закругленной) и 3-й (квадратной) башнями расположены 7 надписей, правильное чтение которых принадлежит Г. Гроппу⁴. Здесь же, в надписи № 21 начало которой удалось обнаружить в левой стороне блока, расположенного ниже современной дневной поверхности, отчетливо видны лишь первые буквы — 'twrg[...]; надпись можно уверенно восстановить по аналогии, как «сделал Адургушнасп» — 'twrg[^vwšnsp krt] (Ādurgušnasp kard).

Внутри цитадели, в её юго-западном углу, у выхода на Дагбары (Горную стену)⁵ найдена надпись № 22: mws(y)[k] k(r)[t] «сделал Мошиг». Надпись выбита в правой стороне 4-го блока от дневной поверхности. Длина блока 107 см, высота 62 см. Надпись вертикальная, двухстрочная. Правый нижний угол блока сбит. Сохранившиеся буквы четкие, высота их около 11 см (рис.).

Следующие три надписи расположены на наружной облицовке северной стены города.

Между 41 и 42 башнями⁶ северной стены, идущей на этом участке по краю крутого глубокого оврага, недалеко от Джарчикапы («Ворота вестника», «Водяные ворота»), на 3-м блоке от дневной поверхности обнаружена надпись № 23 из одного слова:

'r(ab) «вода». Длина блока 72 см, высота 122 см. Длина надписи около 30 см, высота букв 7—8 см. Надпись вертикальная, как и все среднеперсидские надписи Дербента, находится почти в центре блока с легким смещением влево.

Следующая надпись № 24 расположена между 21 и 22 башнями в левой стороне широкого блока, находящегося на высоте 2 м 40 см (6-й блок от современной дневной поверхности). Длина

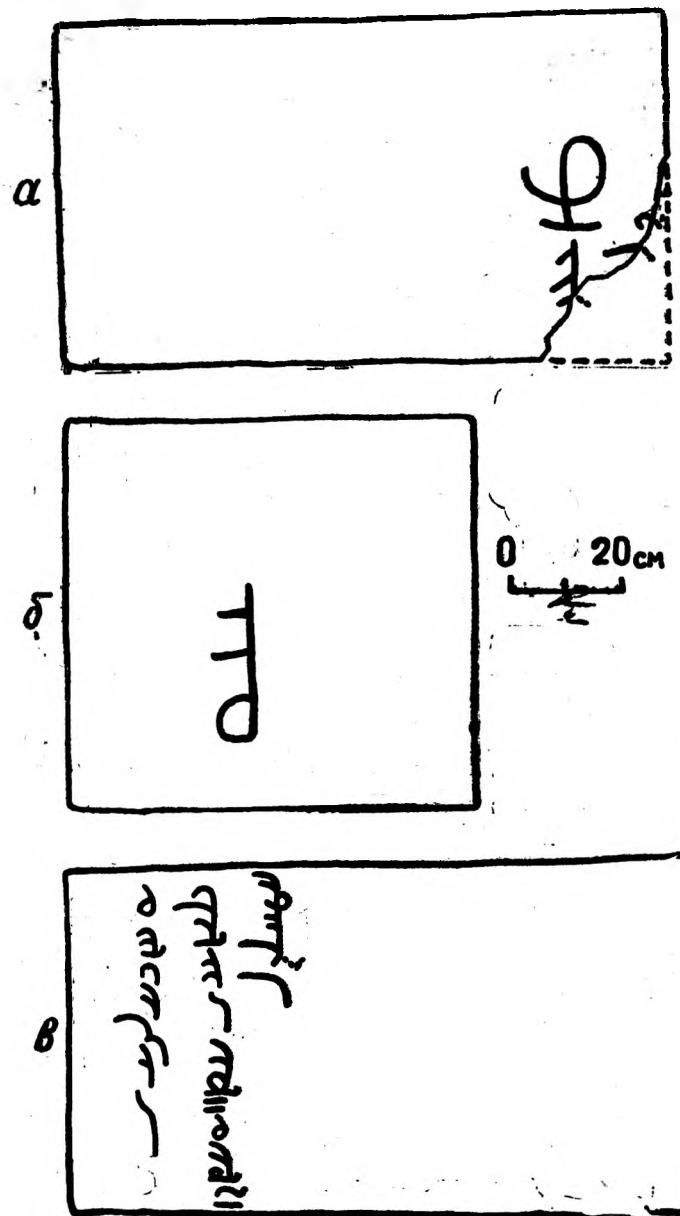

Рис. 1. Новые среднеперсидские надписи из Дербента: № 22 (а), 23 (б), 25 (в).

блока 109 см, высота 53 см. Высота букв 2,5—3,5 см. Стена не носит следов перекладки. Надпись вертикальная, состоит из 3-х строк:

- (1) blznys̄ ZY
- (2) 'twrp'tkn
- (3) 'm'!kl

Barznis̄ ī Ādurbādagan̄ āmārgar

«Барзниш, амаргар (финансовый контролер) Адурбадагана».

Надпись такого же содержания известна по работе Е. А. Пахомова, где она обозначена № 10⁷, и расположена между 2-й и 3-й башнями на высоте 1 м 75 см. Размеры блока с надписи № 10 33×55 см. Блок обращен наружу узкой гранью. Стена здесь носит следы поздней перекладки.

Между 20-й и 21-й башнями найдена еще одна трехстрочная надпись № 25. Она начертана на 7-м блоке от современной дневной поверхности, обращенном наружу широкой гранью. Высота стены до начала надписи — 3 м 85 см. Длина блока 111 см, высота 55 см. Высота букв 3—4 см.

Чтение надписи:

- (1) phny 'LB' ZY
- (2) blznys̄ ZY 'twrp'tkn
- (3) 'm'!kl

Pahnāy cahār ī Barznis̄ ī Ādurbādagan̄ āmārgar

«Ширина — четыре (локтя?). Барзниш, амаргар Абдурбадагана»⁸.

* * *

¹ Эти надписи неоднократно привлекали внимание исследователей. См.: Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи Дербента. — «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. V, Баку, 1929, с. 1—25; Нюрнберг Г. С. Материалы к истолкованию пехлевийских надписей Дербента. — «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. V, Баку, 1929, с. 26—32; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, с. 346—353, табл. 38—40; Луконин В. Г. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе. — В сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе». М., 1969, с. 45, прим. 23; Касумова С. Ю. К толкованию среднеперсидских надписей из Дербента. — ВДИ, № 1, 1979, с. 113—125; Henning W. B. *Mitteliranisch*. «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Bd. IV, Leiden-Köln, 1958, p. 48; Gropp G. Die Derbent-Inschriften und das Adur-Guschnasp. «Monumentum H. S. Nyberg», 1 (Acta Iranica), Leiden, 1975, Ss. 317—319; Gropp G. Die Festung Derbent zwischen Hunnen und Sassaniden. XIX. Deutscher orientalistentag vom 28 September bis 4 Oktober 1975. Freiburg im Breisgau. ZDMG, Suppl. III, 2, 1977, Ss. 1619—1625.

² См.: Касумова С. Ю. К толкованию, с. 117; ср. Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи, с. 21, где датировка растянута до VII—VIII вв.; Г. Гропп (Die Festung Derbent, S. 1621) датирует надписи концом IV в.

³ Пользуясь случаем, выражаю благодарность Институту истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, начальнику экспедиции д. и. н. А. А. Кудрявцеву и зам. нач. экспедиции к. и. н. М. С. Гаджиеву за любезное приглашение для участия в работе Дербентской археологической экспедиции и непосредственную помощь в поисках надписей.

⁴ Gropp G. Die Derbent-Inschriften, s. 318.

⁵ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982, с. 118.

⁶ Здесь мы придерживаемся нумерации башен по Е. А. Пахомову (Пехлевийские надписи, с. 12—13), где отсчет башен ведется от берега моря.

⁷ Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи, с. 17.

⁸ Мы исправляем наше чтение 1-й строки надписи: rasp-darih, предложенное ранее: см. Касумова С. Ю. Новые пехлевийские надписи Дербента. — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984—1985 гг. (28—29 апреля 1986 г.), Махачкала, 1986, с. 9. Подробное обоснование нового чтения надписи будет дано в следующей публикации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий сборник позволил в определенной степени расширить наши представления об этнокультурной картине на Северо-Восточном Кавказе в древности и в раннем средневековье, наметить основные этапы развития культуры в регионе в эпоху энеолита и бронзы, осветить некоторые аспекты этнокультурной ситуации в Дагестане в албанский и раннесредневековый периоды. Однако вопросы ранней этнической истории народов Дагестана в целом остаются еще недостаточно разработанными. К числу таких относятся вопросы, касающиеся формирования нахско-дагестанской этнической общности, причин и времени ее распада, соотношения выделенных археологических культур, их вариантов и этнических общностей, этнокультурной ситуации в Дагестане в эпоху раннего железа — накануне появления первых сведений письменных источников о предках современных народов Дагестана и др. Решение этих актуальных вопросов ранней этнической истории многонационального Дагестана должно базироваться на комплексном изучении данных смежных наук: археологии, этнографии, антропологии и др.

М. Г. Гаджиев

instituteofhistory.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

- Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени//СА. — 1970. — № 2.
- Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э.//СА. — 1959. — № 1.
- Алексеев В. П.* О структуре и древности кавказского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа//Кавказ и Восточная Европа в древности. — М., 1973.
- Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа: Краниол. исслед.— М., 1974.
- Ардзинба В. Г.* Послесловие о некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии//Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии.— М., 1983.
- Артамонов М. И.* Древний Дербент//СА. — 1946.— VIII.
- Артамонов М. И.* История Хазар. — Л., 1962.
- Атаев Д. М.* Дагестан и Кавказская Албания//Тез. докл. на науч. сессии ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, посвящ. археологии Дагестана.— Махачкала, 1959.
- Берзин Я. Б.* Зооморфная керамика как показатель этнических процессов на Северном Кавказе в сарматское время//Археология и вопр. этнич. истории Сев. Кавказа.— Грозный, 1979.
- Гаджиев А. Г.* Об антропологическом типе древнего населения Дагестана и Северного Кавказа//Древности Дагестана.— Махачкала, 1974.
- Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана.— М., 1975.
- Гаджиев М. Г.* Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э.//КСИА.— 1966.— Вып. 108.
- Гаджиев М. Г.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы //Древности Дагестана.— Махачкала.— 1974.
- Гаджиев М. Г.* Северо-Восточный Кавказ и куро-аракская культура//IX Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа: Тез. докл.— Элиста, 1979.
- Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа: IV—X вв.— Л., 1979.
- Гмыря Л. Б.* К этнической интерпретации погребений Паласа-Сыртского могильника//XIV Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа. — Орджоникидзе, 1986.
- Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа.— Махачкала, 1974.
- Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования в Дагестане//Антропологический сборник. I.— М., 1956.— (Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер.; Т. XXXIII).
- Дьяконов И. М.* Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки//Древний Восток.— Ереван, 1978.— Вып. 3.
- История Дагестана: В 4 т. — М., 1967. — Т. I.
- Козинцев А. Г.* Проблемы происхождения антропологических типов Север-

ного Кавказа в свете данных археологии//Антропология и геногеография.— М., 1974.

Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана//V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл.— Махачкала, 1975.

Котович В. Г. Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути//Пробл. археологии.— Л., 1978.— Вып. 2.

Котович В. Г. К характеристике этно-исторической ситуации в Прикаспийском Дагестане в V—VII вв./VIII Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа: Тез. докл.— Нальчик, 1978.

Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана.— М., 1982.

Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет.— Учен. зап. ИИЯЛ.— Махачкала, 160.— Т. VIII.

Котович В. М. Верхнегунбское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана.— Махачкала, 1965.

Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. //Древние племена и народности Кавказа.— М.; Л., 1958. (МИА; № 68).

Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана: (опыт первого исслед. Таркинского могильника 1947 года).— МИА.— 1951.— № 23.

Кудряцев А. А. Город, не подвластный векам.— Махачкала, 1974.

Кудряцева А. А. Древний Дербент.— М., 1982.

Кудряцев А. А. Дербентский могильник//Древние культуры Северо-Восточного Кавказа.— Махачкала, 1985.

Кузнецов В. А. Аланы и раннесредневековый Дагестан: (к постановке вопроса)//МАД.— Махачкала, 1961.— Т. 2.

Лавров Л. И. Тарки до XVIII века.— Учен. зап. ИИЯЛ.— 1954.— Т. XIV. Сер. ист.

Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии//СА.— 1975.— № 3.

Магомедов М. Г. О происхождении культуры Андрейаульского городища //Северный Кавказ в древности и средние века.— М., 1980.

Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата.— М., 1982.

Магомедов Р. М. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии//Учен. зап. ДГУ, 1970.— № 6.

Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане.— Учен. зап. ИИЯЛ.— 1965.— Т. XIV. Сер. ист.

Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы: (II тыс. до н. э.).— М., 1960.

Марковин В. И. Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы//Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюз. симпозиум.— Ереван, 1982.

Марковин В. И. К происхождению склепов и распространению составных дольменов на Северном Кавказе//КСИА.— 1982.— № 169.

Март Н. Я. Племенной состав населения Кавказа: классиф. народов Кавказа//Тр. Комис. по изуч. племенного состава России.— 1920. — II. — Вып. 3.

Миклашевская Н. Н. Антропологический состав населения Дагестана в аваро-хазарское время//Вопр. антропологии.— 1960.— Вып. 5.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда.— М., 1963.

Мунчаев Р. М. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ//Новое в сов. археологии. — М., 1965.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века.— М., 1975.

Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: (кур-ганная группа у станции Манас)//СА. — 1956. — Вып. XXVI.

Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В. Ирганайские гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа//V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. — Махачкала, 1975.

Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана//КСИИМК. — 1951. — Вып. XXXVIII.

Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент//МАД. — Махачкала, 1961.— Т. II.

Старостин С. А. Культурная лексика в общесеверовостокавказском словарном фонде//Древняя Анатолия.— М., 1985.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании: IV в. до н. э. — VII в. н. э. — М.; Л., 1959.

Федоров Г. С., Федоров Я. А. Прикаспийский Дагестан в первые века н. э. //Учен. зап. ИИЯЛ.— 1969.— Т. XIX. Сер. обществ. наук. Кн. 2.

Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. — М., 1978.

Хашегульгов Б. М. Участие волго-днепровских племен в этнических процессах на Северном Кавказе: (конец III—первая половина II тыс. до н. э.)//Археология и краеведение — вузу и школе: Тез. докл. и сообщ. второй регион. науч.-практ. конф. — Грозный, 1985.

Шейхов Н. Б. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник (по материалам Агачкалинского могильника)//КСИИМК.— 1952. — Вып. XI VI.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АЭС — Археолого-этнографический сборник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ДАН АзССР — Доклады АН Азербайджанской ССР
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИИ ИФЭ — Научно-исследовательский институт истории, филологии и этномики (г. Орджоникидзе)
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры (г. Ленинград)
РФ ИИМК — Рукописный фонд Института истории материальной культуры
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
СА — Советская археология
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — Советская этнография
ТД НСПИЭИ ИИЯЛ — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ
ТД СПИПАИ — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований
Тр ИЭ АН СССР — Труды Института этнографии АН СССР
УЗ ДГУ — Ученые записки Дагестанского государственного университета
УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Гаджиев М. Г.</i> Развитие культуры Дагестана в эпоху раннего металла (Вопросы периодизации)	5
<i>Магомедов Р. Г.</i> К изучению этнокультурной ситуации на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы	22
<i>Давудов О. М.</i> Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана	36
<i>Кудрявцев А. А.</i> О синкретизме парфяно-сасанидских, греко-римских и местных традиций в фортификационной архитектуре и градостроительстве древнего и раннесредневекового Дербента	52
<i>Гмыря Л. Б.</i> Погребальный обряд Паласа-сыртского могильника (этносоциальная интерпретация)	72
<i>Магомедов М. Г.</i> Таркинский склеповый могильник (К вопросу об этносоциальном составе)	90
<i>Касумова С. Ю.</i> Новые среднеперсидские надписи из Дербента	102
Заключение	106
Список литературы по теме	107
Список сокращений	110

instituteofhistory.ru

Цена 65 коп.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНЕМ ДАГЕСТАНЕ

Сборник статей

Редакторы *Е. И. Чернигова, С. Д. Усик*

Художник *М.-А. Малагитинов*

Технический редактор *Н. В. Жукова*

Н/К

Сдано в набор 05.06.87. Подписано к печати 13.08.87. С 01655.

Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага типографская № 2. Усл. п. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,2.

Заказ 568. Тираж 500 экз. Цена 65 коп.

Дагестанский филиал АН СССР

Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского филиала АН СССР

Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.